

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

Из культурного прошлого ингушей

Редко где проблема культурного смешения, в самом широком смысле слова, так резко выступает на первый план и приковывает к себе тотчас же исследовательское внимание, как на Кавказе: здесь заключен особый методологический интерес изучения кавказских народов. Географическое положение кавказского перешейка на рубеже двух культурных миров, старого переднеазиатского и более молодого южнорусского, на протяжении доступного нам теперь, уже многовекового исторического периода кляло свой отпечаток на судьбу его разноязычных насельников. Победа осталась, в конце концов, за севером, Кавказ в целом прочно вошел в орбиту европейского культурного влияния, идущего через русское русло. От внимательного наблюдения не может ускользнуть историческое преемство в борьбе за культурную гегемонию на Кавказе таких культурных стихий, как скифо-сарматская (аланская), затем хазарская, половецкая (кипчацкая), монгольская и, наконец, с XVI в. русская. Этому натиску с севера противостояли еще более разнообразные влияния, шедшие от культурных стран Передней Азии и Балканского полуострова. На окончательной судьбе перешейка сказалась, без сомнения, существенная разница подступов к Кавказу северного и южного, удобства первого и невыгоды второго: потому-то исход последней борьбы за обладание Кавказом Персии, Турции и России получает свое объяснение при одном лишь внимательном взгляде на карту.

Исторический процесс, ясный здесь в широких контурах, необычайно сложен и запутан в частностях. Главная трудность на пути разрешения возникающих в этой связи вопросов — совершенная недостаточность, а вместе с тем и неизученность имеющихся источников. Местная историческая традиция становится, в лице грузинской историографии, лишь с XI в. на прочную почву, когда впервые интересы местных культурных кругов воз-

выпадают до общекавказского масштаба.¹ Известна печальная судьба местной, южнорусской историографии для всего древнего и средневекового времени: своих, сохранившихся удовлетворительно историков не знает ни Алания, ни Хазария, ни Золотая Орда. С другой стороны, скудость надежных местных сведений о домусульманской Персии находится в вопиющем противоречии со значительностью культурной роли древнего Ирана, в особенности сасанидского времени, в исторической жизни народов Кавказа. Такое положение исторической традиции обязывает исследователя прошлых судеб народов Кавказа к тщательному использованию косвенных источников, служащему к достижению той же цели. К одним из важнейших относится, без сомнения, язык, сохраняющий в себе следы всех более или менее значительных влияний, разновременно испытанных говорящим на нем народом.

Ингуши, которые послужат в дальнейших строках предметом нашего внимания, относятся к числу тех коренных народностей Кавказа, обстоятельства и время появления которых на той территории, где их застаёт история, останутся вероятно навсегда скрытыми от нашей любознательности. Признак, по которому они выделяются в науке из массы своих соседей — их ингушский язык, основной, с точки зрения этнической классификации, хотя и не единственный для нас,² принцип деления. По этому признаку они входят, как часть, в состав чеченской группы наречий, занимающей промежуточное положение между восточной группой горских языков, с которой они связаны интимными узами, и более далекой западной (черкесы, абхазы). Не совсем точно утверждение первого исследователя чеченского языка, П. К. Услара, писавшего о чеченцах (включая ингушей): «уроженцы двух противоположных концов Чечни без затруднения могут разговаривать друг с другом, за исключением разве джераховцев, которые говорят весьма измененным наречием».³ Противоположение языка одних джераховцев (живущих

¹ Армянская литература в целом развивалась в территориально слишком удаленных от центрального Кавказа районах, чтобы служить нам для более ранней эпохи в интересующем нас отношении. Анонимная география, приписываемая М. Хоренскому, была бы, конечно, немислима без Птолемея, как отправной инстанции.

² Ср. Н. Я. Марр. Племенной состав населения Кавказа. Пгр. 1920, стр. 7 сл., стр. 21 сл. и спец. об ингушах стр. 44—45.

³ П. К. Услар. Чеченский язык (изд. 1888 г.), стр. 2. Интересно указание Лаудаева, цит. ниже соч., стр. 39, что «шатоевцы неохотно зовут себя нахчоями (сч. чеченцами в смысле Услара), что происходит от их прежних враждебных отношений к чеченцам». Ср. у него же стр. 3—5 «названия обществ чеченского племени и их значения».

на крайнем западе чеченской территории, у Военногрузинской дороги) всей массе чеченских наречий не согласуется с теми сведениями, которыми располагает в настоящее время кавказское языкознание. Руководствуясь материалами лингвистической анкеты, производившейся в связи с первой переписью 1897 г., и записями, произведенными в 1926 г. в Кахетии автором этих строк, мы получаем следующую картину распределения диалектов: кроме джераховцев, языком, имеющим некоторые существенные фонетические, морфологические и лексические особенности, характеризующие ингушский язык в отличие от прочих чеченских наречий, говорят 1) жители Мецхальского, Хамхинского и Цоринского обществ горной Ингушии; 2) жители всех плоскостных аулов, расположенных в районе верхнего течения рр. Камбилеевки, Сунжи, Ассы и отчасти Фортанги, за исключением группы аулов, расположенных в стороне, на территории известных в истории XVI—XVIII вв. малокабардинских Ахловых кабаков, где один аул Пседах (<каб *q̄sə dəfə* 'красивая река' гесп. 'хорошая вода') характеризуется чеченскими особенностями,¹ как напр. *tqhiesnæ* 'девятнадцать', *zudæ* 'жена, женщина', *kujg* 'рука', *stigi* 'небо', *doacun*, *joacun* 'короткий', *stæk* 'человек', *čašix* 'дѐма'; 3) так наз. (по-грузински) кистинские общества верховьев Аргуна, в частности общества Саханойское² и Маистское³ б. Тифлисской губ. и Хельдиароевское⁴ Аргунского округа. В недавнее сравнительно время (XIX в.) из указанных обществ выселилось в Панкисское ущелье (верховья кахетинской Алазани) небольшое количество кистин, образовавших селения Джаколо (*žoqhælæ jur*) и Дуисопели (*duvjurt*) и занявших селения Омало (*omæl*), Хорджа (*xoržæpie*) и др. По сведениям Радде, собранным в 1876 г., кистины имелись также в тушинском селении Чиго (Дартлоское общ.),

¹ Транскрипция чеченских (ингушских, цовских) слов, встречающихся далее в тексте унифицирована и основана на ингушской транскрипции З. К. Мальсагова, с необходимыми уточнениями вокализма (*uo* и *o* вместо *o*, *ie* и *e* вместо *e*, *ij* и *i* вместо *i* и, наконец, *uv* и *u* вместо *u*).

² Саханойские кистины называются по-ингушски *melxij*. Интересно отметить более древнюю (гесп. диалектическую) форму этого названия, сохраненную у хевсур, именно *ᲑᲗᲗᲗ* (на старых русских картах Митхо); так же называют их и цова-тушины, для которых форма *mitxo* закономерна.

³ Хевсурское *ᲑᲗᲗᲗ*, ингушское *mbæjstuo*. Форма Мааст встречается в любопытных преданиях у чеченцев (записи Лаудаева, цит. ниже соч., стр. 25 и 50). Ср. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, стр. 124, 125, где название это имеет форму Меэстэ.

⁴ Собств. значит 'находящееся по ту сторону реки', ср. Аргуна, чеченск. *xildijæguo*, цовское *xildaigow*. Ср. груз. *ᲑᲗᲗᲗᲗᲗᲗᲗᲗ* (собств. 'потусторонний', название части тушин, говорящей по-грузински) = цова-тушинское *daħmaxkgow* 'пирикителец'.

в грузинском сел. Зенамхари (Земо-Тионетское общ.) и в селениях Бахтриони и Хорбало. В настоящее время встречаются они же в некоторых грузинских селениях Кахетии, как Артана (Напареульского общ.), Ахметы и др. Записи слов, производившиеся в указанных селениях, показывают такие ингушские особенности, как *tqhiestæ* 'девятнадцать', *siesæk* 'жена', *kulg* resp. *kulk* 'рука', *sigil* 'небо', *loac* 'короткий', *sæk* 'человек', *chæghæš* 'дóма'; 4) на крайнем востоке чеченской территории, в Хасав-юртовском округе, некоторые селения (каковы: Чанка-юрт, Акбулат-юрт, Кара-су, Голайты и Бильт-аул) проявляют известные ингушские особенности (*siesyk*, *kulük*, *sigil*, *sak*, *lacin*), причем предания объясняют эти особенности сравнительно недалеким ингушским происхождением жителей. Следует еще заметить, что произношение *s* (вместо обычного *st* в начале некоторых слов в чеченском) характеризует всю нагорную полосу Чечни, вплоть до чеченцев Апдийского округа в Дагестане (отмечено для Итум-Кале, Чаберлоя и т. д.). Все перечисленные районы образуют, таким образом, в настоящее время особую разновидность чеченского языка, которую мы можем назвать условно ингушской, противопоставляемой собственно чеченской группе наречий, начинающейся непосредственно к востоку от Фортанги, по течению р. Нетхой, Шалаж, Гехи¹ и проч. Аккинское общество (в верховьях западных притоков Гехи) ныне относится уже к чеченцам.

Не совсем так обстоит дело с точки зрения самих ингушей. Если национальное самосознание коренного ингуша Хамхинского общества, называющего себя *ghalgha* 'галгаец' примирится, исходя из факта значительного смещения в наиболее населенной части страны, на плоскости, с причислением к себе жителей Мецхальского общества, так наз. *färrij* ('веппинцы' по старой русской терминологии), то считать себя в ближайшем родстве с *melxij* (см. стр. 683, прим. 2) не согласится, вероятно, никто. В устах плоскостного ингуша выражение *uz melxie vaе* 'он мйтхоевец', равнозначно словам: 'он бессо-

¹ В верховьях Гехи расположено урочище *пæšæх*, легендарная колыбель чеченского народа. Самое национальное название чеченцев (*пæхсио* 'чеченец') естественнее всего производит отсюда (*пæшхио* > *пæхсио*). Лишены всякого научного значения такие народные этимологии, как приводимые Лаудаевыми (Сборн. свед. о кавказских горцах, вып. VI (1872 г.), ст. Чеченское племя, стр. 3—4) — он производит чеченск. *пoxсиоj* от слова *пехси* 'сыр' в смысле 'люди, изобилующие сыром' — и другими авторами. Ив. Попов, в «Сборн. свед. о Терской области», вып. I, стр. 263—264, пишет: «Придерживаясь строгого исследования, можно заметить, что напшаховский язык совершенно сходен только с языком галгаевцев, который имеет небольшую разницу с наречием шатоевцев, чеченцев и ичкеринцев». Сведение относится к 1874 г.: современной картине наречий оно не соответствует.

вестный человек'. С другой стороны, нам известно, что старая (начала прошлого века) русская официальная классификация¹ считала ингушами галашевцев, назрановцев и карабулаков. Галашевцами назывались жители среднего течения Ассы (в районе выше и ниже современного сел. Галашки, инг. *gələškīe*), говорящие сейчас по-ингушски; назрановцы (*näsærxuoj*)— ингуши окрестностей Назрани (*näsærie*); что же касается карабулаков (ингушское название их *æřštʰuoj*, арштинцы), то тут наши сведения недостаточны для решения вопроса, к которой из двух вышенамеченных лингвистически группировок следует их относить. Если руководствоваться теми немногими данными, которые дошли до нас в записях Клапрота,² то по языку они должны быть относимы к собственно чеченцам (ср. Frau—*suden*, Hand—*kuigisch* и т. п.). Проверить точность показаний Клапрота в настоящее время затруднительно, ввиду того, что в течение мая—июля 1865 г. карабулаки почти поголовно покинули пределы Кавказа и выселились в Турцию.³ Клапрот выделяет карабулаков в особое племя народа мизджегов (т. е. чеченцев), противопоставляя им ингушей, с одной стороны, и чеченцев, с другой.⁴ Различие карабулаков и ингушей отмечают и другие авторы: один из первых, Штедер, побывавший на Фортанге среди карабулаков в 1781 г., отмечает в одном месте своего дневника⁵ поселения ахкипуртовцев на Сунже (ныне ингушск. сел. *æxki jurt*), называя их «eine Vermischung von Karabulaken und Inguschen», а в записях Головинского приводится предание о родоначальнике карабулаков, Арштхоо, выводящее

¹ См., напр., Выписку из ведомости народам обитающим между морями Черным и Каспийским... в 1833 г. (напечатана в прил. к Военно-статистическому описанию Терской обл. Г. Н. Казбека, ч. I, Тифлис, 1888, где на стр. 4 указывается сведение).

² См. J. Klapproth. *Kaukasische Sprachen. Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georgien.* Halle u. Berlin, 1814, стр. 169—170 (где около 35 карабулакских слов и форм).

³ К 24 июля 1865 г. карабулаков оставалось лишь 75 семей в сел. Ах Барзой. См. Г. А. Дзагуров. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. Ростов-Дон, 1925, стр. 121—122, письмо Александра Нурида к Лорис-Меликову. О карабулаках ср. Иванова, ИКОРГО, XVII, стр. 47—50. Здесь отмечен карабулакский аул Сагопш или Ах Барзой, на территории нынешней Ингушии. Ахриев, Сборн. свед. о кавк. горцах, VIII, статья «Ингуши», стр. 4—5, говорит о карабулаках, как выселенцах из горных обществ Ингушии. В «Изн. Ингушского института краеведения», т. I (Владикавказ, 1928), стр. 71, напечатан документ, утверждающий принадлежность территории Мереджинского общества галгаевцам; по иным же показаниям, это земля карабулаков.

⁴ О. с., стр. 144—145.

⁵ См. его Tagebuch einer Reise die im Jahr 1781 von der Gränzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden. St.-Petersburg, 1797, стр. 27: «3 bis 4 Dörfer der Achgurter» (ошибка, чит. Achginjurter).

его из чеченского общества Акки (ингуш. äqqij, чеченск. aqquoj). «Некий аккинец, по имени Арштхоо, выселившись из своего общества и спустись с своим родом в Бумутское ущелье, основался у источников, называемых Черными ключами (по-кумыкски — карабулах) и образующих речку, впадающую в р. Мартангу, и названную, по имени Арштхоо, Арштинкой. От поселения, основанного здесь Арштхоо, образовалось особое общество, называвшее себя и доселе: Арштхой. Кумыки же называли его, по источникам, у которых оно жило, Карабулах». ¹

Названия, даваемые ингушам соседями, равно как их собственное национальное имя, заключают в себе ключ к пониманию тех исторических обстоятельств, при которых они выступили на арену широких междуплеменных и международных отношений. ² Что касается русского названия ингуши, то оно происходит, как давно уже известно, от названия селения Ангушт, в Тарской долине, т. е. уже на плоскости, существование которого восходит, по крайней мере, к концу XVII в: оно упоминается Вахуштом, писавшим в начале 40-х гг. XVIII в. в Москве, по материалам, собранным им в Грузии до 1724 г. (когда он переселился в Россию). Вахушт представлял себе положение Ангушта (у него ანგუშტო, современное ингушское название Onğuştie) не совсем ясно, соответственно общему смутному положению, какое замечается в его труде относительно притоков Сунжи (у него ბარაღნის წყალი 'Брагунская река'). ³ В Ангуште мы имеем все основания

¹ См. Чеченцы. Из записок П. И. Головинского, Сборн. свед. о Терской области, вып. I. Владикавказ, 1878, стр. 244. К ингушам относятся в предании и мерджинцы (общество в верховьях Фортанги), называемые у осетин, повидимому, мерэдзои (Акад. словарь осетинск. языка, в. v.). В 1866 г. они признавались чеченцами (Грабовский, Сборн. свед. о кавк. горах, вып. III, стр. 1, прим.). Из общества Акки вышли и ауховцы (по-ингушски также äqqij), занимающие крайний восток чеченской территории (Хасав-юртовский район). Они известны в старых (с XVI в.) русских источниках под именем оокочен, оококов и др.

² Своих соседей ингуши называют: осетин — ħijij (<осет. ирон 'иронец, восточный осетин'), мохевцев-грузин — bisnij (<груз. ბესია, мужское имя, ср. фамилию ბესიანი и название села ბესიანთ-კარი, ბესიანი в Мтиули), хевсур — ħieĭ (<древнегруз. ფხოველი = соврем. ზეგსური, თუშის ფშვი; последних, т. е. шпавов, ингуши зовут ſhoj (<ფშვი, а тушин — saġhtæ-basaĭ <груз. ჩაღმა-თუშის), кабардинцев — ġhăbærtij (<кабард. keberdey), кумыков — ġhushukij (<кумыкск. kumuk), русских — ġhazqij (<казак).

³ См. текст по изданию Броссе [Description Géographique de la Géorgie, par le tsarévitch Wakhoucht, publiée d'après l'original autographe par M. Brosset. St. Pétersbourg, 1842-р. 456—457 (об ანგუშტის ბარაღნის წყალი)]; ср. стр. 326—327, где тушинская Алазань представляется текущей в Аргун, названный по ошибке სონა (Sona); под Сона следует разуметь андийское Койсу и Сулак (Σόανα у Птолемея, V, 8, 11—12 и XI, 1; ср. верное замечание М. Джанашвили, русский перевод Вахушта, стр. 131 прим.) Термин Сона, Σόανα

предполагать первый этап того процесса выселения из гор, которому суждено было привести уже на наших глазах, после революции 1917 г., к совершенному почти обезлюдению метрополии. «Современная горная Ингушия— страна почти безлюдная», пишет новейший исследователь экономического быта горной Ингушии. «Едва ли не каждый пригорок этой страны увенчан живописными руинами, среди которых высятся, как каменные стены, десятиэтажные боевые башни «воу» или приземистые жилые башни «гал», но большинство из них пусты. Обитатели их ушли на плоскость. В древних центрах населения гор мы встречаем множество древних могильников— фамильных склепов с их своеобразной острой крышей. Иногда это целые города мертвых. И действительно— это страна предков. Два, три двора на все селение, иногда даже только один, два человека жителей, чаще стариков, охраняющих древние очаги рода— вот обычная картина горной Ингушии, богатой зеленеющим лугами. Под этой картиной чудится надпись: все в прошлом».¹

Не случайно, таким образом, русское название народа оказывается связанным с этой важнейшей для дальнейшей судьбы ингушского народа страницей его истории. Пока ингуши жили в горных ущельях верховьев Ассы и Армхи (приток Терека, впадает у Джераха; русское назв. Кистинка), они оставались вне поля зрения своих новых соседей— русских, с XVIII в. интенсивно и планомерно колонизирующих равнины Северного Кавказа. Лишь с 1744 г. ингуши становятся прямым объектом русской политики: при учреждении в означенном году «осетинской комиссии по обращению осетинцов и ингушевцов в христианство»² уже учитывались полученные через посредство грузин сведения, согласно которым «по оставшимся в их жилищах следам старых церковных строений, предки их были христиане, почему

интересен по связи с чечено-ингушским термином *sölie*, осетинск. *solî* (в нартовском эпосе). Едва ли основательно мнение С. Н. Какабадзе (впрочем, со ссылкой на автора этих строк), что сюда же относится выражение «сонские эриставы» (русский термин XVI—XVII вв.). См. изд. им «Исторический сборник» (საისტორიო კრებულო), кн. III, Тифлис, 1928, стр. 112—113. Очевидно это последнее выражение равняется груз. ქსნის ერისთავი и б. м. стоит в связи с осетинским назв. селения Казбек по Военногрузинской дороге, Сана, и соответств. тагаурск. фамилией. Ср. еще Brosset. Histoire de la Géorgie, traduction, 1-re partie, p. 44, n. 3, и Клапрот, о. с., I, 685.

¹ В. П. Христианович. Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта. Ростов на Дону, 1928, стр. 61.

² П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. 1869, т. I, стр. 268.

подлинно многие из них и крестятся с великою охотою и желанием».¹ Однако, через 20 лет, астраханское духовенство оценивало достигнутые результаты (указывалось официально на 2085 новообращенных) в следующих выражениях: «за нерачением тех духовных и за неисправлением службы, едва ли сей новопросвященный народ имеет какое понятие о христианском законе».² Поэтому по докладу Коллегии иностранных дел (от 27 сентября 1764 г.) решено было создать в Моздоке русскую школу для преподавания новообращенным «закона христианского и российской грамоты»; в 1765 г. школа была построена, и первым просветителем горских детей явился дьячок Романов.³ В 1769 г., в связи с назначением генерал-майора де Медема для «произведения поисков на Кубани, противу обитающих тут подданных турецких», в действительности же против кабардинцев, ряд горских народов («абазинцы алтикизеки», «башильбай» и т. д.), находившихся в зависимости от Кабарды, выразили желание вступить формально в подданство России. В числе других оказались и ингуши. Эти события совпали с пребыванием на Кавказе первого серьезного исследователя этнографии и языков кавказских народов, акад. Гюльденштедта, присутствовавшего при процедуре присяги на верность, данной ингушами русскому офицеру, и подкрепленной дачей аманатов. Кизлярский комендант отправил к ингушам одного кизлярского служилого дворянина и 10 казаков, «под видом обращения их в христианство, дабы кабардинцы и кумыки, видя российских людей, некоторым образом воздержались от причинения ингушам обид».⁴ Первые плоды рус-

¹ Ibid., стр. 266. В рукописи П. Г. Буткова: «Древности по линии Кавказской» (рукописи акад. Буткова, № 5, л. 627 об.) даются любопытные сведения об остатках христианства у ингушей: «У ингуш, на границе их к грузинским подданным Гудамакарцам, каменная церковь: у последних же не далеко от реки Азды, впадающей справа в р. Осай (scil. Ассу), каменная церковь; еще выше, у пхыев (i. e. хевсур) огромная каменная церковь при реке Нялке, впадающей в Осай справа... Близ сей церкви большое кладбище. На одном надгробном камне сохранилось еще высеченным изображение некоторого духовного в священнической одежде и в шапке с крестом. Находимые кое-где в церкви и на кладбище буквы по виду суть греческие» (см. ibid., т. III, стр. 596 и И. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, стр. 20—21).

² Ibid., стр. 438.

³ Ibid., стр. 269—270. Бутков добавляет: «и всегда потом находились в учителях дьяконы и дьячки». Ингуши во всех этих мероприятиях стоят, судя по имеющимся пока в печати скудным данным, на втором плане. К тому же они нередко совсем не отграничивались от осетин; ср. напр. Акты Кавк. археогр. ком., т. II, Тифлис, 1868, стр. 949, и ср. стр. 957; здесь ингуши называются осетинским племенем.

⁴ G ü l d e n s t ä d t. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge etc., St.-Petersburg, 1787, I, стр. 480. Бутков, о. с., I, стр. 300. Остатки русского укрепления в Тарской долине,

ской политики сказались, однако, лишь спустя 13 лет. В начале 1783 г. ингуши солидаризировались с жителями чеченских аулов Атаги и Альды, имевшими намерение напасть на русские селения по Тереку. Карательная экспедиция полковника Кека и майора Рика (3—7 марта 1783 г.) разрушила и сожгла аулы атагинцев; ингуши же не оказали сопротивления и выдали заложников. А через 4 месяца России удалось достигнуть крупного политического эффекта. «В то время», по словам Буткова, «наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы кавказского края ссорить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас, разными образами, чеченские народы с ингушами, и в июне 1783 г. сразились имев каждая сторона от 1 т. человек. Чеченцы потеряли 20 убитыми и до 40 человек ранеными, однако получили поверхность и отогнали у ингуш до 2 т. баранов».¹ Успехи, достигнутые такой политикой, показались местному начальству столь значительными, что в 1786 г. могла явиться идея учредить постоянную ингушскую милицию, удостоившаяся 11 апреля 1786 г. высочайшего одобрения.² Переоценка достигнутых результатов давала себя не раз чувствовать впоследствии. Во всяком случае все вышеперечисленные факты затрагивали по преимуществу одних ингушей в собственном смысле этого слова, т. е. небольшую еще тогда часть ингушского народа, жившую в Тарской долине вокруг Ангушта. Горная же часть оставалась вполне непокорной еще долгие годы. Мы видим, напр., как трудно было русскому проникнуть в коренное общество Галгай, на примере Энгельгардта, совершившего в 1811 г. поездку к знаменитому христианскому храму, известному в позднейшей литературе под названием Тхаба Ерды.³ Русские войска Галгай увидел впервые в 1830 г. (известная карательная экспедиция Абхазова в июле 1830 г. проникла до Хамхинского общества. См. офиц. отчет Паскевича военному министру, в Актах Кавк. археогр. ком., т. VII, стр. 365 сл.), а затем в 1832 г., когда в наказание за связи с Кази-Муллой и убийство пристава целая русская армия, во главе с Розеном, совершила довольно

виденные 12 сент. 1811 г. Энгельгардтом, относятся, по видимому к этому времени; см. Engelhardt und Pargot. Reise in die Krym und den Kaukasus. Berlin, 1815, I, стр. 227.

¹ Бутков, о. с., II, стр. 111.

² Бутков, о. с., II, стр. 171; ср. *ibid.*, III, стр. 197; ср. к вышеизложенному Грабовского: Ингуши, Сборн. свед. о кавк. горах, т. IX, стр. 2 сл.

³ Важное для археологии Ингуши путешествие это описано Энгельгардтом, о. с., стр. 225—246.

бесплодный поход через Джерах и Мецхал в Хамхи и Цори.¹ Тем не менее, еще в 1848 г. А. Зиссерман должен был крадучись, ночью, с соблюдением всяких предосторожностей, пробираться в Цори, и затем через земли галгаевцев, называемых им «полупокорными».² Действительно покоренным край этот мог назваться лишь в 1858 г., бывшем одновременно последним годом крупного коллективного выступления плоскостных ингушей против русских, известного под названием «назрановского бунта».³

Эпоха возникновения Ангушта, как мы видели, не поддается вполне точному определению. Несколько лучше обстоит дело с дальнейшим продвижением ингушей на плоскость. В 1781 г. дивизионный квартирмейстер Штедер объехал, в связи с данным ему поручением исследовать пути в Грузию через главный кавказский хребет, значительную часть Осетии и прилегающие к ней с востока области, в том числе и Ингушию. Он оставил замечательный по точности и обстоятельности отчет о своем путешествии,⁴ пользуясь которым можно проследить постепенные изменения в составе населения плоскостной части современной Ингушии за XVIII в.⁵

С начала XVI в. плоскостную часть современной Ингушии в бассейне среднего течения Камбилеевки (ингушск. *ghælmij*⁶) и верхнего Сунжи (инг. *šuoļž*) занимали кабардинцы М. Кабарды.⁷ Мы лишены, к сожалению,

¹ Поход описан живыми чертами Т(орнау) в Русском Вестнике за 1869 г., март, стр. 102—107; ср. Акты, т. VIII, стр. 677 сл.

² См. А. Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе, ч. I, СПб., 1879, стр. 169—179.

³ Обстоятельства дела характеризованы у Чаха Ахриева, см. Сбор. свед. о Терской области, I, стр. 277—278. В записке, поданной еще 30 апреля 1806 г. неким Лофицким, в числе «средств к приведению Грузии в такое состояние, в коем она, ощутивши существенные выгоды свои под скипетром российским, могла бы быть полезною на совершение дальнейших государственных предположений о крае оном» (из этих средств некоторые, по мнению министерства иностранных дел, «заслуживают особенного внимания правительства») предлагается: «чеченцев же и ингушевцев весьма бы полезно было вывезть вовсе из ущельев настоящего их жительства на другие пустопорожние российские земли, ибо народы сии, по закоренелости в разбойничестве, ничем уняты быть не могут, как или истреблением вовсе наций тех, или выводом на другие земли» (см. Акты Кавк. археогр. ком., т. III, стр. 7). Известно, что мероприятие такого именно рода буквально осуществлено было в начале 60-х гг. прошлого века по отношению к закубанским черкесам.

⁴ Напечатан, без указания имени автора, Палласом, *Neue Nordische Beiträge*, т. VII и отдельно (*St.-Petersburg und Leipzig, 1797*); ср. полное название выше, стр. 685 прим. 5.

⁵ Штедером пользовался в широких размерах уже Клапрот.

⁶ Гюльденштедт, а за ним и другие, указывают «кистинское» название Камбилеевки иначе: *Galun, Gùldenstädt*, I, с., стр. 169.

⁷ Эпоха появления здесь кабардинцев определяется временем жизни Инала, родоначальника всех кабардинских и, быть может, части абхазских князей; он жил в XV в., как

-возможности опереться на показания русских людей, бывавших в этом районе неоднократно с конца XVI и в продолжение XVII в., в силу затруднений двоякого свойства: с одной стороны, все кабардинские так наз. «кабаки», т. е. селения, отличались большим непостоянством и подвижностью (что отмечается не раз в наших источниках), с другой же стороны, «статейные списки» наших послов в Грузию, с которыми приходится иметь главным образом дело, отличаясь изумительной доскональностью в описании всего виданного ими в Грузии, очень скупы на подробности, тем более топографические, касающиеся их пути по северному Кавказу. Нам приходится поэтому особенно принять к сведению сообщаемое Штедером. «Напротив этого погребения (речь идет о Bragunka Ketchanà, так наз. Борга Каше, обстоятельному описанию которого Штедер посвящает 2 страницы своего дневника, стр. 5—7)... на правом берегу реки (Сунжи) лежали, на отроге лесистого мыса, следы древнейших кабардинских жилищ, на крутых берегах ручья Эндерипс, впадающего немного пониже в Сунжу. Их расположение было чрезвычайно крепко и выгодно для обитателей степи; теперь здесь все пусто» (стр. 7). «Окрестности (Сунжи) представляют прекрасные равнины и плодороднейшие возвышенности, тянущиеся в отдалении, по ширине 2 верст, по северной стороне ее вплоть до истоков. Уже более чем 80 лет, на расстоянии 100 верст в длину и 60 верст в ширину все кругом лежит необработанным и служит местом скопления для дичи и грабителей» (стр. 8). «Назран (Nasiran) представляет собою маленькую реку, текущую к северо-востоку и окруженную болотистой почвой, тростником и кустарниками; она имеет чистую родниковую воду, но при болотистом дне, и потому непреходима нигде, где нет брода. Трудности переправы, возвышенности и сама Сунжа, протекающая в лежащих к востоку лесистых

явствует из достаточно надежной генеалогической традиции. Ногмов, История адыгейского народа (изд. Берже, Тифлис, 1861), стр. 70, считает, повидимому, годом смерти Инала 1427 г. Трудно пока сказать, в каком отношении к этому Иналу слепому (неф по-кабардински) стоят абхазские Инал-иповы, и в частности тот Инал, который на рубеже XV—XVI вв. напал на Имеретию, и другой, ႭႭႭႭ ႭႭႭႭ , разгромивший на черноморском побережье в 1533 г. коалиционную грузинскую армию; ср. Brosset. Suite et fin des Grandes-Annales, traduction, p. 339, texte, p. 274, и Эсадзе, Записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907, I, стр. 100. Самое имя Инал — турецкого, на Кавказе и у мамлюков кипчакского, происхождения, засвидетельствовано в ранних памятниках турецкой письменности. Точное нарицательное значение его, повидимому, еще не выяснено; см. напр. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Lgr., 1928, стр. 38, ср. стр. 221 и словарь, с. ч. ынал 'название должности, титул'. Там же и собств. имя, стр. 216.

горах, образуют здесь крепкое, узкое дефиле, у которого ингуши обыкновенно держат охрану. На южной стороне (sc. Назрана) находятся остатки второго поселения малокабардинцев, так напр., надмогильные памятники, абрикосы и другие фруктовые деревья их прежних садов, и т. п. Они убили различных князей (Fürsten) своих восточных соседей, опасались мести и переселились с Эндерипса южнее к этому узкому дефиле, где они заняли равнину между Сунжей и Камбилеевкой (Kumbelci). 50 лет тому назад, вследствие беспокойств и ради многочисленных стад, они переселились к западу, под горы у ручья Мarmorлык (Marmorlik).¹ И здесь разбой горских народов принудили их поселиться вновь севернее, на северном склоне гребня (Flözgebirge), где они теперь живут» (стр. 25—26).² «В пяти верстах выше дефиле я переночевал, напротив ручья Турше (Tursche),³ вытекающего из восточных гор, проходящего поля ахкинюртовцев (Achgurter) и впадающего здесь в правый бок Сунжи» (ibid.). «Я следовал берегом Сунжи через равнины и поля ингушей почти вплоть до гор. По ту сторону (sc. Сунжи), на 4 версты восточнее, лежали под лесистым отрогом 3 или 4 деревни ахкинюртовцев; представляющих собою смесь ингушей и карабулаков. Благодаря своим хорошим землям, слабости и открытому положению, они менее дерзки и разбойны, чем их соседи в горах» (стр. 27). «Через пять верст к западу (от Сунжи) мы попали у реки Камбилеевки к ингушам или кистам, расположенным при выходе ее из лесистого предгорья... В недавнее время колония ингушей, называемых Шалха (Schalcha), расположилась у нее, под горами. Густота населения в менее плодородных долинах выгнала их на плоскость... Одна лишь эта колония, благодаря ее мужеству и силе нации, могла держаться, сбрасывая при каждой попытке кабардинцев налагаемое ярмо, при чем недавно погиб один из знатнейших кабардинских князей. На левом берегу Камбилеевки расположено у самых гор около 200 фамилий. Перед собой они имеют глубокую ложбину и берег реки для защиты. Другие поселки (Dörfcr) лежат на равнине с правой стороны, на небольших ручьях»

¹ Отсутствует на известных нам картах.

² Чрезвычайно характерно для судьбы нартовского эпоса у ингушей приурочение нартов к этим местам. «Нарты жили в сел. Яндырч, около Назрани, а орштхой жили в самом Назране» (сообщено Б. К. Далгату в 1892 г., см. Этнографическое обозрение, кн. 48 (1901 г.), стр. 41). Об Эндерипсе (Endörssu) и Назрани уже вкратце писал, за 10 лет до Штедера, Гюльденштедт, о. с., I, стр. 170.

³ Очевидно, речь идет о притоке Сунжи, называемом на современной 5-тиверстной карте Конч; на притоке этого последнего, Сурхохи, одноименный аул (Surxohæthie).

(стр. 28).¹ «Жилища этих ингушей представляют собою плохие, деревянные домишки и при нападении покидаются, вследствие того, что они не имеют башен и укреплений. Они сохраняют с ингушами в горах точную фамильную связь, поддерживая с ними дружбу особенно для того, чтобы в нужный момент иметь возможность найти у них убежище» (стр. 30—31). Описав дефиле, ведущее от Шалха в Тарскую долину, Штедер продолжает: «Отсюда открывается долина Больших ингушей и тянется на юго-восток свыше 6 верст, при ширине в 4 версты. Большинство их селений лежит по северной стороне долины, частью на склоне гор, частью у реки. Также и на западной стороне реки Герге (Gerge)² лежит несколько обособленных селений. При входе в долину стоит башня, окруженная стеной, нежилая, которая могла бы служить для защиты прохода» (ibid.). «Под западными горами (sc. внутри Тарской долины) расположено селение Веппий (Wari), откуда дорога через горы ведет к Тереку» (стр. 32). «На этой реке (sc. Gerge) жили прежде веппинцы (Wari), некоторые из них еще остались в бесплодной маленькой долине; у них сохранились еще остатки одной маленькой церкви» (стр. 41). «Здесь (на равнине у Балты) ингуши выпасают своих овец» (стр. 45).

На основании вышеприведенных выдержек мы можем довольно точно представить себе картину передвижений на ингушской плоскости. В конце XVII в. кабардинцы покинули свое прежнее местожительство на Эндерипсе,³ опасаясь кровной мести со стороны своих беспокойных соседей, карабулаков, чеченцев и кумык. Территория окрестностей Яндырки, вблизи по Сунже, оставалась до 1781 г. никем не заселенной. Кабардинцы перешли

¹ Мы вынуждены опустить здесь первое по времени обстоятельное и живое описание внешнего и внутреннего быта как этих колонистов, так и следующее за тем описание «больших ингушей» в Тарской долине. Клапрот, положивший работу Штедера в основу главы 28-ой первой части своей *Reise in den Kaukasus und nach Georgien*, комбинирует данные Штедера с данными различных других авторов, часто неудачно восполняя или пропуская существенное в изложении своего главного источника (ср. его цитаты на стр. 625, прим., где глухо упоминается, под именем Палласа — «dessen N. N. B. Th. III, S. 27 ff.», сочинение Штедера (читай: *Neueste Nordische Beyträge*).

² Судя по дальнейшим указаниям, Штедер имеет здесь в виду западный приток Камбилеевки, Герчоч (ингушск. Gijrčhož — собств. ущелье в верховьях этой реки, ведущее в Мецхальское общество к югу).

³ Кабард. *yendəgirs*, т. е. 'река Яндыра' (собств. мужск. имя). Ныне в этом месте одноименное ингушское селение Яндырка (*jandærie*). В 1810 г. в Яндырке было 80 домов, взрослых мужчин 100, по национальности чеченцы, карабулаки и ингуши (Акты, т. IV, стр. 902); а в 1926 г. мы имеем 445 хозяйств, с населением 2032 чел. Тусиков. Ингушетия, Владикавказ, 1926, стр. 180; ср. в указанных местах данные о движении населения Назрани за тот же период времени.

к Назрани и заняли пространство между Сунжой и Камбилеевкой, но и здесь нападения на их стада горных жителей вынудили их к переселению, около 1730 г., на ручей Марморлик (в районе Батокоюрта?) и далее к Пседаху, где их и застал Штедер в 1781 г. Пространства по Сунже и Камбилеевке, оставленные, таким образом, кабардцами, не остались без претендентов. Вскоре после ухода кабардинских стад, ингуши и карабулаки заняли ущелье в верховьях Сунжи, основав там так наз. ахкинюртовские поселения;¹ их пастбищные и покосные участки продвинулись к 1781 г. до р. Конч к северу. Несколько позднее (вероятно в 60—70 гг. XVIII в.) двинулись к северу и так наз. «большие ингуши» из Тарской долины, и пройдя дефиле, отделяющее ее от равнины, заняли оба берега Камбилеевки на урочище, носившем имя кабардинского князя Шаулоха;² ближайшей причиной была перенаселенность Тарской долины. Число дворов переселенцев уже при Штедере доходило до 300 и более. Данные Штедера позволяют установить и другое направление ингушской колонизации, именно в сторону Военногрузинской дороги, на Балту. Здесь невольно возникает вопрос, какие же именно племена и родовые группировки ингушей играли роль в этом массовом завоевании ингушским народом своего места на равнине, которое должно было вывести его постепенно на пути прочного культурного прогресса? По сведениям Штедера, полученным в Тарской долине, жившие так ингуши распались на 7 племен (стр. 44): Тергимхоевы (Tergimcha, ингуш. Thærgimxuoј), род Эги (Agi, ингуш. Ägi), Хамхоевы (Chamhoу, ингуш. Хæтхуој), Кортоевы (Chartoi, ингуш. Qoartuoј), Оздоевы или Цикмабухоевы (Zimkaiboch, ингуш. Сиктæбухуој), Евлоевы (Geulawу ингуш. Jovluoј) и вешипцы (Wari, ингушск. Færrij). Чрезвычайно характерно, что 30 лет спустя, в 1810 г., те же фамилии выступают от имени ингушского народа в договоре, заключенном ими с вновь назначенным комендантом Владикавказской крепости Дельпоццо, в слегка измененном порядке: Торгемова, Цецме-Бохова, Агиева, Картугова, Яулурьева и Хамхоева.³

¹ Ахкинюрт (инг. æhkijurt) и значит именно 'селение ущелья' (æhk).

² Ныне так наз. тарские (resp. камбилеевские) хутора; ингушское их название (šolxie) несомненно происходит от популярного у кабардцев имени Шаулох (ср. у русских в XVII в. «Шолоховы кабаки» в М. Кабарде). Неточно Штедер, цит. выше, о Schalcha. У Христиановича (о. с., стр. 64, прим.) приводится справка, сделанная в 1868 г., о выселении из гор Мальсаговых в 1778 г., что согласуется с др. данными.

³ См. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. IV, стр. 900—901; ср. Грабовский. Ингуши (цит. выше), стр. 6—10. В списке имен, подписавших этот документ, на третьем месте стоит

Обстоятельства при которых состоялся этот договор, связаны с дальнейшим этапом ингушской колонизации. Как мы видели выше, после оставления около 1730 г. Назрани кабардинцами, ближайшие пятьдесят лет район Назрани пустовал: в 1781 г. Штедер застал там сторожевые посты ингушей, имевшие очевидные цели предупреждения обитателей Камбилеевских хуторов о приближении опасности. Произведенное в 1784—86 гг. укрепление линии Моздок — Владикавказ, посредством укреплений Константиновского, Григориополис, Елисаветинского и Потемкинского,¹ значительно обезопасило со стороны Кабарды Назрановский район. В 1803—04 гг. последовало вторичное укрепление названных пунктов. Движение ингушей не заставило себя ждать и в самом начале XIX в. совершился прочный захват камбилеевскими ингушами Назрани. Защищенные отчасти от кабардинцев, назрановцы были открыты для нападений со стороны Чечни. В июне 1810 г. недоразумения между ними привели к сражению между назрановцами и шайками наездников из среды их восточных соседей. Опасаясь мести за убийство нескольких главарей, ингуши и обратились к помощи русских властей, прося о защите от своих беспокойных соотечественников. Что назрановцы перешли сюда от камбилеевских хуторов, следует из прямых указаний на этот счет Энгельгардта, заставшего в сентябре 1811 г. на месте камбилеевских хуторов одни «пустые дома некоторых из нынешних обитателей Назрани».² Занятие Назрани представляет собою последний крупный этап ингушской колонизации плоскости. Руководящая роль принадлежала здесь, главным образом, роду Тергимхоевых (им основаны самые населенные ныне аулы: Базоркино, Насыр Корт, Плиево, Бурсуки

Торгемов, Карцал. Не Карцал ли Орцханович Мальсагов (иогсха кнагсхæл) это, которому популярное на плоскости предание приписывает основание Назрани?

¹ Не говоря уже о самом Владикавказе, основанном в 1784 г. Наблюдается разногласие в показаниях, на чьей территории основан Владикавказ. Осетинское название города дзæуджувæу (ср. груз. დავა, иначе ჯჯჯჯ) означает 'аул Дзевга' (собств. имя мужск.); Бутков (о. с., II, 165) говорит об ингушском селении Зауре; у Потто. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии, Тифлис, 1899, стр. 88 и 162, речь об осетинском селении Заурове. Штедер разъясняет дело (о. с., стр. 45) — в Заурове жили и ингуши и осетины, но последних было больше. Старшина Гетта (Getta), обладатель единственной башни в селе, был повидимому ингуш. Ср. Klaproth, I, стр. 657.

² Энгельгард (о. с., стр. 226—227); Головинский, (о. с., стр. 244—245) говорит, что «около 1810 года, от Галгаевского общества, из аула Даршм выселилось 7 фамилий... и поселились в Тарской долине». Помимо неверных хронологических пояснений, следующих за приведенной выпиской, искажено название метрополии: след. читать Таргим, а не Даршм. О сражении ингушей с чеченцами и его последствиях, Акты, IV, 896—900.

и т. д.) и его ближайшим сородичам — роду Эги и Хамхоевых. Эти три фамилии составляли, согласно давно уже записанному преданию¹ союз трех селений (ингушск. qä-qälie), игравший столь значительную роль, что он передал свое специальное название — Ghalghaj (галгаи) всему ингушскому народу. С ними заодно в колонизации выступают род Оздоевых (иначе Цикмабухоевых), населявший некогда, в верховьях Ассы, не менее 13 аулов, Куртоевы (сородичи фамилий Эйси-Кяк и Пугоевых) и, наконец, Евлоевы, владевшие на первоначальной родине не менее, чем 3 аулами. Из этих фамилий большинство из современного Хамхинского общества, а Оздоевы и Евлоевы — Цоринского.²

Остается однако, еще одна фамилия, вернее племя, которое оказывается непредставленным в договоре 1810 г. Это — веппинцы. Из упоминания их Штедером в числе обитателей Тарской долины (ср. выше) явствует, что они участвовали в заселении Тарской долины наряду с галгаями и их союзниками. Из одного недавно опубликованного архивного документа мы знаем, что Герчоч, на котором располагались, по Штедеру, веппинцы, считался в 1904 г. принадлежавшим «с незапамятных времен» фамилии Хулохоевых, жителей сел. Хули, Хамхипского общества.³ Как объяснить это противоречие? Сел. Верхнее и Нижнее Хули находится, в отличие от большинства селений Хамхинского общества, в бассейне верхнего течения Армхи, прилегает непосредственно к Мецхальскому обществу, населенному веппинцами, и, быть может, в конце XVIII в. причислялось к мецхальцам. Показание Штедера находит поддержку и в данных Энгельгардта, называющего один из притоков Камбилеевки в Тарской долине (несомненно тот же Герчоч) F'chorri, т. е., очевидно, färrij, т. е. совр. ингушск. форма слова 'веппий'.⁴ Затем можно отметить, что в Тарской долине на первой десятиверстной карте Кавказа, изданной в 1847 г. (следовательно, до

¹ Архиев, о. с., стр. 30. Отец трех братьев — Эги, Хамхи и Таргима носил имя Эльберт; ср. Изв. Ингушск. инст. краев., I, стр. 43.

² Приведенные данные о родах заимствуются из Malsægæ n. Z. Ghalghaj Grammatik, 1926, словарь, стр. 105—112. Ко времени акта 1810 г. восходит начало пользования назрановскими жителями районом Ачалука. Прочные поселения здесь назрановцев относятся уже к позднему времени, а именно к 1829 году, когда «несколько домов назрановцев со старшиной Амирхановым» поселились в Ачалуке. Конфликт между ними и претендовавшим на эти земли малокабардинским владельцем Бековичем-Черкасским разрешен был русскими властями в пользу ингушей; см. Акты, т. VIII, стр. 668—669.

³ См. Изв. Ингушск. инст. краевед., I, стр. 70—71.

⁴ Энгельгардт, о. с., стр. 226—227.

выселения отсюда в 1859 г. ингушей) показано селение Таршой юрт, населенное веппинцами.¹ Тем не менее, подчиненная роль веппинцев в колонизации северной равнины несомненна; это не значит, однако, что веппинцы не интересны нам в этом отношении. Дело в том, что их колонизационное движение было направлено в другую сторону: к западу и к югу. Интересное фамильное предание, слышанное в июле 1926 г. автором этих строк (от старика С. Алдаганова, в сел. Ангушт) гласит: в старейшем веппинском ауле Эрзи (*ärzij*) жил род Эрзиевых (*oarzxuoj resp. oarxuoj*). От них происходят *gieltxuoj*, жители селения Гвилет на Военногрузинской дороге (немного выше Дарьяльского ущелья, ингушск. *gielæt resp. gijltie*, грузинск. ვეპინჯოი, у Вахушта ვეპინჯოი ოჯოი); они же жили некогда в Оахкæрие (ущелье р. Кистинки, впадающей с правой стороны Терека, у Дарьяла), основав там селение *eghæ gijltie*, нижний Гвилет;² они же, наконец, под названием *zovtæ qhungiṣ* (Зауровы), переселились далеко на юго-восток и основали общество, называемое ныне *basaj*. Ближайшие родственники этих последних, Зауровы, и посейчас имеются в *ärzij* и *thojn jurt* (плоскостной аул Кантышево). Менее определенную формулировку аналогичного предания сообщил в 1892 г. Б. К. Далгату столетний старик Казбык: «В древнейшем из селений Мецхальского общества, Арзи, по преданию жили две фамилии ингушей. Вследствие ряда неурожаев одна фамилия решила переселиться к христианам Бацой за Галгаем. Когда эта фамилия начала подниматься в горы, у одной девушки закружилась голова и проч. . . После этого чуда половина фамилии вернулась обратно и поселилась в Арзи. В настоящее время из этой фамилии остались три дома Ораковых, прочие вымерли».³ С другой стороны, мы узнаем следующее: «Тушины Цовского общества происходят от кистинского племени общества Гилго. Это доказывает

¹ Ср. веппинское селение *Thäršie* (фамилии Торшховых, живших также в *Vejnje* и *Fælxænie*). Хули отнесено к кистицам (а не к галгаевцам) на 20-тиверстной карте Кавказа, изд. в 1834 г. Упомянутые выше у Штедера ингуши района Балты — выходцы из Джераха, Цуровы (*ṣutgæ qhungiṣ*). Эти то Цуровы («Цурова фамилия Джерах») участвуют, наряду с тагаурскими (осетинскими) старшинами, в выдаче обязательств по охране безопасности Военногрузинской дороги (от Балты до Дарьяла) владикавказскому коменданту, в 1809 г. (см. Акты, т. III, стр. 222).

² Значительная, повидимому, давность этого события доказывается тем, что, как и сейчас, уже в первой половине XVIII в. ущелье Кистинки было необитаемо; ср. Вахушт (изд. Броссе), стр. 228—229; ср. перевод Джанашвили, стр. 76—77.

³ Далгат. Первобытная религия чеченцев. Терский Сборник, вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893, стр. 97. Непонятно, на чем основан расчет времени в указании, что «около 200 л. назад род Укурова основал сел. Эрзи» (Христианович, о. с., стр. 85); хронология

сходство их языков и преданий, живо сохранившихся в памяти народа. Вероятно какая-нибудь кровавая вражда с единосемцами, . . . а может быть даже нужда в жизненных способах (sic) которыми так бедны бесплодные скалы гилгойские, заставили одно или нескольких кистинских семейств оставить родной аул, и в дальних горах искать себе приюта, который вскоре и открылся им между гор Цовата . . . Ныне всех селений в Цовате пять».¹ Цискаров ошибается, называя Гилго (хевсурск. форма названия *ghalghaj*, ღღღღღ, соответствующая литературно-грузинской ღღღღღ resp. ღღღღღ) прародиной цова-тушии. Не говоря уже о том, что это противоречило бы ингушской традиции (см. выше и ср. ингушское название цовцев — *färrij basaj*), мы имеем у самого Цискарова косвенное указание на этот счет, ведущее нас на более правильный путь: в своих «записках о Тушетии», помещенных в той же газете «Кавказ» за 1849 год, он сообщает нам древнее название второй родины тушии, Цовата, именно Вабуа. Правильность этого показания подтверждается записями, произведенными в 1926 г. в Кахетии, в селении Земо-Алвани (цова-туш. *alujnae*, ингушск. *oalænie*), автором этой статьи.

В тексте предания, повествующего о первом поселении цова-тушии на кахетинской равнине, говорится, что они вышли «из гор» (цовск. *laushgen*), а точнее «*vaubgen*», по грузинскому переводу осведомителя, «из Цовата» (წავატაიდან).¹ Не вызывает никаких сомнений, что древнее цовское наименование Цовата — Вабуа тождественно племенному названию веппинцев (совр. форма *färrij*), группировавшихся вокруг древнейшего своего центра, аула Эрзи. Чрезвычайно характерно, что последовательные этапы цовско-веппинской колонизации Алванского поля в Кахетии хронологически близки к таковой галгаев. Событие, положившее начало поселениям цовцев

эта противоречит всему остальному, что нам известно об Эрзи. Первое упоминание Эрзи в научной литературе у Гюльденштедта, о. с., I, стр. 474; ср. об Эрзи ниже.

¹ Газ. Кавказ, № 50, от 20 VII 1846 фельетон «Картина Тушетии» Ивана Цискарова. В лице автора приведенной статьи мы имеем первого исследователя одного из чеченских племен, который заслуживал бы такого же внимания, как и Чах Ахриев. Автор прекрасной работы о Ч. Ахриеве, Л. Семенов (см. Известия Ингушского института, I, стр. 261—271) ошибочно считает (цит. сборн., стр. 233) на основании газетной статьи Н. Яковлева, первой записью чеченских песен на языке подлинника запись Толстого. В действительности таковой является записанная не позднее, чем в 1848 г. И. Цискаровым «кистинская» песня, сохранившаяся в его литературном наследии.

² Ср. наши «Материалы по цова-тушинскому языку», имеющие выйти в свет в издании Академии Наук СССР.

на равнине, согласно упомянутого предания¹ — насилие, учиненное татарами над несколькими цовцами, случайно попавшими на плоскость, — то самое, о котором рассказывает Вахушт в своей истории Кахетии под 1659 г.² Соответственно этому, примерно к XVII в., как мы видели выше, относится и возникновение Ангушта. По сведениям Радде, полученным в 1876 г., ход цовской колонизации представляется в следующем виде: «Рассказывают, что первое выселение оттуда (т. е. из Цовата, в верховьях тушинской Алазани) совершилось лет 150 тому назад... В тридцатых и сороковых годах покинули названные селения и все почти остальные жители, составлявшие Цовское общество. Побудительными причинами выселения их были... то благосостояние, которым пользовались в Кахетии их родичи. Впрочем они не отказались еще окончательно от своей родины и в Индурте живут постоянно, даже зимой, 2—3 семейства.³ Так как с течением времени, когда стада увеличились, обычная перекочевка с Алвани на летние пастбища в отдаленной Индурте сделалась очень затруднительной,

¹ Известная грузино-тушинская песня, популярная среди цовцев и начинающаяся словами: *ბატრიონს სვენან თათრები* (в Бахтрионе сидят татары), также связана с этим событием. В земельных спорах со своими соседями за обладание Алванским полем тушины опирались впоследствии на царственную грамоту, выданную им 7 февр. 1757 г. царями Теймуразом и Ираклием. Об этом, как и о некоторых других документах, связанных с историей постепенного внедрения тушин на плоскость, статья *ჯ. ალბანელი. თუშების ორი გუჯარი და როგორ უფურებდა ბარის ქართველი თუშს მე XVIII საუკუნის დამოღვეს* в журнале *კვლევი* за 1897 год, стр. 877, 902 и 914.

² Ср. текст Вахушта, изд. Чубиновым (*Histoire de la Géorgie, II Partie, S. Pétersbourg, 1854*), стр. 124—125 и перевод, стр. 173—174. В 1642 г. Алванское поле было еще необитаемо: «А Олон место пустое. Около его деревень и жильцов и пашен никаких нет. От Лавердовского монастыря стоит в 3-х верстах, близко к кумыцким горам». См. цит. ниже «Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию», стр. 143. На наличие цова-тушин в недалеком от Алвани расстоянии указывает, однако, маршрут, рекомендованный еще в 1589 г. кн. С. Звенигородскому и дьяку Т. Антонову посланцами царя кахетинского, Александра; «итти послом безстрашно на Метские гребени, на Шихово племя, на Бурнашову да на Амалееву землю, да на Батцкие гребени; а владеет тою Батцкою землею государь их Александр» (ср. Белокуров. *Сношения России с Кавказом*, т. I, стр. 128); ср. *Материалы для историко-географ. словаря Кавказа* Е. Вейденбаума, *Сборн. мат. Кавказа*, т. 20, стр. 12), если мы отождествим Амалееву землю с соврем. Омало, а под Батцкими гребенями усмотрим национальное имя цова-тушин — бацби. В настоящее время известны 4 цовских селения в горах: *Etelta, Sagirta, Indurta* и *Charo*. Пятым из упомянутых Цискаровым 5 селений было *Mozarta* (сообщение И. Букураули).

³ Это справедливо и для настоящего момента. Полная аналогия современной горной Ингушии, ср. выше стр. 687.

то тушины просили об уступке им места Тбатана.¹ Это было в царствование императора Александра I.²

Итак, русское название «ингуши» позднего, недавнего происхождения, и обязано своим возникновением первому этапу направленной в сторону России колонизации, во главе которой стояли выходцы из так называемого ghalghačie,³ галган. Впервые в европейской научной литературе имя ингушей встречаем, повидимому, у Я. Штелина⁴ в 1770 г., а затем в этнографическом труде акад. Георги, вышедшем в 1776 г. «Die Kystinzen oder Kisten, die auch von den Russen Jugupzy genannt werden, sind den Tschetschengen an Stärke und überhaupt in allem ähnlich. Sie bewohnen die in viele Districte getheilte Provinz Kistetien am Sunscha und deren Flüsschen, im Mittelgebürge der kleinen Kabardey. Sie sind auch Schutzunterthanen Russlands, welches sie im vorigen Kriege wieder die Türken vergassen, aber im Jahre 1771 zu ihrer Schuldigkeit zurücke kehrten, von neuem huldigten und Geisel gaben».⁵ Здесь мы видим, что название ингуши (у Георги по ошибке

¹ У Радде по ошибке: Батави (груз. ტბათბ, = у озера, цовск. thbatnix; ср. цовск. назв. аналогичного значения, haumbač = груз. ალაზნისთავი).

² См. Радде. Хевсурия и хевсуры, русск. перевод, Зап. Кавк. отд. Геогр. общ. XI, 2, Тифлис, 1880, стр. 313—314. Р. Эристов указывает, как на промежуточный этап передвижения цовцев из ущелья Глигвы в Тушетию, «Хевию, Мтиулетию, Чартили, Хандо и другие боковые Арагвские и Терекские ущелья», покинутые ими вследствие «притеснения от Арагвского Эристави» (О тушино-пшаво-хевсурском округе, Зап. Кавк. отд. Геогр. общ., V. Тифлис, 1855, стр. 80). Тот же автор приводит «слова одного гомецарского старшины, от которого, по поводу спора гомецарцев с цовцами, за землю, занимаемую последними, потребовали документы на принадлежность им этой земли. Он отвечал: «какие могут быть у нас документы? Несколько столетий тому назад, мы приняли цовцев, как иностранных пришельцев, дали им для жительства, по своему хотению, небольшую горную долину, называемую Индурт и, также по своему хотению, позволяли все это время части принадлежащие им стада на земле, нами прежде их занятой...», *ibid.*, стр. 81. Живущие в настоящее время в Панкисском ущельи так наз. по ингушск. phengisxuoj — кистины, выходцы из Митхойского (Сахавоевского) общества, поселились здесь с 1851 г., *ibid.*, стр. 92, прим. Панкисские кистины — христиане (крещенные в 1866 г.). По Радде, о. с., стр. 54, в 1876 г. жители Джокодо и Дуи Сопели были сплошь (в числе 496 чел.) христианами, жители Омало — частью христиане (182 чел.) частью мусульмане (199 чел.). Кроме того христианами же значились кистины сел. Зенамхари (8 дымов), Бахтриони и Хорбало (188 чел.); см. *ibid.*, стр. 51 и 53 и стр. 316.

³ Так называлась родовая территория жителей «трех селений», Эги, Хамхи и Таргима.

⁴ См. I. v. Stählin. Kurzer Entwurf der zwischen dem Schwarzen Meere und der Kaspischen See gelegenen Länder und Völker, in Geograph. Kalender auf das Jahr 1770; ср. заметку об этом издании у Вачmeister. Russische Bibliothek etc. I, S.-Petersburg, 1773, 239—242.

⁵ См. Beschreibung aller Nationen des russischen Reiches etc., von Joh. Gottl. Georgi. Erste Ausgabe. Nationen vom Finnischen Stamm. St.-Petersburg, 1776, стр. 133—134.

«югупцы») признается специально русским названием кистов.¹ Не подлежит сомнению, что название кисты известно было в Московии с момента упрочения русско-грузинских взаимоотношений и появления в Москве первой грузинской колонии, т. е. с XVII в. Тем не менее, давность названия кисты (ჭობჭობ) в самой Грузии не слишком большая: мы не имеем, как кажется, возможности проследить этот термин, по *грузинским* источникам, далее XVII в.² В греческом письме кахетинского царя Теймураза, написанном в 1639 г., отправленном к Михаилу Федоровичу с митрополитом Никифором, характеризуются пути из Грузии в Россию; здесь мы, между прочим, читаем: «*ἔχομεν καὶ ἄλλην στράταν, μέγα βασιλεύ, ἀπὸ τοὺς κιστιδες, ἀμὶ εἶνε ἀτιχη κατὰ πολά, μόνον ἀπὸ (τοὺς) τοῦσδες ἔχομεν καλὴν στράταν*, т. е. имеем мы и другую дорогу, великий государь, через кистов, но она весьма опасна, только через тушин имеем хорошую дорогу».³ Из этого же письма могли в России узнать впервые и современное национальное имя ингушей, ghalghaj, ставшее однако достоянием русской науки лишь 150 лет спустя, со времени опубликования труда Гюльденштедта: «*ἤλθα καὶ ἀνίξα στράταν στὰ βουνὰ τὸν τουσιόν, ψάβηδες κλέγουδες, κευσουράτιδες, καὶ κήστηδες*, т. е. я пошел и открыл дорогу через горы тушин, через пшавов, галгаев, хевсуров и кистин».⁴ Будь русские люди XVI—XVII вв. ближе заинтересованы вопросами кавказской этнографии, они не могли бы не обратить внимания еще на один, повидимому этнический, термин, именно калканцы (герс. колканцы). В статейном списке посольства в Грузию кн. Семена Звенигородского, под 27 мая 1590 г. читаем: «приходили на послов (на пути от Казбеска в Ларс) на князя Семена да на дьяка на Торха напоследние люди горние люди колканцы и стрелца были Найденка взяли и лошед под ним убили; и послы князь Семен и дьяк Торх, поворотясь, тех калканцев

¹ Также кистинцы, киштинцы (последняя форма чаще в документах XVIII в.).

² Мы оставляем в стороне известную анонимную армянскую географию (VII—VIII вв.), где название это встречается, в форме *քուստեր* (*քիստեր*) *մարդաჭորք*, т. е. кусты (кисты) 'людоеды', в длинном списке народов Азиатской Сарматии, ввиду того, что характер текста не исключает здесь возможной позднейшей интерполяции. Ср., впрочем, мнение Н. Я. Марра, ИАН, 1916, стр. 1401 сл., в статье «К истории передвижения афетических народов с юга на север Кавказа».

³ См. Переписку, на иностранных языках, грузинских царей с российскими государями, от 1639 г. по 1770 г. СПб., 1861, стр. 24, ср. еще стр. 28 и старинный перевод на стр. 43 и 45 (кисти, кести).

⁴ *Ibid.*, стр. 29 и 45. *κλέγουδες*, несомненно, груз. *ღლაღვობა*, страна галгаев (в современном письму русск. перевод «Клеиды», на стр. 45).

«побили и стрелца у них отняли».¹ Через 14 лет такой же инцидент произошел и с послом Михаилом Татищевым. 3 августа 1604 г., опять на пути от Дарса к «Сонской земле» (начиналась от сел. Казбек) случилось, по словам Татищева, «приходили, государь, на нас на первом стану в ночи горские люди с вогненным боем; а у нас, государь, для береженья была заставка и сторожа крепкая. И на стороже, государь, их подстерегли и с ними бились, ис пищалей стреляли и от станов наших отбили и многих у них переранили. А Сонские, государь, люди, которые к нам встречу приехали для мостов, сказывали, что те люди приходили из гор Калканцы; преже сево они были послушны Алкас-мурзе, а ныне они послушны Айтек-мурзе».² Место действия и зависимость от Малой Кабарды, наряду с созвучием имени Калкан с «Галгаем», невольно обращает на себя внимание. Следует, однако, отметить, что другие наши источники ведут нас как будто в другую сторону. Выше цитированное греческое письмо Теймураза от 1639 г. знает *τὸν ἐριστάβι τὸν каракалкάνου* (Аристопа Каракалканского древнего перевода),³ а Рейнеггс, проведший в Грузии ряд лет в качестве уполномоченного русского правительства при грузинском дворе, помещает Каракалкан в Грузии: «К северо-востоку от Ахал-Гори (сел. в Карталинии, на р. Ксанке) живут различные племена, которые называются вообще Каракалкан; они заняли своими домами все доступные для поселения места гор. Они называются черно-встающими потому, что они никогда не моют себе лица. В горах этих народов берет начало река Пшау (Pschau?) из многих ключей и ручьев; однако уже в долинах северо-восточных предгорий она

¹ См. у Белокурова, Сношения России с Кавказом. Вып. I, Москва, 1889, стр. 222. Каково бы ни было, в конце концов, действительное содержание термина «калкан», в вероятной зависимости от него находится современное ингушское название владельцев селения Казбек на Военногрузинской дороге, именно *gælxie*.

² Ibid., стр. 456 и 474. Алкас и Айтек — малокабардинские князья, внуки Клехстана; сын Алкаса — Мундар, сын Айтека — Охлов, откуда известные впоследствии Мударовы и Ахловы кабаки (последний одно время, как мы видели выше, на территории нынешней Ингуши); ср. ibid., стр. 2 и 8. 7 мая 1605 тому же Татищеву сообщили в Грузии, что «меж Черкасские и Юрьевы (ср. грузинского царя Георгия) царевы земли есть горские люди, слывают Осинцы, всего их человек з 200; и те люди Карталинским людям чинят тесноту, тайно приходя, побивают и грабят... А те Осинцы бывали за Айтек-Мурзой Черкасским, да от него отложились». Ibid., стр. 508, ср. стр. 511. Здесь мы имеем дело с *древнейшим* упоминанием этнического термина «осетин» в русских источниках, с интересными подробностями о взаимоотношениях Грузии, осетин и Кабарды в начале XVII в.

³ Переписка, цит. выше, стр. 28 и 45; ср. еще Каракалкан там же, на стр. 24—25, 28 и 44. Ср. еще Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию 1640—1643 гг., изд. М. Полиевктова, Тифлис, 1928, стр. 40.

встречается с рекой Арагвой и соединяется с нею»;¹ на карте, приложенной к сочинению Рейнеггса, Каракалкап показаны в современной Мтиулети, в верховьях Арагвы.

Свое обще национальное ныне название *ghalghaj* сами ингуши склонны в настоящее время производить от слова *ghalæ* 'жилая башня в горах', в отличие от *vhoṽ* 'башни военного назначения', исходя из известного факта прежней распространенности среди ингушей строительного искусства. Мало вероятная сама по себе, этимология эта не считается: 1) с наличием в ингушском языке более древней формы арабского слова قلعة 'крепость, замок'—*qäll* (что значит в горах 'село, аул'), попавшей в ингушский, быть может, через более старое посредство осетинского языка (здесь *qallæ* 'крепость, станица'), тогда как *ghalæ* идет от кумыков; 2) с показанием иноязычных форм этого слова (*ghalgha*), хевс. ღღღღღ, лит. груз. ღღღღღ, осет. *qulba*, которые все указывают, повидимому, на первоначальную краткость первого гласного;² 3) с неясностью, что очень важно, значения второго слога (-*gha*) при таком толковании термина. Первый, обративший внимание на этимологию этого слова, Вахушт колеблется

¹ *Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Zweiter Theil. Hildesheim und St.-Petersburg, 1797, S. 77 и Erster Theil. Gotha und St. Petersburg, 1796, S. 3.* (Karakalkan-Daghar—Berge der Schwartz-Aufsetzer oder Schwarz-Mützen, согласно Verbesserungen в конце I тома) переводит Schwarz Aufsteher. Предложенная нелепая этимология (от тур. глагола *قالقمق*, 'вставать') учитывает правильно турецкое происхождение термина. Название «чернощитные» (от тур. *قالقان* 'щит') прекрасно подходило бы и к обитателям Трусовского ущелья, осетинам по национальности, ношение которыми щита особо отмечается путешественниками; см. *Klaproth, о. с., I, 305 и ср. Энгельгардт, о. с., стр. 188.* В связи с упоминанием народа каракалканов («*Qarakalkanlik*») в истории походов Тимура на Кавказе (в 1394 и 1400 гг.). Броссе делает следующее замечание (*Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie etc. St.-Petersbourg, 1851, p. 388, n. 3*): «On sait que c'est le nom donné par les auteurs musulmans aux peuplades des Phchaws, des Khewsours et des Goudamaqars, qui occupent les territoires sur la rive gauche du haut Aragwi»; ср., однако, его же слова *ibid., p. 393, n. 4.* К XVII веку относится упоминание каракалканов у *Hammer'a*: см. цитату у *Brosse et. Hist. moderne de la Géorgie, I livr., p. 62, St.-Petersbourg, 1856.* Заал, играющий большую роль в истории Грузии XVII в., эристав Арагвинский по грузинским источникам, называется в персидском фирмане эриставом каракалканским, см. Акты Арх. ком., т. II, приложение в конце тома, стр. 1088. *Ibid., 820,* приводится указание на фирман Фехт-али-шаха (1804 г.), адресованный тагаурцам, о присылке трех человек из племени каракалхан (Берже замечает к этому: «осетинское племя; не карабулаки ли?»).

² При этом пришлось бы допустить влияние указанной народной этимологии на современное произношение с долгим гласным в первом слоге (*ghalghaj*): Попов, в статье «Ичкерия» (Об. свед. о кавк. горах т. IV), стр. 17, соответствующее инг. *qäll* 'чеченское слово переводит 'хутор' («*кэлли*, на языке прежних обитателей Ичкерии, означает 'хутор'. Ныне хутор называется *котар*»).

между производством слова от (эпонимного) имени внука Дзурдзукоса, Глигоса (ღლიღოსის-გასი) и толкованием его в смысле 'страны неодетых' (უძმოსელობის თვის წოდებული).¹ Оставляя в стороне решение этого вопроса, мы должны лишь обратить внимание на то, что термину ღლიღჳ хронологически предшествует, в наших источниках, другой, имеющий более широкое значение, термин Дурдзук (груз. ღურძუკეთი, арм. Գուրճիկը resp. Գուրճիկը, арабск. درذوقيه). По толкованию Вахушта, под Дурдзукетией (у него позднейшая форма, с начальным дз — ძურძუკეთი, форма ზურზუკეთი встречается у Давида Ректора, см. ძველი სქართველო, т. II (Тифлис 1913), отд. 3, стр. 64. В русских источниках XVIII в. встречаем форму «Дзюрдзюки»: «Горские народы Дзюрдзюки, Хевсуры, и Пшавы, подвластные царю (sc. Грузии)—закона греческого». С. Д. Бурнашев. Картина Грузии и т. д. Курск, 1793. Цитата заимствована из 2-го издания этой брошюры. К. Н. Бегичева. Тифлис, 1896, стр. 4. Сведения Бурнашева относятся к 1786 г.) разумелось: 1) верхнее течение р. Арм-Хи или Кистинки; 2) первоначально (ზირველი) еще и вернее течение Ассы (ღლიღვეთი) и еще одной реки, название которой в тексте пропущено, но под которой, вероятно, следует подразумевать Аргун.² Какого происхождения это древнейшее в наших источниках название интересующей нас страны? Вахушт и в этом случае ограничивается производством имени страны от мифического эпонима, Дзурдзукоса, Тиненова сына (ძურძუკოს ძე ტინენის);³ он следует, впрочем, за Леонтием Руисским (მროველი), в XI в. предлагающим ту же этимологию, с тем впрочем различием, что отцом героя называется не Тинен, а Тирет (ძე ტირეთის).⁴ Представление, связываемое с Дурдзуками у автора начальной грузинской летописи, Леонтия, говорит в пользу большой давности знакомства грузин как с самым термином, так, очевидно, и самим обозначаемым этим термином народом. Для древнейшей эпохи Дурдзук символизирует собою весь северный Кавказ: в этом именно смысле приходится.

¹ Вахушт, изд. Броссе, стр. 456—457. Напрасно издатель говорит в прим. 1, на стр. 457: «aucun mot géorgien ressemblait à ghlighwi n'a, que je sache, le sens de nudité». Вахушт имеет, конечно, в виду груз. ღლიღველი, означающее, по С. С. Орбелиани (в. v. შიშველი), ღლიღ ფრინველი ნაკრებ ღაცვნილი, 'большую resp. взрослую птицу без оперения' (точнее — с опавшим оперением); ср. s. v. ღლიღველი, где нет слова 'большой'.

² Вахушт, изд. Броссе, стр. 454—455 и 456—457; ср. стр. 428—429, и перевод Джанашивили, стр. 151—152.

³ Вахушт, о. с., стр. 458—459.

⁴ Вахушт, ibid.; Histoire de la Géorgie, I partie, texte, p. 22, traduction, p. 24.

понимать слова историка: შვილთა ზედა კავკასიისთა იყო უფალ ღურძუკ 'владыкой над сынами Кавказа был Дурдзук'.¹ Несколько раз повторяющаяся в своде грузинских летописей сочетание дурдзуков с осетинами, и в частности любопытный рассказ Леонтия о том, как состоялось современное ему положение в горах Кавказа, наводит нас на предположение возможной этимологизации ღურძუკ в смысле современного осетинского дурдзუқ 'каменная яма' (т. е. 'ущелье'; соответствующая дигорская форма дордзუқ).² Рассказ гласит: когда хазары совершили свой победоносный поход против сынов Торгома, населявших Закавказье, в походе участвовал сын царя хазар, Уобос (უობოს),³ и «он (scil. царь хазарский) отдал своему сыну землю, долю Кавказа, к западу от реки Ломеки (ლემეკი) до западной оконечности гор, и поселился (там) Уобос, и потомки его суть осетины (ოზსბი), и стала Осетией доля Кавказа. А Дурдзук... пошел и расположился в расселине горы (ხზზსლი შიისა = დურდვუ!) назвал ее по имени своему Дурдзукией (ღურძუკეთი) и платил дань царю хазаров». ⁴ В имени сына хазарского царя можно признать, без колебания, древнейшее упоминание ингушского племенного термина «веппий» (fäppij) восходящего таким образом, по крайней мере, к X в. н. э.; что же касается Ломеки (точнее ლემეკის მდინარე), одного из древнейших названий Терека, то мы усматриваем в нем нарицательное «дурдзукское» слово, перевод которого сохранился в осетинском арвуком (букв. 'небесное ущелье', название Военногрузинской дороги, идущей по долине Терека): т. е. ингушское *loamæxkæ 'горное ущелье' и, соответственно, ლემეკის მდინარე значило бы 'река (горного) ущелья'.⁵

¹ Histoire de la Géorgie, texte, p. 22; ср. ibid., слова: ღურძუკ, რომელი უწარჩინებულეს იყო შვილთა შორის კავკასისთა (Дурдзук, самый выдающийся человек среди сынов Кавказа). Характерно колебание между формами კავკასიოს კავკასი(ა), на что обратил уже внимание Броссе в прим. 1 на стр. 22 своего издания текста.

² Ср. аналогичное название карачаевского аула Хурзук, происходящее от (алано-) осетинского слова хурдзუқ, id.

³ Вахушт, о. с., стр. 424—425 называет его ურბანოს.

⁴ Одновременно хазары также вытеснили Хозаниха (ხოზანიხ, эпоним совр. аварского сел. Хунзаха), главу леков, заставив и его поселиться в «расселине горы»; см. Histoire de la Géorgie, texte, p. 22—23, traduction, p. 25—26.

⁵ Груз. название района Военногрузинской дороги კევი ('ущелье' par excellence): Смысловая связь 'неба' и 'горы' документирована архаичным цовским наречием веппинцев. слово lam значит здесь и то и другое, lamtgen (в переводе Schiefner'a) 'himmlisch', 'bergig'. Словами lamun duxkhan Цискаров перевел груз. ცის სარტყელი ('небесный пояс', т. е. 'радуга').

Отсюда сам собою напрашивается важный этнологический вывод, что весь район Военногрузинской дороги входил в сферу древнейшего расселения чеченских (ингушских) племен, ныне разделяющих свое пребывание здесь с осетинами и грузинами-мохевцами. В связи с предлагаемой здесь этимологией древнего названия Терека уместно напомнить, что и название притока Терека, некогда занятого Эрзиевыми (выше названный *oaxkægie*, у Клапрота, о. с., I, 671: *Axkara*) происходит вероятно от слова *æxkæ*, предполагаемого нами в составе (ᄇᄇᄇ) ᄇᄇᄇ и значит попросту 'ущельный, горный (sc. поток)'.¹

Имя мифического отца Дурдзука, Тинен resp. Тирет, ставит перед нами интересный вопрос о древнейшем населении Дурдзукии: только так и приходится, очевидно, понимать эту генеалогию. Кажется несомненной связь имени Тинен (Тирет вероятно возникло, на почве смешения в грузинском письме нусха хуцури сходных начертаний *ih* и *h*, из первоначального Тинет) с народом Тиндов, который жил некогда, по преданиям, сообщаемым у Головинского, на территории современной Ингушии: «Тинды были очень древний народ, живший на землях галгаевцев и переселившийся потом неизвестно куда и когда». ² В названии усматривается иранский формант — *-an*, чередующийся с *-et*, оба хорошо известные суффиксы множ. числа (*-an*, редкий в осетинск., звучит в настоящее время, как *-on*); ³ таким образом основа имени *tin* (*thin*) дошла до нас через аланское посредство, ⁴ ср. *alon-ta*, где *-on* и *ta* сочетаются, выше, прим. 1). Впрочем, тиндами далеко не исчерпывается список народов, населявших по преданиям Ингушию до поселения в ней племен *ghalghaj* и *färrij*. Мы знаем, напр., что в Хамхинском обществе жили некогда *dyvij*, в имени которых легко

¹ Наиболее древнее название Терека, известное нам от Плиния (вернее, может быть, от Гн. Домиция Корбулона, записками которого Плиний здесь пользуется: N. H. VI, 30), *Tiriodoris*, заменено в новейшем издании Detlefsen'a бессмысленным чтением: *diri odoris*, (ужасного запаха, вонючая sc. река), и перешло в таком виде и к Латышеву (*Scythica et Caucasia*, II, p. 182). Нижнее течение Терека называлось в древности (Ptol. V 8, 6) *Ἀλόντας* (по имени алан, живших на Тереке?); впрочем А. Premerstein предлагает здесь читать, в соответствии с латинской надписью CIL, XIII, 8213, *Ἀλόντας*. См. Klio, т. XI, стр. 357.

² Головинский, о. с., стр. 249; ср. Далгат, о. с., стр. 65. Спец. так наз. «тиндские могилы» (*haemgüş*; цова тушинск. *hemir* 'надгробный памятник', теперь вытеснено грузинск. *zavarlav* < *სსვჯღვღა*) сохранились в ущельи р. Фортанги у Бумута.

³ Миллер. Осетинские этюды, т. II, стр. 126; стр. 120 слл. о *te*.

⁴ Осетинский нартовский эпос знает какой-то *Тинтв*-калак = город Тынтов, см. Миллер, о. с., т. I, *passim*; Лопатинский отождествляет его с гор. Горы (СМК, XII, отд. I, стр. 144).

узнать иранских дивов (daeua, груз. ღჳჳო; ср. еще, быть может, осет. даўæг 'дух покровитель'); нам сообщают о žiltij, джелтах, живших в Мецхальском и Джераховском обществах и отождествляемых столь неудачно Ахриевым (а за ним и другими) с элинами (sic! пишется в угоду этимологии и «джелины»), в имени которых усматривается осетинский суффикс множественного числа (тæ), при основе джил (джел), напоминающей нам телов (Γῆλαι) Страбона, помещающего их по соседству с легами (Λῆραι) на Северном Кавказе;¹ далее идут «Мида», уже на территории Чечни, созвучные какому то селению «Medi», служащему пограничным с Чечней лезгинским пунктом (Gränzort der Lesginer), по сведениям Штедера,² и «Джай», представляющие собой современных аварцев³ (ингушск. žhoj 'аварцы').³

Из названий, даваемых соседями ингушскому народу, нам остается рассмотреть осетинское мæqqæл, представляющее специальный интерес. Название это, в настоящее время синонимичное вышеупомянутому қулба, некогда, без сомнения, имело ввиду ближайших соседей осетин, веппинцев (тогда как қулба и по происхождению = ghalgha); до сих пор ущелье Арм-хи, обитаемое веппинцами, называется ущельем мæqqæл-дон'а (отсюда и неупотребительное ныне русское Макал-дон) 'реки ингушей'. Для выяснения происхождения этого термина, обратимся к вышеупомянутому старейшему аулу веппинцев, Эрзий, своим названием тесно связанному с названием народа Макал. Эрзий (ärzij) значит по-ингушски 'орел', а маqqæл, по объяснению некоторых ингушей, 'название птицы, вроде орла'; в чеченском (chuoqh) erzæv (по Услару) 'орел', маqqæл 'коршун'. В ärzij мы имеем, по всей вероятности, старое иранское заимствованное слово, характерным образом не представленное в современном осетинском языке: ср. авест. æzəzīfya (санскр. ṛjīruś), древнеперсидск. āzəzīfōs 'орел', в измененной, через посредство армянского *արճուի* > груз. სᄅᄆᄇᄇ, форме представленное

¹ Об dvyj и žiltij ср. Malsægæ n. Z. Ghalghaj grammatik, словарь, в. vv. Толкование Ахриева в статье «Ингуши» (Сб. свед. о кавк. горцах, т. VIII, стр. 6).

² Штедер, о. с., стр. 40.

³ Миллер. Мат. по археол. Кавказа. Москва, т. I, 1888, стр. 36. Что касается «вампов» — великанов, живших после джелтов в Ингушии (ср. Ахриев, стр. 7, и Далгат, Э О, о. с., стр. 43), то они поддаются, не взирая на свой вполне сказочный характер, точному топографическому приурочению к верховьям правого притока Ассы, так наз. Тобачоч: один из притоков последнего называется Вампал-ахкичоч, см. показания Ольшевского у Берже Чечни и чеченцы, стр. 11.

в пова-гушинском в виде *archiv*.¹ Ахриев объясняет нам происхождение названия аула; родоначальник Кистинского (т. е. Мецхальского) общества во время первых крестовых походов бежал из Сирии в горы Кавказа и основал аул Арзия (т. е. Эрзий).² «При этом он, вероятно по примеру своих предков, избрал герб, с изображением орла, который, как знак власти, был передаваем из рода в род старшему члену семьи. Этот герб в настоящее время, как нам известно из достоверных источников, хранится в одном из правительственных учреждений. На груди орла вырезана звездобразная фигура, а на шее находится надпись вырезными буквами». ³ Оставляя на ответственность автора изложенные обстоятельства появления надписи в сел. Эрзий, мы ограничимся констатированием: 1) генетической связи названия аула с изображением орла и 2) несомненной подлинности приводимой далее арабской кувической надписи; вызывает сомнение лишь точность воспроизведения надписи в статье Ахриева. В том виде, в каком надпись представлена у Ахриева, она читается (предположительно) И. Ю. Крачковским, любезно согласившимся высказать свое мнение, следующим образом:

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ بِرَكَّةِ اللّٰهِ مَعَ اَمْرِ سَلِیْمٍ سَنَهٗ ثَمٰنٍ و
مائتین (?)

Речь идет, таким образом, о построении (*resp.* возобновлении) неким Сулейманом какого-то сооружения, имевшем место в 280 г. х. (т. е. 893 г. н. э.).⁴ Не вдаваясь здесь в эпиграфические подробности, отметим важность

¹ Ср. Hübschmann. Armenische Grammatik. I Th. Lpz., 1895, на стр. 424—425. Ср. еще дагест. языки, напр. лакск. *barzu* 'орел'. Хевсурам *ärzizj* известен как раз под названием *არწივი*, а Джерах, называемый по-ингушски и *eghægæ qäll* 'нижняя крепость', называют *ქობოციხე*; ср. выражение *არწიველ-ქობოციხელები* в хевсурских песнях, опубликованных А. Шанидзе в *წელიწდეული*, I. *infra cit.*, стр. 289.

² Помимо своей древности, сел. Эрзий было некогда наиболее населенным аулом Мецхальского общества: в 1811 г. в нем числилось 50 дворов, в Тарше—29, в Мецхале же всего 10; см. Акты, т. IV, стр. 904.

³ Ахриев. Ингуши, стр. 1. Статья Ахриева вызвала в свое время «заметку о кувических надписях в ауле Арзия и т. д.» Ю. Проценко (в Изв. Кавк. общ. ист. и арх., вып. I, Тифлис, 1882, стр. 45 сл.). Здесь предлагается фантастическое толкование надписи, данное В. Н. Безменовым (стр. 47—48).

⁴ Характер кувического письма надписи вполне подходил бы, по обязательно сообщенному мне мнению В. А. Крачковской, к указываемой эпохе. Относительно геральдического значения орла существует обширейшая литература. К изображению орла (герба) специально у мусульман см. M. v. Berchem. *Amida*; Fr. Sarre. *Ein orientalisches Metallbecken des XIII Jahrhunderts etc.* Jahrb. Königl. Preuss. Kunstsamml. Berlin, 1904, 64—69. (Указания В. А. Крачковской.)

приведенной датировки: она служит *terminus post quem* возникновения названия аула и связанного с ним этнического термина. Мы должны представить себе дело, примерно, так, что не ранее, чем в конце IX в. в ущелье р. Арм-хи возник, или же переименовал прежнее название на нынешнее, аул Эрзий, названный так по изображению геральдической птицы (на здании?). Называемый одними 'орлом', герб толковался и в смысле 'коршуна' (maqqæl). Крупная колонизационная деятельность выходцев из этого селения, Эрзиевых, дала повод их западным соседям-осетинам назвать их соотечественников по имени главного их селения, но исходя из менее лестного для национального самосознания веппинцев понятия 'коршун'. Следует добавить, что осетинам известно первоначальное нарицательное значение слова маьддæл, в несколько лишь измененной форме: маьдл 'коршун' герс. 'копчик',¹ подобно тому, как ингуши, кроме maqqæl в значении птицы, употребляют еще и форму miëqqæl в бранном выражении: *vuon miëqqæl jæ xuo* (причем задевают того, к кому обращаются, презрительно за нос) 'ты скверная птица (веппинец?) miëqqæl'.² В качестве *terminus ante quem* возникновения этнического термина маьддæл следовало бы, быть может, считать время появления в нашей историографической литературе названия ущелья, находящегося по близости от веппинцев, Гудамакарского (грузинская форма გუდამაკარის, армянск. Գուդամակարբ). Мы рассматриваем это название, как составное из 1) *gudan* и 2) *maqhar*. Вторая часть представляется слегка измененной формой интересующего нас термина маьддæл,³ что же касается первой, то следует сравнить: сообщаемое Клапротом осетинское название тушин (*Gudan*),⁴ веппинскую фамилию Гудантовых (Гудатовых) в Джейрахе, Фуртауге и Тарше (селения по Макал-дону),⁵ и наконец, название одного из

¹ Ср. еще осет. *mikil* 'копчик' и *mčvllæ* 'насмешливое прозвище, собств. имя'. Клапрот слышал еще, повидимому, форму маьдл или *mikil* в смысле 'веппинец', о. с., I, стр. 670: Маьддæл-дон назван у него «*inguschisch*» *Mukila*; ср. Гюльденштедт (I, 474) — *MaKat* т. е. маьддæлтæ.

² О внутреннем самосознании веппинцев можно судить, исходя из названия *zovgæ qhungiš* (см. выше), по словам Потоцкого, *Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase*, I, Paris, 1829, p. 125: «*les gens qui affectent de la supériorité sur leurs concitoyens prennent les noms de Zaour, Iotach, et autres semblables*».

³ Грузинская народная этимология видит в გუდამაკარის слова გუდა 'сума' и მყარის 'свадебный дружка, шафер'.

⁴ Клапрот, о. с., I, стр. 688. Мне неизвестно, существует ли сейчас такого значения слово в осетинском языке.

⁵ См. Христианович, о. с., стр. 71, 74 и 87, ср. еще сел. Гудамта (გუდამთა) в Тушетии (Гомецарское общество).

древнейших аулов Хевсурии, с известным святилищем, Гудани (გუდანი),¹ являющегося возможно пережитком до-грузинского населения Хевсурии. Впервые «гудамакары» встречаются в списке горских народов у армянского анонимного географа VIII в. (ср. выше), где оно могло быть интерполировано; в грузинских источниках мы имеем его впервые в позднейшем варианте жптия Няны, вошедшем в состав свода летописей,² и относится к X—XI вв. (?). Если признать сопоставление გუდას-მაცარო и маэрдәл несомненным, отсюда следует вывод о былом распространении веппинских поселений на южном склоне Кавказских гор, в Гудамакарском ущелье. Этот вывод не противоречил бы, как кажется, тем немногим сведениям, которыми мы располагаем по этнографии обитателей этой окраины Грузии в то, сравнительно отдаленное, время. Различные факты наводят на предположение, что древнейшим, указываемым нашими источниками, очагом чечено-ингушского национального бытия была современная Тушетия, впоследствии огрузинившаяся. Согласно Вахушту, тушины Парсманского (т. е. Пирикительского) ущелья «верой и языком смешаны с кистами» (საწმენებობით და ენით შერეულნი არიან ვითარცა ქისტნი, стр. 328 изд. Броссэ), а Цискаров (Записки о Тушетии, стр. 42—43) утверждает, что «Цовские и *Пирикительские* тушины суть кистинского происхождения».³ Название თუში, известное со времен Птолемея, т. е. со II в. н. э., связывается и с религиозной терминологией ингушей: женским божеством tušuoł (единственный персонаж ингушской мифологии, имеющий вещественные изображения! Неправильно Далгат. Первобытная религия чеченцев, стр. 100, толкует выражение dāla jæx̄ tušuoł в смысле 'божье лицо': оно значит 'божья дочь'), известным и в непонимаемой сейчас форме tuvšæ в формуле dāl̄næx̄æ-tuvšæx̄æ 'пожалуйста', собств. 'ради бога Туша'? Иначе говорят dāl̄læšoaj-tiešoaj.

¹ Ср. груз. изд. წიგნიწიგულო, I, (ტფილისი, 1925), стр. 268, в. v. გუდანი. Предание об основании Гудани, первого по времени хевсурского селения, у Зиссермана, о. с., I, стр. 207—208. Неясного происхождения сообщаемое Клапротом (о. с., II, стр. 352) сведение, что грузины называют веппинцев K'omoithi. По Гюльденштедту, о. с., I, стр. 474, название Komoiti осетинское (?), ср. осетинск. ком (ущелье).

² См. Histoire de la Géorgie, I partie, texte, p. 98 traduction, p. 126.

³ В рукописи 1847 г. И. Елиосидзе, Записки о Тушетии (хранится в Азиатском музее), на стр. 13 verso читает: «почти половина жителей Пирикительского общества, именно Парсминский приход говорит чистым кистинским языком, который хотя и груб, но не так гортанный, как цовский язык».

Начиная с древнейших, доступных нашему суждению времен, в непосредственном соседстве с ингушами находилось хорошо известное в истории Кавказа Дарьяльское укрепление. Первым по времени сведением об укреплении этого района должно быть признано известие Феофана Митиленского (главного источника Страбона для Северного Кавказа), относящееся к половине I в. до н. э.¹ Плиний сообщает (примерно через 100 лет) дополнительные сведения об укреплении, приводя, вместе с тем, и название укрепления, Ситапиа.² Будущий историк ингушской культуры не сможет, конечно, обойти молчанием факт известного культурного влияния, которое должна была оказывать близость значительного в военном отношении пункта к колыбели ингушской народности. Данные для непосредственного культурного воздействия на ингушей крупных оборонительных сооружений появились однако лишь несколько столетий спустя, и связаны с именем сасанидского царя Хосроя Ануширвана (531—579 н. э.). По сообщению грузинской истории «Обращения Грузии» sc. в христианство (შობილეთი),³ вскоре после падения древнего грузинского царства (ок. 525 г. н. э.) «персы усилились и захватили область эров (ერეთი) и Армению, но в особенности завладели Грузией, вошли в Кавказские горы и построили для себя врата Осетии (კახი ოსეთისხეი), а именно: одни большие врата в самой Осетии, двое ворот в Двалии (ღვალეთს) и одни врата в Парачване (პარჯუნს) Дурдзукском (resp. находящемся в Дурдзукие); поставили тамошних горцев в качестве пограничной охраны (გუმარდდ),⁴ затем назначили одного человека начальником в цанарском ущелье⁵ и подчинили ему (sc. охрану). А когда пришел царь Ираклий (т. е. в 623 г.), персы были сокрушены». Что события эти имели место при Ануширване, доказывается совпадением приведенного сведения с сообщениями (идущими из того же

¹ Strabo. Geograph., XI, с. 3, § 5.

² Plin. N. H. VI, 30. Название это, конечно, не имеет здесь ничего общего с названием турецкой народности куман (половцев).

³ Мы руководствуемся так наз. челишским вариантом этого произведения, обнаруженным в 1903 г. в сборнике XVII в. Соответствующее сведение утрачено к сожалению в древней Шатбердской версии X в.; ср. ქველი სპარსეული, т. I, Тифлис 1909, стр. 1—29, II отд. и СМК, т. XLI, Тифлис, 1910, отд. I, стр. 48 сл. (и спец. стр. 63—64).

⁴ Gumard—здесь специальный иранский термин для означения пограничной охраны; см. Какабадзе, о. с., стр. 104, прим. 2, и Hübschmann, о. с., стр. 129—130; Bartholomae, SB. Heid. Akad. Wiss. Phil.-hist. Kl. Jahrg. 1923, 9 Abh., стр. 23 прим. и стр. 51 прим. К армянск. գումարդ см. еще стр. 160 цит. у Какабадзе издания Моисея Албанского.

⁵ Т. е. по Военногрузинской дороге.

источника?) арабского историка ал-Белазури и географа Ибн ал-Фақіха: «и построил он (scil. كسرى انوشروان) Дурдзукию (الدرذوقیه), а она (состоит из) 12 ворот, и у каждых врат укрепление из камня».¹ Чрезвычайная важность этих указаний еще возрастает, если мы примем во внимание возможную связь сообщаемого грузинским историком названия Парачван (resp. Парчван) с именем хазарского города Варачана, известного нам из армянских источников.² Вывод, получаемый из рассмотрения приведенных свидетельств, может быть только тот, что в середине VI в. н. э. где-то на территории современной Ингуши существовало сооруженное сасанидским царем значительное укрепление, снабженное, разумеется, соответствующей охраной, поддерживавшей, возможно, регулярные сношения с административным центром сасанидской империи. Где могло находиться укрепление и упомянутый Парачван? Точный ответ на этот вопрос дадут, быть может, современем археологи Ингуши, вооруженные хорошими познаниями как в области ингушских древностей, так и в области древних сасанидских оборонительных сооружений на Кавказе (ср. Дербент). Нам приходится сейчас ограничиться указанием на так наз. Ассинские ворота, представляющие собою стратегически наиболее удобный пункт для такого рода сооружения, имевшего целью обезопасить район от вторжений с севера;³ для Парачвана мы получили бы, в таком случае, Кэкальскую (qäqäl-lic) котловину, как место наиболее вероятного нахождения.⁴

События VI в. могут считаться, таким образом, отправным моментом дальнейшей культурной эволюции того географического и политического

¹ См. Beládsori, ed. de Goeje, p. 190; BGA, V, p. глл. В грузинском и арабских упоминаниях Дурдзукии мы имеем древнейшие о ней свидетельства источников (VIII, IX и X вв.).

² Армянская география псевдо-Моисея Хоренского, изд. Патканова, стр. 16 (перевод, стр. 38) и Моисей Албанский (resp. Каланкатуйский) цит. изд., стр. 271, 288 и 295. Местоположение Варачана (Վարաչան) неизвестно; Патканов, о. с., стр. 98, примеч. 138, а позднее Marquart, Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 16, отождествляет Варачан с также трудноопределимым Баланджаром بلنجر арабских источников.

³ Подробно описываются Штедером, о. с., стр. 33—34. Ср. также Engelhardt, l. c., стр. 229—230, где об Ассинском укреплении сказано: «Die alte Feste ist jetzt verlassen, aber noch so gut erhalten, dass wenige geübte Schützen das Vordringen einer bedeutenden Macht hindern würden, denn diese könnte nur Mann für Mann dem Pfortchen sich nähern». В этом районе предполагалась перевальная железная дорога, см. о ней Мартиросян, в Изв. Инг. инст. I, стр. 135 сл. (здесь же карта предполагаемого пути).

⁴ Неосновательно мнение Казембека, Derbend-nameh, стр. 201, прим., и независимого от последнего Н. А. Караулова (СМК, вып. 38, отд. I, стр. 78), помещающих, на основании звукового созвучия с Хев-сурами, Цори (и даже Сур-хохи), в район Ассы باب صول арабских географов: эти врата находились в районе Дербенда.

центра, находящегося в ghalghaïe (ср. выше), которому суждено было впоследствии навязать свое имя всему ингушскому народу. Однако, уже задолго до этих событий ингушам пришлось, без сомнения, столкнуться с народом, дальнейшая судьба которого, вплоть до сегодняшнего дня, оказалась тесно связанной с судьбой ингушей. Мы имеем в виду алан, современных осетин, первое появление которых в районе Дарьяла, связанное с крупными этническими переворотами II в. до н. э. (на территории современного Туркестана), относится к 35 г. н. э.¹ Начиная с I в., на протяжении ряда веков, мы должны считать культурные влияния, шедшие отсюда, основным источником, питавшим горцев-ингушей, стоявших в тесной зависимости от обладателей северной равнины. Свое господствующее положение аланы утратили в этом районе лишь в бурную эпоху первых монгольских походов на Северном Кавказе в первой половине XIII в. Яркое описание событий 1222 г., когда «напали на алан татары (sc. монголы) и убили их множество и ограбили и взяли в плен», сохраненное нам арабским историком Ибн ал-Асйром,² дает возможность оценить катастрофичность монгольских походов для народов Северного Кавказа и их решающее значение в полной перетасовке разноплеменных этнических масс этого района: современное распределение народов на Северном Кавказе восходит к этому времени.³ Конечно, на ряду с аланами, здесь действовали и иные влияния, забвение которых создало бы картину одностороннюю и неполную. Мы ограничимся здесь одним лишь характерным примером. Во всех языках Северного Кавказа мы имеем, в значении надгробного сооружения, одно общее слово: абхазск. аԥаҭапа 'каменное надгробное сооружение'; также 'каменный столб', 'вообще куча камней искусственного происхождения', черкесск.-кабардинск. qeҭaпe 'надгробный памятник', карачаевско-балкарск. k'eҭene (то же значение), осет. дигорск. кесена 'башня, замок, чертог, сооружение';

¹ Ср. E. Täubler, *Klio*, t. IX, Lpz., 1909, стр. 14 сл.

² *Chronicon*, ed. Tornberg, vol. XII, 101—102: ср. французск. перевод Defrémery. *Fragments de géographes et d'historiens arabes etc.* Paris, 1849. По-русски в *Историч. материалах и разысканиях* ак. Куника, Уч. Зап. Акад. Наук, т. II, СПб. 1854, стр. 636—668 и у Тизенгаузена, *Сборн. мат. по истории Зол. Орды*, I, СПб., 1884, стр. 25—26. Те же события описываются также у Рашид-эд-дина; ср. русский перевод Березина в статье: *Первое нашествие монголов на Россию*, ЖМНП, 1853, № 9 и *Тр. В.О.Р. Арх. общ.*, т. XV (1888), стр. 92.

³ Чтобы убедиться в справедливости сказанного, достаточно сравнить известия арабских географов IX—X вв. с послемонгольской литературой об этих же странах.

специально 'могильная изгородь',¹ иранск. чесена 'каменный могильник', 'небольшое каменное сооружение', 'куча камней'; наконец, чеченско-ингушск. *kæš*, мн. ч. *kæšætaš* 'могильник'. У ингушей (и чеченцев) различаются могильники надземные (*malxægæ kæš*) и подземные (*hielægæ kæš*). Они играют весьма видную роль в археологии Ингушии, как по значительному своему числу, так и по обилию находимых в них предметов: «*каши* представляют как бы археологические коллекции, из которых можно извлекать предметы домашнего быта отдаленных времен».² Все эти слова идут, можно думать, из одного источника: половецкого (куманского) языка. В известном словаре половецкого языка (*Codex samalicus*, начала XIV в.), в ряду терминов, относящихся к погребению, стоит *kesenä* «*der toden huw*». В. В. Бартольд, в статье «К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов», замечает по поводу этого слова: «вероятно, так назывались упоминаемые Рубруком (в описании половецкого погребения) кирпичные мавзолеи»,³ исходя из киргизского словоупотребления, где «слово *käsänä* до сих пор значит мавзолей».⁴ Многочисленные свидетельства из старинных русских грамот XVI в. (ногайских, крымских и турецких) приводит в статье «К вопросу о местоположении города Сарая, столицы Золотой Орды» Д. Кобеко.⁵ Здесь интересующее нас слово звучит «кешень»: «велю над слугою своим . . . кешеню поставити и пети по нем и поминати его» или «в тех городех мусульманские веры люди по своему обычаю мизгити и кошени держат». Слово известно и как географический термин, и в «Книге Большого Чертежа» читается, напр., (стр. 65): «по реке по Куме с правой стороны 7 мечетей татарских, Можаров юрт, да мечеть по другой стороне реки Кумы — Арак-Кешень».⁶

¹ Штакельберг сравнивает с дигорск. *кесена* еще перс. *كاشانه* *ædificium specularibus exstructum*; см. Miller und Stackelberg. *Fünf ossetische Erzählungen*. St.-Petersburg, 1891, стр. 57. Персидское слово производят от *كاش* 'эмаль, глазурь'.

² В. Ф. Миллер. *Мат. археол. Кавк.*, вып. I, Москва, 1888, стр. 25. О «кашах» см. Ахриев. *Ингушские каши*. *Об. свед. о Терской обл.*, I, стр. 288—290; *Далгат*. *Терск. Сборн.*, стр. 62—67; Миллер, *о. с.*, стр. 24—32; Семенов, *Изв. Инг. инст.*, I, стр. 198—202 (здесь классификация типов).

³ ЗВО, т. XXV (1921), стр. 59.

⁴ *Ibid.*, стр. 58.

⁵ ЗВО, т. IV (1890), стр. 269—270.

⁶ Кобеко резюмирует все случаи употребления слова «кешень» в смысле 'надгробный памятник'. У Спасского, цитированного у Кобеко, более точно: «кешень означает надгробный памятник, каменный или деревянный, особливо в виде строения, но не кладбище». По справке (у Кобеко А. Позднеева «кешень — в монгольском «хушиъ», разго-

Рассмотрим теперь ингушский словарь с точки зрения присутствия в нем следов аланско-ингушских культурных взаимоотношений. Этимологические сопоставления, предлагаемые в дальнейшем изложении, не ставят, конечно, целью обоснованное подробным *лингвистическим* анализом изучение ингушского языка, а имеют в виду предварительную суммарную задачу — ориентироваться в массе материала, никак почти не вовлеченного пока в научный обиход. При том уровне исследования, на котором стоят ныне все связанные с этим вопросы, трудно избежать привлечения в известных случаях спорных, а чаще, при отсутствии специального обоснования, производящих впечатление недостаточной убедительности фактов. Имея в виду эту существенную оговорку, мы можем обратиться к интересующим нас примерам. Дальнейшие исследования покажут, в какой мере верны делаемые сопоставления, а также позволят уточнить, в ряде случаев, источники тех заимствований, которые предполагаются мною по отношению к значительной части словарных ресурсов, коими ныне располагает ингушский язык.

Памятником тесных культурных взаимоотношений алан (осетин) и ингушей служат многочисленные слова, общие осетинскому и ингушскому языку. В подавляющей массе случаев заимствующими были ингуши, что вытекало естественно из общей обстановки, в какой шло здесь культурное развитие. Естественно, напр., что горный ингуш заимствовал у кочевника-алана понятие арбы (инг. *voɣdæ* < ос. *ʃærdon*), пользование которой и по сейчас крайне ограничено в горах.¹ Также ограничены и поставлены в специфические условия скотоводческие возможности горной Ингушии. Принимая во внимание утверждение последнего исследователя экономического быта горной Ингушии В. Христиановича, что «почти никаких иных ценностей, кроме скота, горец не имеет» (I. с., стр. 98), нельзя не оценить характерности присутствия в ингушском языке осетинских слов для означения

ворное «*хӕшӕ*», а в западной Монголии «*кӕшӕ*» — означает могильный памятник в виде надгробной плиты или каменной бабы». М. М. Ковалевский усматривал в существовании надземных могильников влияние зороастризма. Более трезво судит Грабовский, объясняющий эту особенность недостатком в горах земли (см. Сб. свед. о кавк. горцах, III, статью Грабовского: Экономический и домашний быт жителей Горского участка ингушевского округа, стр. 13).

¹ Осетинск. слово попало и к абхазцам (*awarɔɔn*). Черкесы оказались в этом случае самостоятельнее, и сами обогатили осетинский язык такими словами как *гӕнум* (*gʷajæn*), *гудӕ* и *гудӕз* 'дошечки над колесами у арбы'; 'кузов арбы'; 'подставка в арбе'.

пастуха (инг. *ghokkæz* < осетинск. *хугæс* 'пастух для свиней'),¹ теленка (инг. *hasæ* < осет. *ʔæс*, к появлению в инг. *h* ср. еще *hoaqhæ* 'стекло' < осет. авг *id.*), быка кладеного (инг. *ust*, мн. ч. *šerç* resp. *ustærç*, ср. цоватуш. *pstarç* < осет. *стūr*, *стор* 'крупный скот'),² бараньего хвоста, курдюка (инг. *dimij* < ос. *думæг id.*), названий для сооружений, служащих для загона скота (инг. *kært* 'забор, плетень' < ос. *kært* 'двор, усадьба';³ ср. еще инг. *biru* 'название города Владикавказ' < осет. *буру*, *бүру* 'вал, ров, забор, плетень'), названий мастей (инг. *boarxæ* 'пестрый' < осетин. *борхелæ*, *бүрхл* 'русый', инг. *žughur* 'серый', ср. осет. *дзубур* 'пестрый', инг. *muogæ* 'коричневый', ср. осет. *морæ*, *id.*) и т. п.⁴

Лошадь появилась в горах сравнительно недавно, «явившись на смену выючного ишака и волов, запрягаемых летом в сани».⁵ Ярким доказательством наличия в этой сфере осетинского влияния служит, прежде всего слово *bärij* (*bärie*), выражающее понятия 'молодец, удалец, лихой парень, джигит', в сочетании *govr* *bärij* (resp. *bärie*) — '(лихой) всадник, наездник' < осет. *барæг* 'всадник, верховой'. Ср. далее: инг. *puvr* 'седло' < осет. *нчвæрæн* 'место, куда кладут' (?); инг. *рхæž* 'конский навоз', ср. осет. *бæзæн* 'помет крупных животных'; инг. *žugæl* 'недоуздок', ср. осет. *дзуларæ*, *дзулар id.*;⁶ инг. *xættæ* 'потник' < осет. *хед*, *хид* 'пот'; инг. *tærk* 'дурная привычка у лошади, норов', ср. осет. *тæргæи* 'каприз'; инг. *birsæ* 'ярый, рьяный' < осет. *бурсæг*, *бүрсæг* 'нападающий, напирющий', ср. еще инг. *ärlj* 'невыложенный, нехолощенный' и осет. *æрра* 'сумасшедший, глупый, бешеный, неистовый'.

К мелкому скоту переводит нас ингушское слово *buož* 'козел' (ср. осет. *бодз* 'козел, вожатый в стаде'). Интересное инг. *ier* 'борзая собака' восхо-

¹ Замечателен выбор животного, сейчас у ингушей, как мусульман, не разводимого — свиньи; ср. ниже стр. 743.

² Возможны и другие сопоставления этого слова.

³ Слово широко распространено в финских языках; ср. Miller. *Die Sprache der Osseten*, p. 8.

⁴ Должно оговорить, что как эти, так и все, ниже приводимые, примеры отнюдь не претендуют на исчерпывающую полноту материала. Так, напр., к перечисленным терминам можно прибавить: инг. *šixij* 'род сыра' < осет. *чид* 'сыр'; инг. *nælxæ* 'сливочное масло', ср. осет. *nælxæ* 'нетопленное масло'; инг. *qulq* 'маслобойка', ср. осет. *дулаг id.*; инг. *gasxæ* 'гнедой', ср. осет. *рохс*, *рүхс* 'светлый, свет', и перс. *رخشی*, 'имя серой (пегой) лошади Рустема' (> груз. *ბაღა*); и пр.

⁵ Христианович, стр. 174.

⁶ Оба из турецкого *يولار* (через бадкарский).

дит к осет. јегар, стоящему в сложных отношениях к ряду языков (венгерск., чувашскому и др.),¹ инг. *pæl* 'кабан' < осет. *нæл* 'самец' (ср. еще ингушск. *žærgħæ* 'кабан-самка' и осет. *дзæрб* 'свинья-самка'; инг. *khomsæg* 'клык' и осет. *кæпсвр* id.; инг. *žizig* 'мясо, на языке детей' и осет. *дзідза* 'мясо'), инг. *sæj* 'олень' связано с осет. *саг* id., равно как инг. *soaluog* 'куница' с осет. *сæлабвр*, *сæлаввр* id., инг. *suk* 'олений рог' с осет. *свќа* 'рог'. К домашним животным относится инг. слово *khazæ* 'щенок' (ср. осет. *кæбвс* id.); ср. еще 'игральная кость животных', так наз. 'альчик' (инг. *ghuolg*, ср. осет. *болæ*). К птичьему царству ср. инг. *buoqqæg* 'зоб' (ср. осет. *боqqур* id.), название для курятника: инг. *goring* (ср. осет. *горен*, *гæрæн* 'изгородь забор'?²). Из прочей фауны отметим инг. *burduolg* 'летучая мышь' (ср. осет. *бүдтвр* в составе *хæлвм бүдтвр* 'летучая мышь'), инг. *zhuј* 'еж' (ср. осет. *узвн* id.), и инг. *lipræg* 'мокрец' (ср. осет. *лæппæг* 'мягкий'). Термины, применимые, по самому понятию своему, лишь к обстановке равнины, равно как и ряд выражений, связанных с земледелием, оказываются, во многих случаях, общими для обоих языков. К первой категории случаев мы относим: инг. *ærgħæ* 'холм, цепь холмов'³ < осет. *раф* 'спина, гребень (горы), горный хребет'; *boagz* (мн. *boagzæmæš*) 'курган, надмогильный холм'⁴ < осет. *бæрзонд* 'высокий, вышина'; инг. *agiæ* 'равнина, степь, плоскость' (*агæ* 'наружи, в поле' и т. д.) ср. осет. *арæн* 'межа, граница'(?);⁵ инг. *atæghæ* 'долина' (ср. осет. *атаба* 'пуща'); инг. *khies* 'гребень горы' (ср. осет. *күбус* 'возвышенность, выступ, шишка'); инг. *fuord* 'море' (ср. осет. *фурд* 'нижнее течение рек Терек и Малки, большая, тихо-текущая река, океан'); инг. *šovdæ* 'источник, родник' < осет. *саудон*, *сўадон* id. Ко второй категории можно отнести инг. *mæqæ* 'борона' (ср. осет. *mæqī* 'подставка из березовых прутьев под скирдами сжатого хлеба, сена для более удобной перевозки их с гор'); инг. *пих* 'плуг' (ср. осет. *нүх*

¹ Ср. Jacobsohn. *Arier und Ugrofinnen*. Göttingen, 1922, Nachtrag zur Seite 15 ff (на стр. 251).

² Ср., впрочем, и русское 'курник'.

³ Ср. в чеченск. *gagh* (*У* слар; иначе *gāgh*) «так называют чеченцы невысокий хребет, тянущийся от З к В между Сунжей и Терекон» (вообще: всякий невысокий, длинный, горный хребет). В осетинском см. еще *арвд*, *арæд* 'местность, состоящая из возвышенностей и котловин (Черногоры)'.

⁴ *Astæz boagz* 'холм Ашемеза' называется холм, где по преданию Шамиль принимал присягу от ингушей.

⁵ С другой стороны, ср. кумыск. *آرى* 'дальний, далеко', лакск. *ар* 'равнина', груз. *არ* и т. п.

‘ноготь, коготь’); инг. *läzæ* ‘воз пшеницы’ (ср. осет. *ласæн* ‘орудие, при помощи которого ташат, напр. сжатый хлеб, с горы на ровное место’); инг. *æpæg* ‘мельничный лоток’ (ср. осет. *æппарæг* ‘кто кидает, податель, кто бросает’); инг. *tuskæg* ‘корзина, сапетка’ (ср. осет. *тæск* ‘корзина’);¹ инг. *doa* ‘сапетка (для хранения зерна)’ < осет. -дон (живой словообразовательный суффикс со значением ‘хранилище’);² инг. *živg* ‘кукурузная мука’ (ср. осет. *дзугур* ‘мучнистый’); инг. *parg* ‘огурец’ (ср. осет. *нас, насæ* ‘тыква’);³ инг. *khomæl* ‘конопля’ (ср. осет. *гæн id.*; также *гæмб* в выражении *гæмбі рувас* ‘лисица, вьющая коноплю, в сказках’);⁴ инг. *hov* ‘крупа, просо’ (ср. осет. *jæu* ‘просо’). В области так наз. матерьяльной культуры количество общих ингушскому и осетинскому языкам слов громадно, что имеет свою аналогию в матерьялах археологических. Характеризуя вкратце внешнюю сторону быта ингушей, насколько она разъяснена из до сих пор ставшего известным материала, новейший исследователь археологии Ингушии заключает: «Приведенный нами материал, при всей отрывочности и противоречивости, ярко свидетельствует о давности и глубине культурного и экономического общения Ингушии и Осетии».⁵ Данные языка вполне согласуются с приведенной характеристикой. Сюда относятся: инг. *älx* ‘брусочек для точки бритв, ножей’ и т. д. (ср. осет. *æлхоi, æлхоинæ* ‘пестик, для толчения соли, крупы и пр.’); инг. *bæzæ* ‘строевой лес’ (ср. осет. *бæззаг* ‘годный’); инг. *bieqhæ* ‘жердь’ (ср. осет. *бæqæ* ‘шест, веха, кол’); инг. *ghejbæ* ‘подушка, балка на постройке’ (ср. осет. *qaiван* ‘потолочная балка’); инг. *ghuol* ‘шест’

¹ Ср. джагат. тат. *تورسوق* *gesp. تورسوق* ‘кошница, гарец; мех, в который вливают жидкость (воду, вино, кумыс)’ (Будагов).

² Есть соответствующее слово и в кабардинском: *dæw* ‘сапетка’ (также из алано-осетинского). Любопытно, что «*doa*’ (дау, корзина, сплетенная из хвороста и служащая собственно для ношения соломы с гумна’) играло значительную роль в языческие времена при церемонии присяги у ингушей, см. описание церемонии у Ахриева, в Сб. свед. о Терск. обл., стр. 280—281.

³ Ср. еще кабард. *паşe* ‘огурец’, груз. *ბებრა* ‘дыня’.

⁴ Слово весьма интересное в культурно-историческом отношении: сюда относятся греч. *καυαβις*, русск. ‘конопля’ и нем. ‘Hanf.’

⁵ Л. Семенов, Изв. Ингушского института, I, стр. 208. Было бы ошибочно, разумеется, ограничиваться этими аналогиями, сосредоточивая главное внимание на Северном Кавказе. Возможность появления закавказских параллелей, в частности для ингушского погребения, доказывается различными находками, вроде тех, которые сделаны были в 1911 г. в кахетинских селениях Матани и Шильда. См. о них *სახელმწიფო მუზეუმი*, 1912, №№ 719 и 722. О сношениях специально джераховских ингушей с осетинами, замечания Семенова, I, с., стр. 205—206.

(ср. осет. qæл 'подставка, вбитая в землю'); инг. moartxuol 'сводчатый' (ср. осет. могор 'бык-устой, плетневый бык для моста, заполняемый камнем'; ко второй части инг. txov 'крыша, потолок'); инг. dhoaghæ 'ключ' (ср. осет. дæбæл id.); инг. moskæ 'ступица, колесо' (ср. осет. мæскъ, мæскæ id.); инг. molghæ 'нагрудник, у лошади' (ср. осет. мæрбгæ id.); инг. khuorælg 'коробочка' (ср. осет. kopp 'коробка, кружка, деревянная миска'); инг. randæg 'балалайка, гармония' (ср. осет. фæндур id.);¹ инг. giebægh(æ) 'копье, штык' (ср. осет. гебох, джебоф 'копье');² инг. giegz 'оружие' (ср. осет. гæртæ 'одежда, оружие', мн. ч. от гарз 'кадушка?');³ инг. ghabæ 'кандалы' (ср. осет. кадаман 'пути, кандалы'); инг. búgив 'бурав' (ср. осет. бурæу, бұрау id.);⁴ инг. tælg 'валец экипажный; название игрушки' (ср. осет. тæлв 'обод колеса'); инг. zegæл 'засов' (ср. осет. зæгæл 'гвоздь'); инг. ondæ 'сталь' (ср. осет. æндон id.); инг. čorælg 'пуговица' (ср. осет. цæппæр id.); инг. bæxtæg 'подвязка у чувяка' (ср. осет. бахтар 'железная обувь для лазания по горам'); инг. рæгрæ 'полоса материй, которой обвертывают покойника' (ср. осет. папцлои, папцлоинæ 'ключья'); инг. bæгсқһæ 'платье, белье' (ср. осет. бæрцабудтæ 'карманы для газырей в черкесске');⁵ инг. ärgæ 'цыновка' (ср. осет. јерджен id.); инг. buott 'футляр, ножны, переплет, конверт' (ср. осет. бұат 'место'); инг. jej 'котел, специально для варки пива' (ср. осет. аг. 'котел');⁶ инг. zoakælg 'кувшинчик с длинным

¹ Сюда же слова целого ряда др. языков: др. греч. *πανδοῦρα* (*πανδοῦρίς*), русск. бандура, и т. д.

² Ср. черкесск. *debeğ* id.

³ К персидск. *كرز* 'боевая палица; *membrum virile* (ср. значения осет. гарз); есть и в дагестанск. языках, напр. табасар. *gürd* 'копье'.

⁴ К турецкому *چورغو* id.

⁵ Осет. слово производное от бæрц 'мера, патрон, газырь', откуда, быть может, и ингушск. *bagč* 'подарок, делаемый при примирении врагов' (ср. к понятию *bagč'a* Леонтовича, Адагы кавказских горцев. Вып. 2 (Одесса, 1883) указатель материалов, в. в. барч на стр. 344—345).

⁶ Ср. еще аварск. *ḡag*, языки андо-дидойской группы, и т. д. Слово кажется заимствованным осетинами, а не наоборот. В прежнее время эти котлы играли в быту ингушей и чеченцев значительную роль; сейчас, в связи с распространением ислама, они исчезают (ср. Христианович, о. с., стр. 192). По сообщению начальника 4-го участка Грозненского округа, штабс-капитана Колчина, в Статистический комитет министерства внутр. дел от 20 февраля 1897 г.: «все чеченцы называют себя, т. е. свое племя, Нохчуй или Ноххой, что в переводе на русский язык означает 'котел' или 'очаг'. По их рассказам, в одном из селений Дагестанской области, под названием Нохшех, и до сих пор существует котел, из которого питались их первые родоначальники, от которых они ведут свое происхождение, и что на этом котле вырезаны имена глав чеченских фамилий, которые ведут свое происхождение прямо от родоначальников, питавшихся из котла того» (заимствуется из архива Азиатского

горлышком' (ср. осет. дзæкул 'мешочек, котомка'); инг. *ghuoz* 'перстень; кружок, шайка, компания' (ср. осет. *цæбʁс* 'объем, обхват, объятие'); инг. *ghutæq* 'металлическая коробочка на кавказском поясе' (ср. осет. *кʁту* 'коробочка', связываемое Штакельбергом, о. с., стр. 82, с тур. *قوتلى*?); инг. *khod*, множ. *khodærc* 'ножницы' (ср. осет. *кæрдæн* 'ножницы', *кæрдæг* 'режущий, косящий, жнущий'; в инг. есть и другое слово, *tukæг* 'специальные горские ножницы, в отличие от русских, называемых *khod*'); инг. *khäd* 'язычек у плети' (ср. осет. *каўбʁд* 'плетеный?'); инг. *khallæ* 'затычка у бочки, кран' (ср. осет. *кæбæл* 'чека, кран, втулка, катушка'); инг. *žhov* 'молоток' (ср. осет. *дзæбуг*, *дзæбокæ* 'молот, молоток'); инг. *gurgul* (*gurgæl*) 'колокольчик, колокол' (ср. осет. *гʁр-гʁр кæнʁн* 'гремять, грохотать'); инг. *kurs* 'связка, тук' (ср. осет. *курес*, *курис* 'сноп, вязанка'); инг. *læгæш* 'яма (для хозяйственных нужд), погреб; каменный мешок для пленных, в старину' (ср. осет. *ўæрм* 'яма' ср. груз. *წებდა id.*; к переходу *ў* — *l* ср. еще инг. *læгбæq* 'голеньце, ноговица' и осет. *ўæраг* 'голень?').

К сфере социальных отношений относится ряд слов, затрагивающих нередко самые интимные и специфические стороны горского быта. Общеизвестен факт распространенности явлений кровной мести среди ингушей: тем важнее в наших глазах появление осетинского слова в значении: 'убийца, кровник' (инг. *märij* < осет. *марæг*; ср. еще слово того же корня: инг. *амæг* 'ядовитое средство; несчастье, порча, колдовство' (из осет. *амарʁн* 'убить, замучить, изнурить' и пр.); название савана также идет из этого источника: инг. *тегсij* 'саван' < осет. *мæрдцаг* 'предназначенное для покойника, платье для покойника'. Общее понятие 'врага' — инг. *moastæghæ* — производное, по всей вероятности, от осет. *маст* 'горечь, желчь, досада, раздражение, гнев', откуда осет. *маст кæнʁн* 'причинять неприятность, раздражать(ся)', *мастисʁн* 'мстить за оскорбление' и т. д. Отметим, далее, инг. *äq* 'доносчик' (ср. осет. *æлб* 'брезгливость', *æлбаг* 'предмет отвращения, брезгливости, отвратительный'); инг. *вуј* 'проклятие, анафема' (ср. осет. *јеў*, в выражении *јеў дæ кона* 'да будет проклят твой дом(?)', формула проклятия); инг. *sierdæг* 'проклинать, бранить' (ср. осет. *сардаун* 'натравить, доносить'); инг. *futtæгуо* 'досада' (ср. осет. *фуд*, *фʁд* 'плохой, злой, дурной'); инг. *suontæ* 'кичливый, чванный' (ср. осет. *сонт* 'сумасшедший, глуповатый, тупой'); инг. *ghägæ* 'смелый, бестрашный'; (ср.

осет. қал 'гордый, самоуверенный', или қал, ібал 'бодрствующий');¹ инг. iemælkæ 'неученый, дикий' (ср. осет. зенақæл 'невоспитанный, буйный'); инг. ieghæz 'неудовольствие, злоба' (ср. осет. јеріс, јерус 'вражда, ссора'); инг. кæдæг 'жаловаться, сетовать' (ср. осет. куд 'плачь', от глагола кæун 'плакать');² инг. шæтæг 'вялый' (ср. осет. мæтæл 'ослабелый, вялый, грустный, унылый, печальный'); инг. телæ 'слабый, теплый' (ср. осет. мæллæг 'худой, тощий?').

Этой серии сближений противостоит другая, из круга понятий положительных. Ингуши, подобно большинству чеченцев, почти не знали фиксированных в правосознании социальных подразделений (в своей среде) на привилегированных и бесправных. Рабство, имевшее здесь весьма ограниченное распространение, возникало по праву войны,³ и выражалось словом loal (общего северокавказского происхождения, от абх. aləg до лезгин. luk включительно: инг. læj 'раб' ср. осет. лæг 'человек'). Интересен, ввиду сказанного, ингушский термин älä — 'князь';⁴ вся обстановка на Северном Кавказе, в особенности в период с I по XIII в. н. э., должна была способствовать отождествлению понятия 'алан' и 'господство, владычество' в среде горцев, находившихся от них в зависимости. С этой точки зрения кажется вполне обоснованной попытка возводить инг. älä к *alan; при этом следует учесть одно дополнительное обстоятельство. В цова-тушинском, где это слово 'князь' звучит al(e), со словом связано представление не только земного владычества и благоденствия, но и потустороннего; Шифнер справедливо переводил его 'glücklich, selig', а образованное от него alol — 'Seligkeit'. Есть в цова-тушинском выражение: al vasič (по грузинскому

¹ С инг. ghä 'гордый, смелый, самолюбивый' связано, быть может, осет. қæбатур 'храбрый, смелый', в своей первой части (қæ). Ср., однако, бæбатыр ('богатырь').

² Ср. еще араб. كدر 'печаль, забота, горе'. Сюда и осет. катаі 'дума, сомнение, тревога, забота, отчаяние'.

³ Особый и редкий случай возникновения «рабства» (вассалитета) помимо войны отмечен у Христиановича, о. с., стр. 74. Здесь целый род Гу подчинен другому роду Салгиевых.

⁴ Термин привлекается, в массе других матерьялов, в статье Алборова, Изв. Ингушск. инст., I, стр. 349—430. Характерная, почти вневременная и внепространственная постановка вопросов лишает возможности считаться в целом с выводами статьи в данной связи. Статья не свободна от тяжелых лапсусов, как-то: груз. ღვე 'озеро', получает фантастическую этимологию на стр. 378; в этой же связи араб. توبة, собств. 'возвращение к богу. раскаяние' переводится как 'нечто запретное перед богом (?)' (стр. 377); абхаз. хах-икал (след. қақ-уәкаw = 'вверху находящийся') сближается, правда с вопросом, с осет. хохагал (стр. 405) и т. д.

толкованию осведомителя: бгъуагъо ʒъб) 'о, если бы (ты)', в смысле значительнейшего благопожелания. Переводя дословно, следует: '(да будешь, да станешь), ты блаженным Вац'ом', где Вац — название старого уже забытого у ингушей божества, сохранившегося пережиточно у осетин в составе уацӀлла (св. Илья), уастурджи (св. Георгий) и т. п.¹ Мы должны предполагать, следовательно, большую давность слова ал(е), успевшего эволюционировать в сторону трансцендентности. Это наблюдается, повидимому, и у самих осетин, потомков алан: мы считаем божественного кузнеца осетинской мифологии, курдалагон, кузнецом (курд) аланов. (алагон), понимаемых, при таком толковании, за какие-то существа высшего порядка,² небесные (ʒалярвон, эпитет Курдалагона); параллельные формы имени кузнеца — курд-ала-ʒаргон, курд-алаʒгон — лишь отчасти препятствуют такому словопроизводству. Понятие 'права' также оказывается общим обоим языкам — осетинскому и ингушскому: инг. boqhuo 'право, закон, порядок'; boqhæl 'право, в самом деле'; bæqh 'правильно, верно' связаны с осет. бæгӕ 'как же! наверно! конечно! точно! истинно!' К инг. oaghæz 'польза' ср. осет. агаз 'милость, помощь';³ к инг. kad 'приз' ср. осет. кад 'честь, почесть'; к инг. xastæg 'хвалиться' ср. осет. хистаун 'хвалиться, хвастаться'(?); к инг. jiš 'возможность, сила' ср. осет. јес, ис 'достаток, имущество'; к инг. buoæ 'нежный, драгоценный, дорогой' ср. осет. боц 'нежный, изнеженный, дорогой, избалованный, калпризный'; к инг. (v)æzæ, (v)æzin (последняя форма в сочетании væzin dälæ 'великий бог') 'тяжелый, дорогой ценный, великий' ср. осет. ʒæззæ 'тяжелый'(?); к инг. somæ 'бодрый, бодрственный, здоровый' ср. осет. сом 'утро'; к инг. zuoq 'веселье, шутка' ср. осет. дзæбæх 'хороший, здоровый'; к инг. (v)iezæg 'нужда, любовь' ср. осет. ʒарзун 'любить' и т. д. Список аналогичных слов, весьма велик. Ср. инг. boagæm 'мера, норма, количество' (осет. барæн 'мера');

¹ Неосновательно Миллер (Осетинские этюды, т. I, стр. 119), а за ним и другие, связывает с ними и уасхо, заимствованное у черкес, где wашʒе толкуется в смысле 'серое небо', и выступает, как бог — покровитель клятвы, в формуле: тəwашʒег səjðhe тəғері (в нартовском эпосе). Интересной параллелью к цова-гуш. alvaciš, как формуле опатива, служит осет. уастæн (тоже значение), правильно толкуемое Алборовым, I, с., стр. 361.

² Ср. Миллер, *ibid.*, I, стр. 118; II, стр. 248. Сюда же относится, быть может, груз. ალაგონ в известной песне об Амиране (ср. ალაგონ ღაგონებობს, изд. Чичинадзе, Тифлис, 1897, стр. 305 сл.): как бы «страна алаг'ов > алан».

³ Ср. араб. اغائث 'помощь'.

инг. kov 'двор, усадьба' (осет. кау 'плетень, изгородь';¹ ср. еще осет. қәу, бәу 'аул'); инг. čirt 'надгробный памятник' (осет. црт, црт 'могила');² инг. khānk 'мальчик' (осет. каннæг 'малый, маленький'); инг. engir 'при многоженстве так называется каждая из жен' (осет. æмуджир 'соперница, говорится о женах'); инг. eggir 'самый, наиболее' (осет. æгæр 'слишком, чрезмерно'); инг. fuos 'добыча' (осет. фонс, фос 'скот, стадо', ср. аварск. фанз 'рогатый скот'); инг. fusum 'пристанище, приют, дом хозяина' (осет. фусун, фусум 'пристанище; хозяин, кунак'); инг. buozbuoçæ 'колдун; фокусник' (ср. осет. будзæу 'шут'); инг. kold 'густая грязь, болото' (осет. колтæ 'лужи', от колæ 'лужа, болото, озеро'); инг. khuordæ dæg 'надоест' (ср. осет. крд 'группа, общество, кружок, толпа, куча'); инг. khaž 'изнеможение, состояние ребенка после сильного плача' (осет. кæзун 'заикаться, запинаться'); инг. gærr 'хлоп, стук' (осет. гæбп 'прыжок'); инг. muož 'борода' (ср. осет. боцо 'борода и усы', ср. абхаз. афатà 'усы', черк. фате 'ус'): инг. niek 'плавание' (осет. накæ, ленк id.); инг. kust 'красота, приличие' (осет. куст 'сработанное, работа; труд, как результат?'); инг. lædæg 'течь' (осет. лæдарун 'давать стекать, выливать'); инг. lædæg 'слабый, ничтожный' (осет. лæдæг 'никчемный, простяк'); инг. zulæ 'косой о направлении' (осет. зулун, злун 'кривой, неправый'); инг. bukæg 'сгорбленный, сутулый' (осет. бук 'согнутый, съежившийся, сгорбленный'); инг. læzæg 'боль, болезнь' (осет. нїз, нез 'болезнь'); инг. listæ 'частый, густой' (осет. лцстæг, лїстæг 'мелкий, тонкий'); инг. mistæ 'кислый' (осет. мæст 'горько-соленый источник'); инг. tug 'плевок' (осет. тукæнун 'плевать');³ инг. thar 'грудь женская' (ср. осет. гар, ітарæ 'грудь, гортань, бронхи'); инг. surxæš 'корь, болезнь' (осет. сурх 'красный'); инг. sijg 'искра' (осет. суг в рæсуг прозрачный, чистый'; ср. еще суг 'дрова'); инг. duz 'penis iuvenilis' (осет. дзодзо id.); инг. čhuog 'кожица, шкурка, скорлуна' (осет. чар id.); инг. čhug 'кольцо, крючок' (осет. цæg 'кольцо'); инг. qhaž 'тростник' (осет. қәз, қәзæ 'камыш'); инг. ghæg 'голос, говор' (осет. бær, қær 'крик, звук'); инг. ghæd 'кукурузный стебель' (ср. осет. қәд 'бревно, дерево, лес'); инг. guogæ (væxæg) 'кувыркаться' (осет. губур 'согнутый, сгорбленный,

¹ Об этом, как и многих других словах, ср. у Миллера. *Ossetica*. Москва, 1904, стр. 72—77.

² Ср. еще кумыкск. чорт 'прямой'. О čirt'ax ср. Изв. Инг. инст. I, стр. 196: «К самым простым по виду надмогильным памятникам принадлежат распространенные повсюду в крае вертикальные плиты (čirt) с рельефными надписями и орнаментом и без них».

³ Ср. тур. توكرمق 'плевать'.

горбатый'); инг. *piŋxæ* (*dæg*) 'брызгать' (осет. *апврх кæнчн* 'обрызгать, разбивать в дребезги'; *пврх* 'брызги'); инг. *roš* 'испускать воздух' (осет. *пвссут id.*); инг. *dægz* 'дождь, пополам со снегом' (ср. осет. *дæрзæг* 'жесткий, шероховатый'); инг. *giŋg* 'живот' (ср. осет. *губчн* 'желудок, брюхо'); инг. *maŋš* 'колбаса' (ср. осет. *мерс кæнчн* 'жрать'); инг. *qhoŋæ* 'глухой' (осет. *къуру id.*; ср. груз. *ჭობი id.*); инг. *qhurd* 'глоток', *qhurdæš* 'всхлипыванье' (осет. *гуртт* 'глоток'); инг. *qhurg* 'глоток' (осет. *гур* 'горло, глотка'); инг. *xæl* 'вверх по течению, вверх' (ср. осет. *уæлæ* 'наверху'); и т. д.

Мы принципиально не входим здесь в лингвистическую оценку как сложных фонетических и смысловых подробностей предлагаемых сопоставлений, так и зависящей от них степени вероятности и доказательности некоторых из сближений, довольствуясь пока утверждением очевидной тесной, разнообразной связи ингушского и осетинского словарей. Немногие, отнюдь не исчерпывающие указания, делаемые попутно, на другие языки имеют в виду подчеркнуть, что некоторые слова отнюдь не являются исключительным достоянием интересующих нас здесь особо ингушей и осетин.

Выше приведенные примеры — яркое свидетельство длительного, всестороннего общения ингушского и осетинского народов. Усматривая в осетинах потомков алан, не следует забывать условности этой генеалогии. И мы стоим перед фактом вероятного влияния на северокавказские языки, в том числе и на ингушский, каких-то иных индоевропейских и отличных от современного осетинского, иранских наречий.¹ На примере *ägziŋ* мы видели уже случай такого влияния. К этой же категории можно отнести: инг. *šægæg* 'мочь', *moŋuš* 'могучий, сильный', неотделимо от др.-иранск. *magavan* (?), славянск. мочь, могучий, нем. *mögen* и т. д.; инг. *dî* 'день' кажется связанным с общеиндоевропейским *div* в лат. *dies*, арм. *միւ* и пр., инг. *muodz* 'мед', *merzæ* 'сладкий' связаны, очевидно, с интернациональным словом 'мед' не через осетинское *муд*, *муд* ('мед'); инг. *giemæ* 'табун лошадей' идет из какого-то иранского источника (ср. перс. *گله* 'стадо', армянск. *աւիճ* 'толпа, народ', армянск. *էրան* 'толпа, стадо и пр.);² инг. *bedæg* 'перо

¹ Этот интересный вопрос обсуждается в статье Трубецкого, *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*, t. 22 (1921), p. 247—252, *Remarques sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase septentrional*.

² См. *Hübshmann*, о. с., стр. 147 и 233; Марр. *Тексты и разыскания по армяно-груз. филологии*. Кн. IV, СПб. 1904, стр. 75. Одна из зон горных пастбищ Ингушии называется 'рэм или лам-те-рэм'. «Это зона яловых коров, быков, лошадей, а главным образом молодняка крупного рогатого скота старше года» (Христианович, стр. 112).

птичьё' напоминает нам нем. Feder, греч. *πτερόν* и пр.; инг. *siogæi* 'лиса' связано, в последней инстанции, с широко распространенным словом 'шакал' (от санскр. *ṣṛgāla*, через персидский и многие языки Дагестана, до арабского, еврейского и сирийского);¹ инг. *buoiʃæ* 'мужского пола', *berʃie dienæ* 'находящаяся в периоде течки' (о самке), будучи связано с осет. урс 'жеребец', заимствовано все же не у осетин;² инг. *taŋ* 'муж', близкое черемисскому *taŋi* 'муж, человек', восходит, подобно финскому слову, к арийскому **taŋu-*;³ наконец, упомянем инг. *pus* 'невестка', *puskæl* 'невеста', вводящие нас в сложную проблему общекавказских и общеевропейских взаимоотношений. К инг. *pus* примыкают, с одной стороны: цова-гуш. *pus* 'невестка, сноха', *chin pus* 'невеста'; чеченск. *puskul* 'невеста'; аварск. *pus* 'невестка'; арчинск. *pusuŋ* 'невестка'⁴ (арч. *pusuŋ* 'зять'; ср. инг. *pejс* 'жених, зять', чеченск. *pus id.*; капучинск. *puzo* 'муж'); черкесск. *pəse* 'невестка' (отсюда осет. *niссæ* 'дама'); мегрельск. *posa*, *piса* 'новобрачная, невестка', чанск. *pusa*, *pisa id.*, чанск. *pusaŋa*, (resp. *nisaŋa*, *nisaка*, *pusawa*) 'две невестки, по отношению друг к другу' (ср. абх. *а́а* 'невестка' и *а́ала* 'соневестка'); груз. *pusadia* 'жена дяди'. С другой стороны, мы имеем осет. *нуостæ* 'невестка',⁵ примыкающее к общеевропейскому 'сноха'. Параллельно словам на *p* идут слова того же значения на *s*: ср. убыхск. *səs* (*säsä*) 'junge Frau, Braut' (Дирр); табасар. *sus* 'новобрачная'; агульск. *sus* 'молодая жена, невестка (до первого ребенка)'; цахурск. *sos* 'невестка'; лезгинск. *sōs* 'невеста, новобрачная'. Повидимому, это второе слово сохранилось, наряду с *pus*, в ингушском языке в названии одного из трех храмов, находящихся на вершине Столовой горы (инг. *mät loam*) и называющихся *mätsielæ*, *mätæŋæ dälæ* и *susuon dälæ*. Что касается первых двух, то перевод названий не вызывает затруднений: *mätsielæ* значит 'небесный бог Столовой горы' (*sielæ*, чеченск. *stielæ*, собств. имя бога грома, в инг.

¹ О взаимоотношениях семитических и индийской форм слова ср. Nöldeke, ZDMG. 30 (1876), стр. 769.

² Затруднение в начальном *с*; ср. санскр. *vṛṣan-*, перс. *gušn*, лат. *verres* и пр.

³ Ср. Яacobson, о. с., стр. 245. Сюда же следует отнести и инг. *тæjгæ* 'храбрый'.

⁴ По поводу арчинских слов: Дирр, в словаре арчинского языка, сопоставляет с ними арабск. *вус* (?); речь идет повидимому, об арабск. *نِسْوَة* (собирает.) 'женщины'.

⁵ Своим — тæ слово обязано, быть может, аналогии с такими терминами родства, как *ус* (*устæтæ*), и далее *æрвæд* (*æрвæдтæлтæ*), *фуд* (*фудтæлтæ*), *мад* (*мадтæлтæ*), и затем пониманию *нуостæ* в собирательном смысле (собств. 'невестки', ср. чанск., абхаз.). Миллер. (Осетинские этюды, III, стр. 168) противопоставляет этимологии Nübschmann'a (который связывает его с 'сноха') другую, к славянск. 'невеста, невестка'. Нам кажется возможным объединение обеих точек зрения.

сохранилось в выражении *sielæ hæd* 'радуга'); *mätæræ dälæ* 'происходящий от Столовой горы бог' (*mätæræ* производное от *mät* помощью суффикса удаления, *resp.* прилагательного, 'мятский'). Что касается *susuon dälæ*, значение его с точки зрения современного ингушского языка не вполне ясно. Однако, подробности культа этого божества, чтимого исключительно женщинами, дают основание усматривать в *susuon* общее значение 'женский' и соответственно *susuon dälæ* переводить 'женский бог', или точнее, имея в виду вышеперечисленные слова других языков, 'бог молодых женщин, новобрачных'. Легко усмотреть главную функцию подобного божества: способствовать обильному и счастливому деторождению.¹

Во многих из перечисленных выше случаях сосуществования сходных слов в ингушском и осетинском языках, мы побуждаемся к постановке вопроса: кто от кого заимствовал? Задачей будущих исследователей послужит исчерпывающе ответить на это. Мы можем ограничиться несколькими примерами, показывающими, что не только осетины были дающими (что несомненно для большей части существующего материала), но что случилось, вероятно, и наоборот. Так представляется нам заимствованным упомянутое уже осет. *ўс*, *ўос*, происходящее от инг. *ust*, сохранившегося в выражениях: *ust da* 'тесть (букв. отец жены)', *ust napæ* 'теща (мать жены)', *ust vošæ* 'шурин (брат жены)', *ust jišæ* 'свояченица (сестра жены)'; ср. цова-туш. *psthun* 'жена, женщина', ср. далее чеченск. *stie* 'жена, самка' и инг. *sien* 'женский'). К ингушскому придется прибегнуть и при объяснении известного мифологического персонажа осетин, *балсæг'а*,² известного преимущественно из сочетания *балсæджі цалх* 'колесо Балсега'. Это последнее, по объяснению Миллера, «какое-то странное существо, имеющее вид колеса (*цалх*) и состоящее на службе у бога (*Хуцау*) или *фуд* Иоаннæ

¹ На стр. 192, прим. 2, Изв. Ингушск. инст. предлагается объяснение Х. Б. Ахриева: *susuondälæ* 'бог (покровитель) благородных женщин'. Прибавление благородных вызвано, быть может, ассоциацией с инг. *сув* 'княгиня; незамужняя девушка хорошей фамилии'. На чем основан перевод других двух названий, нам непонятно; вероятно здесь *mät* контаминировалось с *muott* ('место'), что основано на недоразумении; отсюда перевод: 'место святилища, трон (место) бога'. О культе *susuon dälæ* ср. Ахриев, Сборн. свед. о кавк. горах, т. V, стр. 11 статьи «Ингушские праздники»; Базоркин, Сборн. свед. о кавк. горах, т. VIII, стр. 10 статьи «Горское паломничество»; Далгат, Терский сборн., т. II, стр. 110—111 (здесь читаем: «женщины поют песни и просят у бога и у *Сусол-дьяла* детей»). Ср. еще Алборова, I с., стр. 372.

² Параллельные формы этого имени: *балцæг*, *малсæг*, *марсæг*, *марсуг*. Отметим еще возможную связь осетинского владыки преисподней, *Барастур'а* с ингушским «Эштер'ом», о котором см. Далгат, о. с., стр. 59.

(отца Иоанна или Иоанна Крестителя). Собственник колеса посылает его против врага и оно, раскатившись, разрезает его на части».¹ Дигорский вариант сказания о смерти Сослана содержит указание на тождество Иоанна (*fid-iuane*) с 'небесным Марсугом' (*uælagvon Marsug*).² Несомненно, в колесе Марсуга мы имеем мифологическую персонификацию солнечного диска, и соответственно в самом владельце колеса не трудно предположить 'человека солнца' (инг. **malxæ sæg* > *malsæg*, ныне популярное среди ингушей мужское имя). Наконец, для объяснения некоторых темных по происхождению осетинских выражений, ингушский язык может сослужить свою службу: так осет. *гæлæхха* 'пожалуйста' не представляет ли собою неточно воспроизведенную ингушскую фразу *гæ liælæx hæ* ('окажи помощь'; обычно *гæ* сочетается не с *dælæg*, а с другими глаголами, как-то: *lasæg*, *dæg*, **ladæg* в *gæloadæm*)?

В нашу задачу не входит, как сказано, исчерпывающее сравнение этих языков; приведенных примеров, думается, достаточно для доказательства того положения, что ингушский язык сохраняет в себе обильные следы длительного общения со своими соседями с запада, поддерживая в этом вполне наблюдения этнографии и археологии. Мы можем перейти к дальнейшим, регистрируемым языком, влияниям, испытанным ингушским народом в его прошлом. Следующими за аланами по давности влияния следует признать, безусловно, грузин. Как указывалось выше несомненна значительная давность грузино-ингушских связей: она служит основанием частоты упоминания дурдзуков в начальной грузинской летописи.³ Мы лишены, к сожалению, возможности полагаться на грузинскую летопись для выяснения точной хронологии грузино-ингушских культурно-политических взаимоотношений: установленное авторство Леонтия Руисского⁴ придает нашему главному источнику слишком ненадежный характер. Во

¹ Миллер. Осетинские этюды, I, стр. 120. У дигорцев оно называется *оіоні цах*.

² См. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927, вып. 2, стр. 19 (текст), стр. 15 (перевод). В другом варианте (Памят. народн. твор. осетин, вып. I, стр. 47) Барсаг назван «одним из лучших мужей среди нартов». О Марсуге правильные соображения у Альборова, I, с., стр. 397.

³ Ср. по изданию Бросса, груз. текст, стр. 32 (женитьба Парнаваза на дурдзукианке), стр. 33 (дурдзуки и Саурмаг), стр. 34 (война Мирвана с дурдзуками), стр. 48 (дурдзуки в коалиции против армян), стр. 61 (набеги дурдзуков при Мириане) и т. д.

⁴ См. ივ. ჯავახიშვილი. ისტორიის მიზანი, წყაროები და მეთოდები etc., წიგნი I (1916), стр. 112 сл. Новейшая оценка его труда у კეკელიძე, ქართული ლიტერატურის ისტორია, I (გვ. 1923), стр. 243 сл. страдает гиперкритицизмом.

всяком случае несомненна гиперболичность выражений историка царицы Тамары в описании похода, в начале XIII в., атабека Иванэ против дидойцев и пховельцев: «Иванэ... поднялся на гору Хада (შთასა კადისსა), перешел через вершину горы и встал на горе пховельцев и дидойцев, чего не совершал никто ни раньше, ни позже (რომელი არავის ექნა არცა პირველ არცა შემდგომად); ибо с одной стороны у него осталась Дурдзукия, а с другой стороны — Дидойя и Пховия (დიდოეთი და ფხეთი). Узнав о приходе атабека, цари дурдзуков пришли с дарами, дали ему войско, присоединились к нему и начали со своих гор (წყობიდან) воевать, совершать набеги, убийства, пленения, и пожгли жестоко. Погибло бесчисленное количество дидойцев и пховельцев. И пробыли (там) три месяца, июнь, июль и август. Тогда стесненные атабеком дали заложников, обещали подчинение и дань, и дали клятву. Заключили мир и он вывел заложников, победоносные (войска) пришли к царице, и сказал Иванэ атабек царице Тамаре: могущественная царица, твое приказание исполнено, я разгромил непокорных твоему приказу Дидойю и Пховию».¹ Рано возникшая, связь Дурдзукии с Грузией, вначале военно-политическая, а за тем и более тесная культурно-религиозная, продолжалась очень долго, значительно дольше, чем, напр., связь Грузии с также захваченными в орбиту грузинского культурного влияния прилегающими к Кахетии частями нагорного Дагестана. Опубликованная Джанашвили² приписка в евангелии, принадлежавшем Л. А. Магалашвили, гласит: «Христе, когда блаженный патриарх наш Евфимий обозрел в Кахетии епископию Анцуха (ანჭხისა?) и оттуда перешел в Цахур (წახურს), Ках-Елису (კახ-ელისებს) и обошел храмы Касрийской Троицы (კასრი სამებისა),³ Кумской богородицы (კუმი ღვთის მშობლისა), в Лекарте (ლექარტს) св. равноапостольной Нины, в Заре (ზარს) св. великомученика Георгия, в Вардиане (ვარდიანს) св. Або, в Ганухе (განუხს) Арчила, в Киш-Нухе (ქიშ-ნუხს) богородицы, Вардашене (ვარდაშენს) Ильи, в Та... саране

¹ См. груз. текст по изданию Броссеэ, стр. 333 (= изд. Такайшвили, стр. 528) и франц. перевод, стр. 475. В роли союзников Грузии дурдзуки выступают и позднее, при царице Русуदानе, в 1234 г. См. *ibid.*, груз. текст, стр. 357, перевод, стр. 510: здесь они переходят через Дарьяльское ущелье. Несомненно, и до Иванэ грузины заходили и к пховельцам и к дурдзукам.

² См. მ. გ. ჯანაშვილი. საქართველოს ისტორია. მეორე გამოცემა. თბ. 1895, стр. 205—206 и ср. русский пересказ в Сборн. матер. по опис. местн. и пл. Кавказа, т. 22, отд. 1, стр. 50.

³ О Касрис-сакдари (კასრის საყდარი), находящемся в ингилойском селении Кахи см. Джанашвили, Сборн. матер. etc., 1. с., стр. 26, прим. 3.

(თა... სარსს) пресв. (?) апостола Петра, далее храмы Хунзов (ხუნძთა?), Нахчиев (i. e. чеченцев, ნახჩიევი), Тушетии (თაშეთის), Некреса (ნეკრესის), Лагоета (ლაგოეთის), Белакана (ბელაქანის), Мач-Пипинета (მაჭ-პიპინეთის), Периджан-Мухах-Мамреха (პერიჯან-მუხახ-მამრეხის) и всей равнины, т. е. древнего Мовакана и Елисени, от Верхвиана-Зегана (ვერხვიანი-ზეგანი) до места впадения реки Иоры (იორის?) в Алазань,¹ то этот блаженный (სანატრელმან?) Евфимий приказал мне, архиепископу Курмуха (ქურმუხის) и пастырю всех горных земель (ეოვლის მთეულის წინამძღვარს), Кириллу Донаури, распорядиться перепиской евангелий и разослать для каждой церкви; и я побудил переписать (sc. евангелия) священника Кахской церкви св. Варвары, Ессея Китиашвили, и 12 учеников его, и разослал по церквам, монастырям и семи главным училищам; и приказал им изучать истинный закон, философию, жития отцев, историю Грузии (ქართლის ცხოვრება) и историю (ც... ბაჲ?) Албании... господи Иисусе Христе, помоги в день судный архиепископу Кириллу; аминь, аминь. В короникон 530-ый (ივლ?), месяца мая 14 числа, в год от сотворения мира 6914-ый (წმინდ).² Приведенный интереснейший документ начала XIV в., рисующий нам картину распространения грузинского церковного и культурного влияния на современную Чечню, Дагестан, Закатальский округ и Нухинский уезд, оставляет нас, к сожалению, в нескольких ответственных случаях в неуверенности относительно правильности чтения: по замечанию издателя,³ приписка очень пострадала и выпвела, в частности названия Анцух и Хунз вызывали сомнения и снабжены в издании вопросительным знаком.⁴

¹ Большинство перечисленных географических названий легко отождествляется на современной карте: Ках-Ингилой, Кум, Лякит, Зарна, Гюлжук (? тоже значение что и Вардиани = розовый; ср., однако, Wakhoucht. Description géographique de la Géorgie, ed. Grosset. St.-Petersbourg, 1842, p. 483, где Вардиани между Мапехом и Пипинет-Джаром); Гейнук, Гюйнук (? ср. Wakhoucht, l. c., где ghaoukh, т. е. ლახუხი, стоит рядом с Катехом), Киш-Нуха, Варташен; далее Некрес в окрестностях Кварели, Лагодехи, Белаканы, Закаталы, Мухах-Мамрух и, наконец, Верхвиан (к югу от Закатал). Неотождествимо испорченное Та-саран. Ср. ჯანაშვილი მკელი საქართველო, ტომი II (ცვ. 1913), ტახეოვ. 3, стр. 68—80.

² Указанные даты грузинского летосчисления обе соответствуют 1310 г.

³ L. c., стр. 204, прим.

⁴ Анцух и еще более прилегающая к нему Капуча до сих пор носят на себе яркие следы грузинского влияния, сказывающегося и в совр. географической номенклатуре. К району Хунзов (Хунзах) относится наиболее значительный вещественный документ грузинской культуры в Дагестане: грузинская надпись из Хунзаха (вернее из Тануса? Ср. информацию Ш. Гитиновасова, Новый Восток. Москва, 1924, кн. 5, стр. 244, о вывозе оттуда камня с надписью), доставленная в 1879 г. в Тифлис и гласящая о постройке церкви

Положение христианства рисуется здесь однородным на обеих окраинах грузинского влияния — в Чечне и Аварии; единый центр управления паствой — курмухская кафедра, одновременно направляет свое внимание и в ту и в другую сторону. Через 3 столетия картина несколько меняется. Положение в Дагестане характеризуется следующими фактами: Цахур оторван от грузинского влияния категорическим вмешательством Персии,¹ Анцух и Капуча требуют вмешательства военной силы для усмирения их жителей и прекращения набегов на Кахетию (поход Кайхосро Оманишвили в 1612 г. в Дагестан),² дидойцы, еще в конце XV в. составлявшие органическую часть Кахетии,³ выступают перед нами язычниками — недвусмысленными врагами грузинской культуры. «Увидев, что положение его ненадежно, Теймураз решил отправиться в Дидо, чтобы отвратить их от идолослужения, открыть дорогу в Россию и привлечь их на свою сторону. Собрав кахетинцев, он напал на них, разрушил несколько башен и сжег селения. Однако дидойцы призвали себе на помощь других дагестанцев (ქაჯბნ) и начали сражаться, стреляя из лука и сбрасывая камни, убили руставского епископа на глазах у царя, одновременно убили лошадь Теймураза и уничтожили множество кахетинцев; обратились в бегство (sc. грузины) и пришел Теймураз в Кахетию плача и говоря: о, горе, погиб дворцовый епископ (ვახი დაწბისისკელ კვისკობელ მწვეკტოვლს). Это случилось в 1640 г., короникон 328-ой».⁴ Крупное поражение, понесенное кахетинским царем в его попытке восстановить грузинское влияние в северозападном Дагестане, стоит в ярком контрасте с успехами, одержанными тем же царем Теймуразом, всего за два года до экспедиции к дидойцам, в районе Ингуши. Сам Теймураз так повествует о своих действиях в этом

в честь Козьмы и Дамиана Учададоном (? ოჯბდღ || ობ. См. Изв. кавк. отд. Моск. арх. общ. Тифлис, 1904, вып. 1, стр. 63). Название наиболее популярного памятника этой же категории, Датунской часовни, стоит в зависимости от грузинского имени დათუბა. Впрочем, на Датунскую часовню претендуют и армяне. Ср. *Բարբառ-դարեանց. Սուրբնից երկիր և դրացիք*, 1893, стр. 21—28. Приводимая, в доказательство бывшей распространенности в Дагестане христианства, армянская надпись «1245 года» (М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Москва, 1890, т. I, стр. 147—148) относится не к XIII, как можно было бы думать, а к XVIII в. (1245 армянск. зры = 1796 г. н. э.). Ср. «Древности» Московск. археол. общ., т. XII, стр. 170 (протокол от 8 XII 1887) и Древности Восточные I (Москва, 1893), протоколы, стр. 28—29.

¹ Ср. Акты Кавказск. археографич. комиссии, т. II, стр. 1085 сл.

² Histoire moderne de la Géorgie, p. 115 (груз. текст), p. 161 (франц. перевод).

³ L. c., p. 103 (груз. текст), p. 148 (франц. перевод).

⁴ L. c., p. 122 (груз. текст), p. 169—170 (франц. перевод).

последнем районе: «сам я с боярами и с войском отправился ради великой любви к ц. в. величеству; пошел и открыл дорогу чрез Туския горы, по Псавским, Клегудским, Кевсурским и Кистийским, по которой дороге никогда ни посол ни древние Иверские цари не проходили и не приходили в эти горы. А с божиею силою и милостью в. ц. величества (жители) всех этих гор мне подчинились и принесли мне свои старые записи и я их скрепил, и многие крестились, и теперь еще стоят церкви, иконы и колокола. Там в Кисти мы встретились с послами в. ц. величества, и я взял их с собою и привел в мою страну, в Кахетию... Много потрудились послы в. ц. величества, но и я еще более трудился, целых два месяца, пока (открыл) очистил дорогу, в. г., и божиею силою и милостью т. ц. величества подчинил горцев, так что они сделались моими рабами, как то и сперва было во время Льва».¹ Точная датировка этого события, относящегося к лету 1638 г., дается статейным списком кн. Ф. Волконского и дьяка А. Хватова, доступным нам лишь в бестолковом пересказе Франциска Плоена, сделанном в начале XIX в. и помещенном в качестве введения к цитованной выше «Переписке».² Из списка явствует, что встреча русских послов с «боярином Реваз-беем», посланным Теймуразом, произошла близ кабаков черкесского князя Хавсы (?) 2 августа 1638 г. Описание пути через горы содержит ряд любопытных этнографических подробностей, заставляющих пожалеть о недоступности в печати столь выдающегося материала для изучения района Ингушии XVII в. Так напр., сообщается (в пути через «кабаки горских владельцев»): «сии кабаки расположены по обе стороны сего ручья; дома в них каменные, выстроены в горах; мужчины одеты по-черкесски, а женщины носят на головах рога в пол аршина». Ночуя «в деревне, принадлежащей к туской земле», «послы разведывали, от чего сия страна

¹ Ср. цитированную стр. 701, прим. 3. «Переписку на иностранных языках грузинских царей с российскими государями», стр. 29. Противоречие в словах: «никогда ни посол ни древние иверские цари не проходили в эти горы», с указанием ниже: «как то и сперва было во время Льва» (под ним разумеется кахетинский царь Леван, 1520—1574) объясняется и здесь гиперболичностью выражений. О Леване у Вахушта читаем: «предшествующим ему кахетинским царям уже не подчинялись Пшаво-Хевсуры и Тушины и этот Леван овладел ими не силою, но пообещав им, что стада их будут пастись без вреда в Кахетии, сделал пожертвование лашас-джварскому святилищу в Тианети; с тех пор они давали ему войско и отправляли повинности» (Hist. de la Géorgie, II, p. 107 и франц. перевод, стр. 151 и прим. 2).

² См. Исторический обзор дипломатических сношений между росс. государями и груз. царями и владетелями, составленный на франц. языке Ф. Плоеном, актуариусом при Главном архиве etc., стр. XXX—XXXI и сл.

получила свое название, кем пред сим она была управляема, и кто тепершний владетель оной. Им сказали в ответ, что страна сия так называется с давнишних времен; что прежде принадлежала она горским жителям, но что теперь владеет оною Теймураз, и что в ожидании русских послов, Теймураз приказал перекрестить множество здешних поселян, что и исполнил грузинский архиерей. Мужчины туской земли стригут волосы и бреют бороды; жевщины ходят в черных платьях, схожих с монашескими. Жители горские и земли туской в сражениях употребляют ружья, лукп, сабли и копыя».¹ Военные действия Теймураза в 1638 г. знаменуют собою последние усилия Грузии сохранить свое влияние в горах. Непрочность достигнутых им успехов становится очевидной из последующих событий: в частности, посольства из Москвы в Грузию совершаются уже в обход гор, кружным путем через Шемаху.² Культурное влияние Грузии, шедшее на протяжении многих веков (приблизительно VII—XVII вв.)³ нашло, как увидим сейчас, свое отражение в языке; вместе с тем оно оставило и более осязательные следы в вещественных памятниках страны, среди которых наибольшей известностью в посвященной этому вопросу литературе пользуется, по справедливости, так наз. храм Тхабаерды (ингушское *tqoh-bhäjierdæ*) в недалеком расстоянии от аула Хайрых (*ǰæjgæx*). Интерес этого памятника, многократно описывавшегося в литературе, заключается: 1) в нахождении его в центре Галгаея, 2) в богатом декоративном и архитектурном материале, им представляемом, 3) в наличии на стенах грузинских над-

¹ Искажение собств. имен у Плоена, о. с., мешает, к сожалению, совершенно точной реконструкции пути послов. Послы шли, вероятно, по Тереку до Джераха, по Джераховскому и Галгаевскому ущельям в Хевсурию, оттуда к тушинам, и далее по Панкисскому ущелью в Кахетию.

² Уже Волконский и Хватов возвращались этим далеким путем в 1639 г. Плоен, I. с., стр. XLI.

³ Хронологические границы здесь условны более, чем где-либо: с одной стороны, трудно определить исходные моменты возникновения культурной связи; с другой стороны, и в XVIII в. не прекращались связи ингушей с грузинскими царями. Об Ираклии мы имеем предание, приводимое Ахриевым, Сб. Свед. о Кавк. горц., т. VIII, статья Ингуши, стр. 2. Сюда же относится и замечание Буткова, I. с., т. II, стр. 179 и прим. 1, что Ираклий в 1785 г. «призывал к себе осетинцов и ингуш, но напрасно». «Грузинский царь Георгий» «фигурирует и в историч. предании о подвиге Чербыша, истребившего на Военногрузинской дороге кабардинских князей. См. цит. статью Б. К. Далгата, Этнограф. обозр., 1901, № 1, стр. 63. Разумеется, мнение, что «в конце XIV в. Грузия падает под ударами Тамерлана и ее военное и политическое влияние на ингушей уже больше не восстанавливается» (Христианович, I. с., стр. 69, ср. цитату на стр. 68, прим. 1) основано на недостаточном знакомстве с источниками.

писей, неизвестных другим монументальным памятникам Ингушии, и 4) в обнаружении в нем грузинской же рукописи, наглядно свидетельствующей о распространении в церковном быту ингушей грузинской, а не греческой и не готической (как некогда предполагалось учеными)¹ письменности. До сих пор Тхаба-Ерды оставался вне круга интересов специалистов по истории древнегрузинского архитектурного искусства, и лишь недавно Кавказский историко-археологический институт Академии Наук (в Тифлисе) включил изучение его в план очередных работ.² Оставляя в стороне древнейшее свидетельство о православной церкви у кистинского народа, полученное в Моздоке в 1765 г. от двух католических миссионеров, явившихся к кистам из Ахалциха (следовательно из Грузии!) — церковь называется построенной при реке Балсу (= Форганга), что, быть может, результат недоразумения³ — остановимся на древнейшем описании памятника Штедером в 1781 г.:⁴ «К югу, на возвышенности, у которой соединяются оба рукава Ассы, у правого рукава расположено старинное здание, куда совершается ежегодное великое паломничество всего народа. Древний непорочный старик из одной определенной фамилии закалывает жертвенные животные, съедаемые близ живущими фамилиями; голова, с рогами и костями, сохраняется в здании. Оно уже частично разрушилось (*versunken*), и имеет 23 шага в длину и 7 в ширину, при трех сажнях высоты. Оно состоит из гладких тесаных камней, однако крыша развалилась. С западной и восточной стороны видны узкие притворы (*Vorhof*). От первой из означенных сторон (*scil.* западной) был вход, ведущий через ворота, однако он заложен теперь камнями; нынешний вход ведет через низкую дверь на южной стороне. Над главным входом имеется несколько безформенных фигур, высеченных в диком камне. Мужчина, сидящий на стуле, имеет над собой,

¹ О греческих рукописях у ингушей Klaproth, l. c., I, стр. 623 и Ахриев, Сборн. свед. о кавк. горах, т. V, стр. 1; о готических — Pallas. Bemerkungen auf einer Reise etc., in den Jahren 1793 und 1794, I, стр. 417.

² Ср. Бюллетень Института, № 5 (Ленинград, 1929), стр. 7. (отчет о поездках Д. П. Гордеева). Следует отметить, что изучение Тхаба-Ерды намечалось мимоходом в программной статье Берже. Зап. Общ. любит. кавк. археол. Тифлис, 1875, кн. I; см. стр. 13 внизу.

³ Бутков, о. с., I, стр. 438.

⁴ Гюльденштедту не удалось видеть его ни в 1770 г. ни позднее ср. о. с., I, стр. 151, 479—480 и 482. В последнем из цитованных мест читаем: «Der Distrikt Galgai... Das hieher gehörige Dorf Saglais (?) hatte eine ansehnliche Kirche in vorigen Zeiten». Клапрот, также не бывавший на месте, описывает Тхаба-Ерды со слов Штедера, комбинируя его данные с данными Рейнеггса и искажая их, как показал Engelhardt, l. c., стр. 240, прим.; ср. стр. 227, 230, и *passim*. Ср. выше стр. 693 прим. 1.

с левой стороны, простирающуюся из облаков руку, держащую наугольник (Winkelmaas); рядом с ним мужчина, держащий перед собой в левой руке крест, а правой берущийся за саблю. Напротив, с правой стороны, другой нес виноград на палке, положенной через плечо; с боку находятся головы ангелов, расположенные, для украшения, на углах карниза. Над (центральной) фигурой находился фасад греческой церкви, подобной той, что я обнаружил в натуре на огромной высоте у Казбека.¹ Надписи стали неразборчивыми вследствие разрыхления камня (durch die Witterung). На восточной стороне находится два узких окна, а на южной стене трехугольные маленькие дыры, оставленные вместо окон. Внутри здание темно, грязно и лишено пола, посередине наполнено угольями, оставшимися от жертвоприношений животных. Головы с рогами, кости и поломанные стрелы сохраняются по сторонам. У восточной стороны расположены сводчатые ниши (gewölbte Bogen), заложенные камнями и имеющие будто бы подземные ходы, где хранятся церковные принадлежности и книги. Я велел убрать камни и заплатил бы вскоре жизнь за свою любознательность, если бы мои проводники-ингуши не извинили бы эти розыски моим благоговением перед святынями».² Приведенное описание на 105 лет древнее известного описания В. Ф. Миллера, произведенного в 1886 г. Важность сообщаемого Штедером, помимо описания процедуры культа, заключается в указании на процесс разрушения, наступивший, как можно думать, не

¹ Речь идет о церкви Самеба, расположенной на левом берегу Терека против сел. Степан-Цминда; о ней Бакрадзе; Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис 1875, в. 7. Самеба. Отмечаемое здесь сходство сооружений Тхаба-Ерда и Казбекской Самеба следует учесть при исследовании интересующего нас здесь памятника. Замечание Штедера поддерживается и Энгельгардтом (I. с., стр. 240), усматривающим в этом сходстве церквей поддержку народному преданию о сооружении Тхаба-Ерды пар. Тамарой. При оценке хронологии христианских памятников долины Терека необходимо иметь ввиду сообщение летописи «Обращения Грузии» о построении грузинскими азнаурами на Арагве Степан-Цминды, при ц. Арчиле (V в. н. э.); Джавахишвили (ქართველ ერის ისტორია, II, стр. 305) относит сообщение к сел. Степан-Цминда (т. е. Казбек) на Военногрузинск. дороге, ср. однако Карлис Цховреба, вариант ц. Марии, стр. 118 и Histoire de la Géorgie, p. 109 (текст), p. 145 (перевод), где речь идет о Мцхете. Тогда же, в V в., при назв. Степан-Цминде были построены боевые башни, отсутствию которых в Грузии в настоящее время напрасно удивляется И. П. Щерблякин. Изв. Ингушск. инст., стр. 280. Работа В. Plätschke. Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus. Hamburg, 1929, дает первую попытку общего обзора «башенной культуры» на Кавказе и за его пределами (см. о. с., стр. 67—76. О Грузии ср. еще F. Baumhauer. Forschungen über die Hausformen in Georgien. Hamburg, 1928).

² Штедер. о. с., стр. 39—40.

позднее первой половины XVIII в. Сведения Штедера ускользнули от внимания Миллера, как ускользнуло от него (и от всех позднейших авторов по вопросу) еще более интересное для нас описание Энгельгардта, сопровождаемое иллюстрациями, воспроизведением (неудачным, впрочем) надписей и планами. Энгельгардт посетил Тхаба Ерды 13 сентября 1811 г. «Церковь называется Галиерт (Galiert)», пишет он,¹ «и сложена из небольших плит известняка и песчаника, добываемых недалеко от местонахождения выше упомянутой стены» (речь об Ассинском укреплении, ср. выше, стр. 712, прим. 3). Последнее наблюдение автора, как геолога по специальности, заслуживает особого внимания. Следующее за приведенными словами описание памятника ничем существенным не отличается от описания Штедера, за исключением того лишь, что Энгельгардту не удалось получить подтверждения выше приведенному сведению о старике-жреце, совершающем жертвоприношения: по рассказам, слышанным Энгельгардтом, летом, повидимому в июне, в церкви собирался народ и поедал принесенные с собой жертвенные кушанья. Наибольший интерес представляет иллюстрационный материал Энгельгардта, на 6-й таблице приложенного к его сочинению атласа. В числе надписей, записанных Энгельгардтом, приводится и та пресловутая надпись, исчезнувшая к 1886 г., но имевшаяся еще в начале 70-х гг., списанная Бакрадзе и послужившая ему основанием для датировки Тхаба Ерды 830 г. н. э. Из матерьялов Энгельгардта явствует, что данные, сообщаемые Бакрадзе Миллеру и приводимые последним на стр. 20 его Археологических экскурсий в Терской области (Материалы по археологии Кавказа, т. I) касательно прежнего расположения надписей на западном фасаде Тхаба Ерды, не верны, так как уже в 1811 г. Энгельгардт регистрирует то самое расположение

¹ Л. с., стр. 238. Это свидетельство осталось неизвестным Алборову, правильно предположившему, что позднее Тхаба Ерды имело отношение к Галиерду (инг. gäljierdæ), о. с., стр. 353. Фантастично толкование инг. tqhobhã ('две тысячи' гесп. 'двух тысяч') с помощью осет. табу, слова, известного в ряде языков Северного Кавказа, в том числе и абхазском, где выражение уэҟабәҟр означает 'благодарю, спасибо' (форма ҟабәҟ известна в обращении к богу осы, золотому Зысхану, аҟә зәшһан); табу, подобно кешене, турецкого происхождения, от корня tap гесп. tab 'поклоняться, чтить' ср. осм. тапү 'почитание', джаг. тапук 'почитание, служба, почтительн. приветствие' тапукчи 'поклонник' (Радлов. Словарь, III, 951); уйгур. тапла 'почитать, оказать почет' (ibid., 954); телеутск. табу 'честь, поклонение, богопочитание' (выражение шаманов) уйгур. табук 'служба', джаг. табук 'служить, почитать', уйгурск. табузак 'молящийся' (ibid., 977). Интересно, что и ингуш. 'оочи' (см. Алборов, о. с., стр. 360 сл.) имеет точное соответствие в абхазск. woouř (Джанашия, Христ. Вост., т. IV, стр. 78—85).

(გერ. მთავარანბეგლუნი, მთავარეპისკოპოსი и т. п.). Если полагаться на чтение Бакрадзе (ლვ მი), можно читать: ღლიღვს მთავარი 'князь Галгая'. Однако, имея ввиду, что надпись помещалась, по Энгельгардту, при изображении ангела, следует, вероятно, читать ႱႱႱ მი 'Михаил архангел'. Как бы то ни было, датировка Тхаба Ерды на основании приведенной надписи невозможна, и тем самым падают и все заключения культурно-исторического порядка, делавшиеся последующими исследователями на основании предлагаемой Бакрадзе даты 830 г. н. э. Решение вопроса переносится в область архитектурного и стилистического анализа памятника, который не может быть предметом достаточно полного обсуждения в данном контексте. Отметим лишь, что всеми исследователями, начиная с Миллера, незамечено самое главное в истории интересующего нас сооружения: ктиторское изображение на рельефе дает первоначальную форму сооружения крестообразного плана, тогда как наличный план — базиличный. Очевидно, Тхаба Ерды проделало существенную эволюцию основных своих форм, примеры чего хорошо известны в истории грузинского церковного зодчества.¹ Тхаба-Ерда интересно нам, как сказано выше, еще в одном отношении: здесь хранилась та рукопись, которая была в 1895 г. куплена Вертеповым² и в 1927 г. прислана в Ленинград Ингушским институтом для исследования.³ Рукопись представляет собою остатки (67 листов, почти истлевших от сырости) писаного уставом (სსმთავრეული) Псалтыря, судя по характеру письма, XI—XII в. Начинаясь псалмом 17-ым (лист 1 г.) рукопись доходит, с перерывами, до псалма 139 (лист 67 v.) Во многих местах видны следы приписок (л. 1 г., 2 г., 3 v., 4 г., 5 г., 7 г., 8 г., 9 г., 10 v., 13 г. и 38 v.), неподдающиеся разбору, ввиду плохой сохранности рукописи; лишь в одном случае можно предположительно читать имя

¹ Так, напр., обстояло дело и в известном Атенском сионе, см. об этом Христианский Восток, т. I (СПб., 1912), стр. 293—294. Разница с Аteni в том, что там первоначальной формой была базилика, впоследствии превращенная в сооружение крестообразного плана.

² Вертепов сообщает (Терский Сборник, т. VI, Владикавказ, 1903, стр. 118) «При посещении Тхаба Ерды еще в 1893 г. я услышал от стариков, что в этом храме было евангелие, которое куда-то исчезло; говорили, что оно не пропало, а хранится у одного из ингушских окрестных селений. Я принялся за розыски, но обладатель священной книги тщательно скрывался. Наконец, в 1895 г. мне удалось добыть небольшой кусок пергамента от этого евангелия, а в 1896 г. я узнал-таки имя обладателя священной книги. За небольшое вознаграждение он уступил мне все сохранившиеся листы. Это оказался Псалтырь, писанный от руки на пергамене древнегрузинским шрифтом.»

³ Передана автору этой статьи акад. Н. Я. Марром для определения.

დავით. Не касаясь здесь особенностей самого текста, отступающего во многих случаях от печатной вульгаты, заметим, что эти последние остатки грузинской письменности в Ингушии завернуты были в кусок кожи с тиснениями, обличающими значительно более позднее (XVI—XVII в.?) происхождение переплета рукописи.

Совершенно естественно, что грузинское культурное влияние на ингушей, при значительности специально церковных форм этого влияния, отразилось особым, отличным от алаано-осетинского воздействия образом на языке.¹ Так, прежде всего, мы находим термины *elgæc* ‘дворец; гостиная; часовня’ (Мальсагов). Из трех указываемых значений первые два, несомненно, вторичны; первоначальное значение слова ‘часовня, храм’. «Все старшие боги чеченцев обязательно имеют храмы или часовни, называемые *эльгыцы*... Эльгыцы походят на каши, имеют вид небольшой каменной избушки с проходными дверями — одне к северу, а другие к востоку (встречается и одна дверь)... Как в Осетии, так и во всей горной полосе Чечни эльгыцы построены, говорят Казбык и Ганыж, во времена Тамары».² Слово — грузинского происхождения (< ქვეყნის ‘церковь’, из греческого), как и *пуц* — ‘белый значек’, хранимый в качестве жертвенного приношения в эльгыце³ (< груз. ბაძი ‘значек’, из армянск.). Грузинского происхождения, как уже многократно отмечалось в литературе,⁴ такие названия как *phægæskæ* ‘пятница’ (< груз. ჰერსხკვეცი), *šoatt* ‘суббота’ (< груз. შაბათი), *khigæ* ‘воскресение, неделя’ (< груз. კვირის), *oršuoṭ* ‘понедельник’ (< груз. ორშაბათი); далее *žharg* ‘крест’ (груз. ჯვარი; слово представлено во многих языках Северного Кавказа), *marxæ* ‘пост, урза’ (< груз. მარტვი ‘христианский пост’!). К этим словам, органически связанным с церковной культурой, шедшей из Грузии, примыкают: *žuožghæt* ‘ад’ (< груз. ჯოჯგხეთი), *khieræm* ‘свеча’ (< груз. კერძავნი, კერქეზნი ‘толстая свеча’, из греч.), *xæ* ‘время’ (< груз. ხსნი), *maršæl* ‘здоровье, благополучие’, в формулах при-

¹ Наличие в ингушском языке грузинского влияния отмечается многократно в литературе, начиная с Klaroth. *Kaukasische Sprachen. Anhang zur Reise etc.*, стр. 145 сл. Большое количество сопоставлений, в большинстве неудачных, грузинских и чеченских слов см. в статье ჯანშვილი. უცხინშვილი ნაშთი, см. выше, стр. 736, прим. 4.

² Далгат. *Первобытная религия чеченцев*, стр. 91—92; ср. Ахриев. *Ингушевские праздники*, стр. 2—3; Вертепов, о. с., стр. 114. По объяснению М. Даскиева, приводимого у Алборова, I. с., стр. 356, значение слова ‘жилище, дом’.

³ Далгат, *ibid.*

⁴ Ср. соображения Лаудаева. *Чеченское племя*, стр. 57—58.

ветствия (< груз. მარჯვა 'успех, удача', ср. გამარჯობა 'здравствуй?'),¹ захәл 'сват, свояк', зоахәлуо 'сватовство' (< груз. ძახელი, მძახელი 'сват'), зәтиә 'дружка свадебный' (< груз. ძმა, собств. 'братец'). В грузинском находят себе объяснение и два интересных слова, из которых одно связано с институтом кровной мести, а другое служит центральным понятием дому-сультманского (дошариатского) судебного устройства ингушей и чеченцев. Из них первое — čhiŋ 'горе, печаль', входит в состав выражении čhiŋ lie-xæg 'мстить, собств. искать (удовлетворения) горя' (< груз. ჭირი 'горе, печаль'): второе — qiel сейчас 'совет, решение, постановление', первоначально 'третейский суд выборных стариков-медиаторов', отсюда qielxuo 'народный судья, старик-медиатор'² из груз. კელი 'рука, сила, власть, правосудие' (ср. хевсурск. კელობა 'сила', კელისანი 'старшина, хевис-бер').

И в области материальной культуры мы имеем характерные документы грузинского культурного влияния; отсутствие таковых представлялось бы непонятным при существовании грузинского строительства. Все исследователи древних сооружений Ингушии и Чечни отмечают, в качестве особенности техники их сооружения, применение извести;³ соответствующее слово, khir, пришло из Грузии (< груз. კირი, ср. арм. կիր 'известь'). Одна из конструктивных деталей военных башен, так наз. машикули, защитный балкончик, носит название čherx, грузинского же происхождения (< груз. диалект. ჭერხ, в хевсурск. ზეთვლი სხლისს, букв. 'верхний глаз дома', 'верхний этаж двухэтажного хевсурского дома'),⁴ ингушск. kuoŋ 'окно' связано, быть может, с груз. ქონი (собств. 'этаж', ქონელი

¹ С грузинским მარჯვა ассоциируются еще ингушск. mǎŋǎ jǎæ 'возглас при джигитовке', вообще 'возглас ободрения', осет. марадз, марадзай 'живо! ну-ка!', марадзә, ја марадзә 'междометие, выражающее воодушевление', черкесск. maŋd (напр. maŋd gəŋč 'эй на помощь!') абхазск. amarda 'ну-ка! пожалуйста!'

² См. Леонтович. Адагы кавказских горцев. Вып. 2. Одесса, 1883. s. v. Келухой-Ср. И. Цискарова. Записки о Тушетии (в сборн. «Кавказ». Тифлис, 1849) стр. 159: «Судьи — хелгой, чинили суд и расправу уголовных и гражданских дел Тушетии, решавшихся по собственному их шарияту — хел, по древним обычаям и постановлениям, получившим силу закона».

³ См. Изв. Ингушск. инст., passim; в частности стр. 288: (при постройке башен) «особенно ценилась помощь, выражавшаяся в подарках больших угловых камней и извести... Известь очень ценилась; часто ее давали вместо калыма, выкупа и пр.». Ср. осетинскую поговорку «кому-нибудь известковое (кiрiн, т. е. прекрасное) строение, а себе плетневую хату». Миллер-Фрейдман. Осетинско-русско-немецкий словарь, s. v. kirin.

⁴ Ср. წელიწდეული ქართული საენათმეცნიერო საზოგადოების I—II (ცვილიანი, 1925) გვ. 321. Об ингушск. čherx Изв. Ингушск. инст., стр. 276—277.

‘потолок’ resp. ქობოლი, рачинск. диалект). В этой же связи стоят: ингушск. čerg(æ) ‘жердь потолочная, палка’ (< груз. ჭერო); хегх ‘пила’ (< груз. ხეხი); ингушск. moargæghæ ‘щипцы’ (< груз. მარწყხი); ингушск. tangæl ‘коса’ (< груз. მანგალი ‘серп’); ингушск. ciel ‘мотыга для кукурузы’ (< груз. ცელი ‘коса?’); ингушск. agæ ‘люлька’ (ср. груз. აკვანი id.); ингушск. bærgæl ‘тренога, путы’ (ср. груз. ბარგილი ‘кандалы, оковы’); ингушск. buogæ ‘глиняная миска для молока’ (ср. груз. ბაკანი ‘деревянная чашка?’); ингушск. khudæl ‘медный кувшин для воды’ (ср. груз. ხევს. კოდი ‘деревянная посуда из целого куска, выдолбленного внутри’; ср. გუდასაკო ‘котел, кастрюля’ и т. п.); ингушск. galij ‘мешок’ (ср. груз. გასლავი ‘чемодан’). Сюда же относится ингушское guotæ ‘полный комплект всего, что нужно для пахоты’ (< груз. გუთანი ‘плуг’).

Терминология животного царства насчитывает также ряд грузинских заимствований. Осел, бывший в эпоху до замирения горной Ингушии «главным транспортным средством... с улучшением дорог вытесненный верховой и вьючной лошастью»,¹ и характерным образом фигурирующий в ряде древних преданий,² именуется viḡ (< груз. ვიგი). Курица наиболее распространенная домашняя птица у ингушей; «из разных видов птицы содержат в большинстве селений только кур».³ Название ел — kuotæm, из груз. ქობო. Ястреб проник к ингушам, вероятно, в качестве охотничьей птицы: ингушск. kōr (< груз. ქობო). Сказочного происхождения ингушское luom ‘лев’ (< груз. ლომი) и ингушское jiešær ‘сказочный змей’ (< груз. ვიშანი).⁴ Ингушск. inkæl ‘верблюд’ связано с арабск. جمل через груз. აქლეპი. Ингушск. cisk ‘кошка’ связывается с груз. ციცა (то же значение). Ингушское basaj goug ‘род лошадей, маленьких, но выносливых’, осмысливается теперь, как ‘цова-тушинская лошадь’ (ср. выше о basaj), между тем, как первоначально это груз. ბანაცხეპი ‘малорослая лошадь-иноходец, пони’.

¹ Христианович, о. с., стр. 42.

² В предании о построении (об основании) Мецхала ослы перевозят строительные материалы (Изв. Инг. института, стр. 43). Осел, привязанный к хвосту быка, везет шелк и золото в Ларс в легенде о Дударове (там же, стр. 205; источником шелка и ситца считалась у ингушей Грузия, ср. Ахриев. Ингуши, стр. 3 и 17, примеч.). Камни, из которых построен Тхаба Ерды, привезены Мухаммедом на осле; на осле же он увез труп убитого брата (Ахриев, о. с., стр. 20) и др.

³ Христианович, о. с., стр. 176.

⁴ Об этом последнем неправильно у Головинского. Сборн. свед. о Терской области, стр. 254: «Веруют также в Гешиб — лесного духа или лешого, схожего с Алмаз, но имеющего еще менее власти вредить людям».

(Чубинов). В ряде случаев связь с грузинской культурой выражена привлечением слова *guržij*, напр. *guržij pux* ('грузинский плуг, усовершенствованный'), *guržij mǎčij* ('грузинские чувяки, сафьянные') и т. п.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают наличный материал для сближения: ср. ингушское *kiegæ* 'рыжий' (< груз. ჭკობა *id.*); ингушское *alæ* 'пламя' (ср. груз. ალა 'пламя');¹ ингушское *chibdæg*, (*chiddæg*, *chuddæg*) 'пиявка' (ср. грузинское წებებელი *id.*); ингушское *soasxuoł* 'пламя, огонь' (< груз. ცეცხელი, собств. 'живой?'); ингушское *küj* 'шапка' (< груз. ჭკობა *id.*); ингушское *пәž* 'дуб' (< груз. ხეხვი 'ель, кедр', ср. осетинское нæзв 'сосна', карачаевскими пæзә 'ель', перс. کاج, и проч.); ингушское *xuoğsæ* 'лихорадка' (< груз. ხეობა 'зноя?'); ингушск. *xuox* 'лук' (< груз. ხახვი *id.*), ингушск. *bægie* 'рот' (ср. груз. ბავი 'уста, рот') и т. д.

Эпоха кабардинского влияния оставила по себе наименьший след. Феодальная знать Кабарды очень импонировала бедным обитателям гор, какими были ингуши до своего выселения на плоскость. До сих пор у ингушей существуют выражения, подобные следующему: *ghäbærtij älä viecie cul özdij khænt vejnæ vas suonæ* 'я не видел молодца воспитаннее его, если бы только не (было) кабардинского князя'. *Ghäbærtie* (кабардинец) понимается в смысле 'интеллигентного, образованного человека'. Однако, в языке сохранилось сравнительно мало следов непосредственного влияния Кабарды. Можно отметить название 'золота', сходное в языках ингушском и кабардинском (ингушск. *došuv*, кабардинск. *dəşe*; ср. название 'серебра', ингушск. *dotuv*, кабардинск. *dəžəp*); ингушск. *xudæg* 'кисель' стоит в связи с черк. *q̇ədæg* 'род кушанья', ингушск. *xäs* 'грядка', *xäsiј bieš* 'огород' — с кабард. *pesen* 'сажать, сеять', (ср. *pađe resp. pađe* 'огород'), ингушск. *tхæmadæ* 'тамада, председатель', благодаря присутствию звука *х* — с кабардинск. *Əhemade* 'глава семейства' (ср. абхазск. *ədaħmada* 'почтенный старик', ср. груз. *თამადა* 'старшинство во время питья вина'). Инг. *quog* 'груша, грушевое дерево' связано, быть может, с кабард. *q̇əz* (то же значение), ингушское *šijlij* 'род материи' — с кабард. *шәле* 'шелк'² (но ср. инг. *šillæ* 'шелковые нитки', связанное с осетинским, балкарским, карачаевским, кумыкским словами того же значения, вплоть до джагаг. *چله* 'шелк, нама-тываемый на средину тетивы, куда вставляется стрела', Будагов) и т. д.

¹ Ср. и тур. *آل* 'красноватый, красный'.

² Ср. еще *شله* казанско-тат. 'грубый красный миткаль', азерб. «бурмет» (Будагов).

Особо следует отметить ингушское *ха́аӕ* 'гость, знакомый, приятель', зависящее от кабардинск. *haʒe* 'гость' (нижне-черкесск. *haʒe id.*).¹

Одновременным по возникновению, но неизмеримо более значительным, можно сказать, решающим в определении современного культурного облика ингушей было влияние восточных соседей ингушей, кумыков северного Дагестана, неспих непосредственно (или посредственно, через Чечвию) исламскую культуру, которой суждено было завоевать ингушей на глазах русского правительства, бессильного противопоставить ей серьезную христианскую пропаганду. История постепенного превращения некогда слегка христианизированных, но к моменту выступления на историческую арену вполне оязычившихся ингушей может быть восстановлена в относительной полноте сравнительно с тем, что нам известно о других горах Северного Кавказа.

Уже с конца XVIII в. Ингушия представляла собою необычную картину полнейшего религиозного хаоса, где воззрения различных эпох и разнообразных религиозных систем причудливо сочетались друг с другом. Деградивавшее за короткий срок² поверхностное христианство столкнулось здесь с мусульманством, древнейший след существования которого находим в сообщении Вахушта о жителях Ангушта: «жители Ангушта похожи на черкесов,

¹ Трубецкой, о. с., считает, повидимому, ингушск. и чеченск *ха́аӕ* независимым от черкесск. словом, возводя и то и другое к иранск. *haħa* (авест. *haħā*, дат. *haʒe*) 'друг'. Замечу, кстати, что приводимое в статье абхазск. *аҧҧа* не значит 'homme riche', а 'хозяин' (хотя бы и бедный; 'богатый' *abèu*). К черкесскому *qʒəʒan* 'protectrice des brebis et des chèvres' следует поставить абх. *аҧацана* (герс. *аҧацана*) 'божество, покровительствующее лошадям'.

² С XVII в., когда, как мы видели, была сделана последняя попытка вернуть известную часть ингушей в христианство, до 40-х гг. XVIII в., когда образовалась Осетинская комиссия, корни которой восходят еще к Петровской эпохе, к деятельности Иоанна Манглисского, прошло не более столетия. Об Иоанне ср. Иером. Нестор, Моздокская епархия и Гаий (Такаов), епископ Моздокский и Маджарский (1793—1799), в прибавлении к Грузинскому духовному вестнику за 1864 г., октябрь, стр. 51 сл., 56—57. В каком положении находилось христианство во второй половине XVII в. в недалекой от ингушей Мтиулии, можно судить по заявлению Романа Цилканского: «В Мтиулии мало было христианства, ни священника, ни паствы, ни крещеных детей у них не имелось, так что были подобны идолопоклонникам. Они не знали правильного крещения, совершенно не знали ни исповедания веры, ни поста, за исключением великого поста» (მთიულეთსა მცირე რამ ქრისტიანობა იყო და არც სუცესი, არც ქრისტიანობა და არც ნათლის ღების უგილობა მათ არ ეწოდება, ისევ კერპის მფავესი იყვნენ. არც მართალი ნათლისღება იცოდნენ, არც მარხვა იცოდნენ, თვინიერ დიდ მარხვის მეტი. Ср. *სახანაუგილო. გუჯრები*, Кутаис 1891, стр. 56—57).

по вере магометане сунниты».¹ Это свидетельство относится, если на него вообще положиться, к той части ингушей, которая выдвинулась к плоскости, и говорит, в лучшем случае, об известной, обусловленной временными обстоятельствами культурно-политической ориентации Ангушта, а не о действительной принадлежности к мусульманству. Такое понимание слов Вахушта вынуждается последующими данными наших источников. Бывший (с 4 по 7 марта 1770 г.) на Камбилеевке, в районе Ангушта, Гюльденштедт характеризует религиозное состояние ингушей в следующих словах:² «Их религия чрезвычайпо проста, но имеет ясные следы христианства. Они верят в одного бога, которого они называют *dalæ* (*Dajle*), но не признают никаких святых или замечательных в религиозном отношении личностей. Воскресенье празднуют они не богослужением, а отдыхом от работы. Весной они имеют большой, а летом меньший период поста. Ни при рождении, ни при смерти людей они не соблюдают особых обычаев. Они позволяют себе многоженство и едят свинину. У них употребителен, однако, один род жертвоприношения; а именно, они заставляют в известных случаях специально для этого выбранного человека резать овец. Этот человек, называемый ими *chæjsæg* (*Zaninstag*), т. е. чистый человек, и являющийся, по видимому, чем то вроде жреца, должен быть неженатым и живет при одной старой каменной церкви, лежащей будто бы глубоко в горах, имеющей каменные статуи и надписи, а в некоей нише много книг, к которым, однако, никто не смеет приблизиться».³ Единственным намеком на некоторое влияние мусульманства приходится признать, по данным Гюльденштедта, существование у ингушей (кистин) имен, подобно Али, Мухаммед (*Mahamet*), Фатьма (*Ratuma*) и т. п.⁴ Через 11 лет ингушей и галгаевцев

¹ Wakhoucht, ed. Brosset, p. 456—457: «*ხოლო ანგუსტის მოსახლენი არიან მგზავსნი ჩუქუწობა, რჯულისი მოჰმადონნი, სუნიი*». Сведение датируется временем до 1724 г. (ср. выше, стр. 686). Формулировка Вахушта может дать повод к предположению черкесского посредничества в пропаганде ислама среди жителей Ангушта. Все прочие данные говорят, однако, недвусмысленно о Чечне и Дагестане, как главном источнике распространения мусульманства среди ингушей.

² См. *Güldenstädt. Reisen etc.*, I, стр. 150—151; то же, почти в тех же выражениях, повторено на стр. 479—480.

³ Приведенные сведения Гюльденштедта многократно цитировались и комментировались в позднейшей литературе (*Pallas*, *Klaproth*, *Броневский*, *Изв. о Кавказе*, т. II стр. 161—163, и т. д.).

⁴ *Güldenstädt*, I, с., стр. 478. Ср. приведенные стр. 709, прим. 2. слова Поточкого. В газете «Кавказ» за 1846 г. (№ 18—21, 23) помещен рассказ польского беллетриста Владислава

посетил Штедер, дополняющий во многом Гюльденштедта. «Они (scil. ингуши Галгая) разводят свиней, коз, овец, ослов, мулов и немного лошадей и крупного рогатого скота».¹ «Они чтут единого бога, творца и хранителя, приносят ему в жертву животных и другие мелочи; они совершают ежегодные всеобщие паломничества к священным местам, где большею частью находятся остатки христианских церквей, построенные некогда царицей Тамарой повсюду в горах. Старый, непорочный человек один имеет привилегию совершать жертвоприношение и молитвы у святилищ. Подобное торжество ознаменовывается всеобщим пиршеством-поеданием жертвенных животных. От христианства у них не сохранилось ничего, за исключением хорошего расположения (*die gute Zuneigung*) к нему и презрения к магометанской религии. Живущие ближе к равнине позволяют себя крестить, лишь досюда (sc. Галгая) еще не доходили миссионеры, так как одна сторона (ингуши) не требует этого серьезно, а другая сторона (миссионеры) об этом не заботятся».² Об Ангуште Штедер сообщает: «Они позволяют себя крестить и постятся весь великий пост; это все, что они знают о христианстве... Вследствие угона лошадей, миссионеры Осетинской комиссии уже несколько лет, как не посещают эти местности; но я заметил, что ингуши считают это за наказание не столько для себя, сколько для миссионеров».³ Итак, Штедер вполне согласуется с Гюльденштедтом: «мусульманство» Ангушта (известное нам по сообщению Вахушта) не оставило по себе, если оно и было, никаких следов. Лишь в отношении соседей ингушей, карабулаков, замечаются более явственные признаки возрастающего восточного влияния. «Они имеют кое-какие немногие проявления естественной религии (*etwas wenigens von natürlicher Religion*), почитают высшее существо, верят в загробное существование (*glauben eine Zukunft*), и проявляют, по старой традиции, много склонности к христианской религии. Украшение могильных памятников, по мусульманскому способу, деревянными тюрба-

Стрельницкого (о нем «Кавказ», 1846, № 43) «Два узденя». Фабула заимствована из жизни ингушей и карабулаков середины XVIII в. Здесь дается в фантастических чертах картина борьбы умирающего христианства с язычеством и исламом. Рассказ изобилует, несмотря на попытки историзирования, делаемые автором, всяческими преувеличениями и нелепостями. Одна из глав озаглавлена Цанистаг, как называли, по словам автора, якобы «по-грузински» — туземцы — отшельника-христианина; так-то нашло себе отражение в художественной литературе известие Гюльденштедта.

¹ Steder, l. c., стр. 36.

² Steder, *ibid.*, стр. 38.

³ *Ibid.*, стр. 43.

нами и вертикально поставленными шестами с флагами, позаимствовало ими, как кажется, от обычаев их соседей (scil. чеченцев)».¹

В марте месяце 1785 г., ислам переходит в наступление: в Чечне выступает с призывом к борьбе с неверными Ушурма, более известный в литературе того времени как Шейх Мансур.² Одной из задач его движения было обращение «неверных» язычников-ингушей.³ Какое представление об ингушах имели еще в 1797 г., спустя 12 лет после выступления Мансура, их мусульманские соседи — чеченцы, показывают сведения, собранные Потоцким от чеченца Уруса 26—28 октября этого года. По словам Уруса, ингуши и карабулаки, одноязычные с чеченцами, в религиозном отношении отличались от них: они обожествляли скалы (*des rochers*). «Они называют свои священные скалы *jierdæ* (*Jerda*) и они совершают им богатые жертвоприношения, специально при погребении. В этих случаях, родственники умершего требуют баранов у тех, кто их имеет, и никто не отказывает. Их предлагают умершему, находящемуся в своем доме, хорошо усаженному и одетому, и держащему в руках трубку (*tenant une pipe à la main*). Покойник всегда принимает (пожертвование); затем у него спрашивают, что нужно сделать с таким количеством баранов, и так как он не отвечает, их убивают и съедают сообща. Однако у них нет ни жрецов, ни приносителей жертвы. Ингуши имеют также маленьких идолов из серебра, не имеющих определенной формы. Их называют *chuv* (*Tsououm*) и к ним обращаются с просьбами о дожде, детях и прочих благах неба».⁴ «Религия ингушей была некогда тождественной с религией всех мизджегов, и сейчас у чеченцев имеются *jierdæ*, или скалы, которые они

¹ *Ibid.*, стр. 18.

² О нем Терещенко, Сын Отечества, 1856 г., № 15—16 (статья написана на основании «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре», составленного П. Г. Бутковым в 1806 г., на что есть указание у самого Терещенко. Ср. Бутков, о. с. т. III, стр. 188).

³ Из рапорта Астраханского губернатора Жукова генералу Потемкину, от 26 марта 1785 г.: «После того оный шейх (с. Мансур) говорил, что как скоро выедет со двора, то в то же самое время соберется к нему великое число войска, с коим и поедет он к ингушам для приведения их в закон магометанский». Следует, впрочем, отметить, что некоторое участие самих ингушей в предприятиях Мансура явствует из рапорта того же губернатора, от 2 сентября т. г. После поражения Мансура под Кизляром в августе 1785 г., «владельцы и старшины Андреевские, Аксаевские и Ингушевские, узнавши о поражении шейха, бывшим с ним подвластным своим определили жестокое наказание, а шейху запретили, чтоб отнюдь впредь к ним не ездил» (Акты, т. II, стр. 1114 и 1116).

⁴ Потоцкий, I. с., стр. 124—125. Сведения представляются тенденциозными преувеличениями прозелита. Абсолютно неверно приводимое ниже сведение о проклинании *Daiaë*.

прежде чтили, и культ которых они покинули ради магометанства. Однако, чеченцы не называют бога Аллахом, но Dalæ (Daа ou Daal), и это имя, пришедшее к ним не от магометанства, не кажется происшедшим и от древней религии, так как ингуши, сохранившие ее, не только не признают Dalæ, но проклинаят его и не верят ни во что, кроме своих скал и идолов». Сообщив далее ряд чисто языческих обрядов, совершаемых ингушами по разным случаям жизни,¹ Потоцкий продолжает, со слов Уруса: «Два брата из этого народа, будучи проданы в Турцию, приняли ислам, побывали в Мекке, и, наконец, став свободными, не знаю при каких обстоятельствах, вернулись на свою родину. Их мать была еще жива и им не стоило труда обратить ее в религию Мухаммеда. Затем, движимые священным рвением, они восстали открыто против культа скал. Ингуши собрались и сказали им: «Вы учите нас закону, которому научились в бытность свою рабами. Мы его не желаем. Уйдите из нашей страны, и не возвращайтесь никогда». Оба брата отправились на жительство к чеченцам, где они и живут еще».² Из только что приведенного следует, что и после начала активной пропаганды ислама в родственной ингушам Чечне они оставались в массе приверженными старому язычеству, хотя некоторые и приняли втайне новую веру. С язычеством, а не деградировавшим, не взирая на все усилия русского правительства, христианством³ и пришлось выдержать новому учению главную борьбу, затянувшуюся на период свыше 100 лет. О тяготении ингушей к мусульманству говорит впервые в 1793 г. Pallas.⁴ Обуслов-

¹ Попутно отмечено, что «некоторые ингуши — скрытые мусульмане» (les Ingouch sont encore attachés à leur religion, bien que quelques uns soient musulmans en secret), *ibid.*, стр. 127. Интересно приводимое тут же воззрение ингушей на письменность, как на чудо, совершаемое христианством и мусульманством в пользу своих приверженцев. Песня, сохранившаяся у чеченцев, о религиозных битвах между ними и ингушами, приводится в пересказе у Лаудаева, о. с., стр. 59. Там же, стр. 38, анекдот, связанный с обращением назрановцев в мусульманство: новообращенный советует своему товарищу ограничить свои обязательства по отношению к новой религии постом.

² *Ibid.*, стр. 127—128.

³ В 1799 г. в горах был убит свящ. Стефан Гаврилов, посланный к ингушам в 1798 г. «для евангельской проповеди». См. цит. выше, стр. 742 прим. 2, статью Нестора. Моздокская епархия и пр., Прибавление к Груз. духовн. вестн. за 1865 г., август, стр. 25. О положении дел в горной Ингушии (у кистов) в «донесении Цилканского архиепископа Иоанна католикосу Антонию, на высочайшее имя г. и. Павла I», от 1 марта 1800 г., читаем: «Направо от Хеви живут кисты, состоящие из многих племен; все они язычники. Если же кто из них переселяется в Хеви, то делается христианином. Много живет их в Гвелети — хевском селении, близ Чими» (Акты, I, стр. 534).

⁴ Pallas, о. с., т. I, стр. 417, ср. стр. 361. Не поддаются точному хронологическому приурочению данные Рейнерга: «Seit etlichen Jahrhunderten ist unter ihnen (d. h. den Kisti

ленность этого тяготения исключительно экономическими и политическими интересами назрановских и сунженских ингушей, попавших, с выходом на плоскость, в сферу сильного воздействия соседей с востока (карабулаки, чеченцы) и с запада (кабардинцы), явствует из событий начала XIX в. О массовом открытом переходе плоскостных ингушей в мусульманство мы узнаем впервые в 1809 г. В рапорте владикавказского коменданта Ивелича ген. Тормасову, от 28 июля 1809 г., сообщается: «Ныне обращают (ср. андреевские и кабардинские муллы) весь ингушевский народ к басурманской вере с обрезанием, кои по безумию своему из принуждения принимают ныне мулл и делают угождения чеченцам и стали строить мечети около р. Сунжи».¹ О том же сообщает 13 июня 1810 г. преемник Ивелича, Дельпоццо, ген. Булгакову: «войдя в теснейший союз с кабардинцами и чеченцами, (ингуши) переселились все на место именуемое Назран, в расстоянии отселе (ср. Владикавказа) за 32 версты, приняв от них мулл, построили мечети, приступили к исповеданию мухаммеданского закона, и обязались как чеченцам так и кабардинцам по условию платить подати».² Энергичное вмешательство русских властей приостановило на время внешние успехи исламизации: в упомянутом выше договоре 1810 г. имелся, в числе других, пункт 11-й, гласивший: «Со времени заключения

und Inqusch) das Christenthum wieder in Verfall gerathen. Viele dieser Bergbewohner wurden Muhammedaner; da aber der Gross-Sultan die jährlichen Bekehrungs-Gelder zu senden unterliess, so hörte auch die Bekehrung auf, und das so reizende Paradies hatte für diese Menschen weniger Anziehendes, als da sie ihre Vorhaut um zehn Piaster verkauften, und dennoch der alten Unwissenheit treu blieben» (Reineggs, l. c., т. I, стр. 44). Упадок и мусульманства среди ингушей в 80-ых гг. XVIII в. очевиден из другого замечания того же автора: «Sie (d. h. die Oisungur, кумыцкое племя) haben auch aus Glaubenseifer einen unversöhnlichen Hass gegen die unwissenden Inqusch; und machen oft Jagd auf sie, weil sie die Lehre Muhammeds nicht beibehalten haben, sondern sich lieber, obgleich nur damals, zum Christenthume bekehrten, als man ihnen ausser einem messingenen Kreuze und einem Hemde auch einen Rubel zu geben pflegte» (ibid., стр. 48—49).

¹ Акты, т. IV, стр. 891; дополнительно, от 9 июня 1810 г., Ивелич сообщает лишь об одной мечети, «куда ингуши ходили учиться вере», l. c., стр. 897.

² Акты, т. IV, стр. 894. Заслуживает внимания хронологическое совпадение этих событий с другим крупным фактом истории мусульманства на Кавказе: к 1809 г. относится принятие «тариката» накшбандийского толка Мухаммедом Эфенди Ярагларским (сел. Яраглар в южном Дагестане, Кюринского округа), духовным отцом и наставником первого Дагестанского имама, Кази Муллы, и учителя Шамиля, Джамал эддина Казикумухского. Ср. об этом Терские областн. ведом. за 1892 г. № 52 (статья Вертепова. Судьба религиозно-политических учений в Чечне) и «Учение о тарикате», Сборн. свед. о кавк. горах, вып. II, стр. 3 и 9 (изложенную здесь накшбандийскую «цепь» традиции ср. с приведенной у Brown-Rose. The darvishes. Oxford, 1927, p. 441—445).

нами сего обязательства и на вечные времена, мы и потомство наше обязуемся: к проповедыванию и введению у нас магометанского закона эфендиев, муллов и прочих особ духовных магометанских отнюдь не принимать, не допускать и мечетей не строить и пр.». Это не означало, с точки зрения ингушей, согласия на обращение в христианство: они испрашивали и получали курьезные разрешения на то, чтобы «пребывать в идолопоклонстве».¹ Административный нажим русских властей возымел то лишь последствие, что к прочим мотивам, содействовавшим переходу в мусульманство, присоединился новый и очень значительный: инстинкт национального самосохранения. Какими методами действовали пропагандисты ислама, показывает поучительная биография Дударуко Дударова, тагаурского (осетинского) старшины, который в своей среде «настоя христианский закон от народа, живущего по ущельям, отвергнуть, с тем, если кто у них содержит магометанскую веру, тому дают преимущество и считают наравне с старшинами, а тех, которые содержат христианскую веру, считают их подданными».² Доходило до того, что из желания дискредитировать своих соперников (в экономическом отношении) мусульмане понуждали их принимать крещение: так было, напр., в 1834 г., когда, по заявлению самих «потерпевших», окрещено было в Назрани более 300 ч. «по принуждению священников, назрановских мухаммеданских старшин (курсив наш) и пристава сотника Гайтова».³

Движение Кази-Муллы и следовавшего за ним Шамиля завершило процесс внешней исламизации ингушей. В 1862 г. мусульманство ликвидировало формальную принадлежность к христианству гвелетцев.⁴ Пишущий

¹ Ср. Акты тт. VI и сл., с. в. ингуши, *passim*. Не взирая на акт 1810 г., в 1811 г. Энгельгардт мог видеть у ингушей Тарской долины то же, что Штедер видел за 30 лет раньше лишь у карабулаков: «größere Säulen als diese, von Holz oder Stein, und am obern Ende mit einem ausgehauenen türkischen Bunde oder einem Knopf geziert, stehen auch in der Steppe am Kumbelci» (I. с., стр. 229). Ср. выше, стр. 744—5.

² Из рапорта Ивелича от 13 мая 1807 г. Акты, т. III, стр. 215. Дударов действовал, якобы, по наущению Кабарды. Известно, что Ахмед Дударов «сделавшись со времени лжепророка Ушурмы ревностнейшим магометанином», своими нападениями на Военногрузинской дороге вызвал в 1802 г. репрессивную экспедицию русских войск, во главе которых стоял будущий член Академии Наук в Петербурге П. Г. Бутков; Ахмеду помогли горные ингуши, «Жарахи» (ср. Джераховцы). Ср. Бутков, о. с., т. II, стр. 524 и примеч. 3.

³ Акты, т. VIII, стр. 704.

⁴ Об обращении в мусульманство кистин (митхоевцев?) у Цискарова, Записки о Тушетии, стр. 47, рассказывается: «Мы также были христиане, сказал мне один столетний старик, кистин, — и молились там, — он указал на пригорке церковь, только что начавшую разрушаться от времени. — Но когда усилились персияне и завладели нашими горами,

об этом А. Висковатов с крайним удивлением убедился, что «дело обращения христиан в мусульманство совершается теперь, в настоящую минуту, ежедневно, так сказать под нашими глазами, весьма таинственным, но успешным образом».¹ Он отмечает, что: «1) старики гвелетцы соблюдают до сих пор семинедельный пост, и, как говорят, даже христианские праздники; 2) мусульманские имена встречаются только у молодежи и то не часто, у стариков же их вовсе нет; 3) между гвелетцами некоторые, не далее двух лет тому назад, считались крещеными, теперь же все поголовно мусульмане; 4) монастырь на Казбеке и развалины церкви находятся у гвелетцев в большом уважении; с приближением к заоблачной обители они почтительно снимают свои папахи».² Через 21 год Н. Харузин, характеризуя религиозные воззрения чеченцев и ингушей, пишет: «Мусульманство действительно вытеснило многие обряды, жившие прежде среди чеченцев и ингушей... Но и теперь еще в мыслях чеченцев и ингушей живы многие чисто языческие верования, жива своя мифология, которая ведет к различным обрядам. Христианство тоже не осталось без следа в их верованиях».³ Приведя различные примеры языческих и христианских переживаний в современном быту ингушей, Харузин заключает свою характеристику следующими словами: «С каждым годом это влияние (мусульманства) усиливается: многие обряды, некогда священные, теперь возбуждают смех у молодежи, так что истинных мусульман, пожалуй, легче встретить между молодым поколением, чем среди стариков».⁴ Упорство, с каким главным образом язычество отстаивало свои позиции, видно по следующим фактам: в 1873 г. Базоркин (автор статьи «Горское паломничество»)⁵

тогда, я помню, по нашим аулам на ослицах разъезжали муллы и держа нас, ребят, за руки, учили мусульманству, которое мы доныне исповедуем». Так как статья Цискарова написана в 1848 г., первое распространение мусульманства в кистинских горах пришлось бы отнести еще к первой половине XVIII в. Вероятно здесь речь не о собственно кистинах в смысле указаний Вахушта, а жителей долины Шаро-Аргуна.

¹ Русский Вестник, 1865, декабрь, стр. 419. О Гвелети ср. выше, стр. 746, прим. 3.

² Ibid. К 1874 г., когда писал Грабовский, между ингушами можно было встретить всего лишь двух-трех человек, исповедующих православную веру; «но и эти люди, по весьма понятной причине, не особенно стараются о том, чтобы знали о их религии, которую они приняли под влиянием каких-либо особенных, исключительных обстоятельств», о. с., стр. 28.

³ Н. Харузин. По горам северного Кавказа. Вестник Европы, 1888 г., октябрь, стр. 516.

⁴ О. с., стр. 519. В 1892 г. Б. Далгат утверждает, что «в глубине гор у ингушей до наших дней сохранились остатки прочих религий, а старое поколение скорее язычники». Первобытная религия чеченцев, стр. 53.

⁵ В Сборн. свед. о кавк. горцах, вып. VIII.

описывает еще как очевидец, празднование в честь языческого бога Мятцели; этот праздник справлялся ежегодно и по позднему сведению 1892 г.¹ Лишь в конце 70-х гг. был забыт культ Маго (в Хамхинском обществе).² В 1898 г. Тхаба Ерды почиталось за святыню.³ В конце XIX в. справлялся и праздник в честь богини Тушол.⁴ Жертвоприношения Гальерду прекратились в начале XX в.⁵ По сообщению Мартиросяна, в 1925 г. «когда в горах стояла засуха, жители отправились к (языческому) священному месту на Столовой горе, совершили молитву и принесли жертву». ⁶ В горах живы еще многие представители языческой жреческой корпорации, дававшие интересные сведения авторам новейших работ о религиозных воззрениях ингушей в языческий период (Далгат, сотрудники Ингушского научно-исследовательского института). В результате длительного сосуществования разных религиозных систем, возникали характерные явления религиозного синкретизма. Не исчерпывая имеющийся в литературе материал, можно указать, напр., на такие факты, как сочетание Мятцели с архангелом Гавриилом, с одной стороны, с Аллахом — с другой;⁷ Тхаба-ерды представляется построенным на коране, оставленном Мухаммедом по случаю смерти его брата от руки христианина,⁸ в погребальных обрядах переплетаются пережитки языческого церемониала с оплакиванием умершего и предписания мусульманской религии (положение умершего головой на юг, и т. п.);⁹ жрец Мятцели обращается лицом к юго-востоку (в сторону Мекки);¹⁰ воскресный день почитается почти наравне с пятницей и признается за праздник воскресения Христа;¹¹ и пр.

Победа, одержанная мусульманской культурой, документирована фактами ингушского словаря: количество заимствований, возникавших на почве культурного влияния кумыков (неспих, помимо своих собственных,

¹ Далгат, о. с., стр. 42; автор принимал участие в празднике летом 1891 г.

² Изв. Ингушск. инст., стр. 353.

³ Вертепов, Терск. сборн., VI, стр. 119.

⁴ Изв. Ингушск. инст., стр. 368.

⁵ Ibid., стр. 351. Вообще языческие празднества стали редки лишь за последние 30 лет; *ibid.*, стр. 209, ср. стр. 195.

⁶ Ibid., стр. 63, ср. стр. 212.

⁷ Базоркин, о. с., стр. 5, 7 и 10.

⁸ Ахриев. Ингуши, стр. 20.

⁹ Ахриев, в приложении к ст. Грабовского. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа. Сборн. свед. о кавк. горцах, вып. III, стр. 28—32.

¹⁰ Далгат, о. с., стр. 108.

¹¹ Грабовский. Ингуши, стр. 25.

слова арабского и персидского происхождения)¹ превышает наглядно все заимствования из других источников.

К кругу понятий, связанных специально с религией, относятся такие слова, как инг. busulbæ 'мусульманский', busulbal 'мусульманство' (< араб. مسلم); инг. diŋ 'вера, религия' (< араб. دين); инг. duhæ 'молитва' (< араб. دعاء); инг. furlhæl 'гурия' (< араб. حور العين); инг. ghoazuot 'война против неверных' (< араб. غزوات, ср. инг. ghäzæ dæŋ 'вести войну'); инг. ghurbæ 'праздник Курбан' (< араб. قربان 'жертвоприношение'); инг. göavæŋ 'нечестивый, неверующий' (из тур. < араб. كافر; ср. инг. kufr id.); инг. imam 'имам' (< араб. امام); инг. iman 'благочестие, кротость' (< араб. ايمان 'вера'; ср. инг. imæ dylæ 'стать мусульманином'); инг. jäsiŋ 'предсмертная молитва' (< араб. يس, название 36 суры); инг. jilbæz 'чорт' (< араб. ابليس); инг. lamæz (< перс. نمان); инг. hoazæl 'смерть' (< араб. اجل); инг. læxtæ 'могила' (< араб. لحد); инг. tuobæ 'союз, заключаемый с шейхом' (< араб. توبة 'покаяние, раскаяние'); инг. rapæ 'бранный; скотина' (< араб. فان; ср. инг. fanæ id.); инг. häsä 'нерадивый в религиозном отношении' (< араб. عاص 'ослушивающийся, сопротивляющийся'); инг. abæ 'верхнее платье мулл и хаджи' (< араб. عبا); инг. ælæm 'надмогильный шест с флагом' (< араб. علم 'путевой знак, флаг'); инг. tæhæzæŋ 'наказание' (< араб. تعزير); инг. mælejk 'ангел' (< араб. ملك); инг. hælämæt 'чудо' (< араб. علامة 'знак', в турецком словоупотреблении и 'чудо'; ср. инг. hælämætæ 'очень, чрезвычайно'); инг. hazæŋ 'лишение, страдание' (< араб. عذاب); инг. hasæ 'посох, палка (напр. почетных лиц, мулл и т. п.)' (< араб. عصا); täziet 'трехдневный траур после смерти кого-либо' (< араб. تعزیه 'утешение'); tovgæt 'библия' (< араб. توراة); инг. qhurhan 'коран' (< араб. قرآن); инг. mäl 'благодать' (< араб. مال 'цель, сущность'); инг. bieŋækæt 'изобилие, благоденствие' (араб. بركت); инг. bæŋkæl 'благодарность' (< араб. بارك الله 'бог благословил'); инг. äsæl 'кроткий, мягкий' (< араб. اصل 'корень, основание', через кумык. asæl 'происхождение > благородный, образованный?'); инг. mäždig 'мечеть' (< араб. مسجد ср. инг. märzig id.); инг. melhæ 'чер-

¹ Слова арабские и персидские могли попадать к ингушам и иными путями; выделение фактов непосредственного (из книг) или посредственного (через Чечню и Кумыкию) влияния в частности арабского языка, в большинстве случаев вполне возможное, в дальнейшем изложении последовательно не проводится, как деталь, не меняющая положения дела по существу. Относительно политической зависимости ингушей от кумыков нам известно очень мало. Неясны, в частности, ближайшие основания претензии, заявленной в 1784 г. шамхалом, на подати от ингушей. См. Бутков, о. с., т. II, стр. 134.

товка' (< араб. ملعون 'проклятый'); инг. mīmæŋ 'минарет' (< араб. منبر); инг. muolla 'мулла' (< араб. مولى); инг. movlæd 'праздник рождения Мухаммеда' (< араб. مولد; ср. инг. movlæ id.); инг. пæрхæ, пæрæх 'милостыня обучающимся ученикам мулл' (< араб. نفقه); инг. saghæ 'милостыня' (< араб. صدقه); инг. mird 'мюрид' (< араб. مرید; ср. инг. mirdæł 'мюридизм'); инг. muthæhalæm 'ученик муллы' (< араб. متعلم); инг. muna-ræŋq' безбожник, отступник' (< араб. منافق 'ханжа'); инг. ŋuqh 'экстаз, исступление' (< араб. شوق 'страсть'); инг. zikir 'религиозное радение, с пляской и пением' (< араб. ذكر; ср. инг. zikirie lovzæŋ 'совершать зикр');¹ инг. qhiemæł 'судный день; крупное происшествие' (< араб. قيامه 'воскресение мертвых'); инг. mæsxæłæł 'примирение' (< араб. مصالحة; ср. инг. mæslæłæł, myslæłæł id.); инг. miskæ 'бедный, жалкий' (> араб. مسكين); инг. mukhærluo 'признание' (< араб. مقرر); инг. muthæx 'преданный, приверженный' (< араб. مطيع); инг. пæhæł 'проклятие' (< араб. لعنه); инг. пæzтæ 'песнь духовного содержания' (< араб. نظم); инг. пæzbæ id.); инг. рæŋz 'обязанность, долг (религ.)' (< араб. فرض); инг. zieræł 'паломничество' (< араб. زياره); инг. žin 'нечистый дух' (< араб. جن); инг. šejthæ 'чорт' (< араб. شیطان); инг. реjхæтæŋ 'пророк' (< перс. پیغامبر); инг. ielcæ 'посланник (sc. божий), посол' (< кумык. elc̄i); инг. piŋhov 'Фараон' (< араб. فرعون); инг. pitæm 'лукавство, интрига' (< араб. فتن); инг. suv-gæł 'сура корана' (< араб. سورة); инг. qhädæ 'судья, кадий' (< араб. قاض); инг. qhie 'бедный, неимущий' (< араб. قين 'раб', ср. еще кумык. kəjəŋ 'тяжелый, плохой'); инг. væhæd 'завет, обет' (< араб. وعد); инг. væsiet 'завещание' (< араб. وصية; ср. инг. væskiet id.); инг. umut 'народ, партия' (< араб. امة); инг. xagæm 'греховный, непотребный' (< араб. حرم); инг. guzbæ 'праздничный намаз' (< араб. رضوان 'милость, благоволение?'); инг. xæžæ 'хаджи' (< араб. حاج); инг. хагс 'ложный, неправильный' (< араб. خرس 'ложь'); инг. ustaz 'святой, покровитель' (< араб. استاذ 'учитель, наставник'); инг. xielæm 'плата за увечье' (< араб. حل 'освобождение от клятвы, состояние дозволенности и пр.?'); инг. sumut 'обрезание, обрезанный' (< араб. سنة 'обычай, постановление, сунна'); инг. suvræ 'набожный,

¹ Громадная роль зикра в жизни мусульман Ингуши и Чечни хорошо известна. Имеющиеся в печати материалы по этому вопросу скудны и недостаточны; см. Ипполитов. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе. Сборн. свед. о Кавк. горцах. Тифлис, 1869, вып. 2; ср. вышеупомянутую, стр. 747, прим. 2, статью Вертепова; Пантюхов, Изв. КОРГО, XIII, 126—7, и Борусевич, Этн. Обзор. 1893, 3.

благочестивый' (< араб. *صوفي*); инг. *šæghat* 'шариат' (< араб. *شريعة*); инг. *šiek* 'сомнение' (< араб. *شك*); инг. *xužærie* 'арабская духовная школа' (> араб. *حجر*); инг. *syłxæ* 'четки' (< араб. *سبحه*); инг. *zaxæ* 'время, эпоха' (< араб. *زمان*); инг. *sælæt* 'призыв к молитве' (< араб. *صلات*); инг. *sæqæt* 'порок, недостаток' (< араб. *سقاط* 'ошибка, проступок', ср. осет. *саqат* 'порок, недостаток'); инг. *sælæm* 'приветствие' (< араб. *سلام* 'мир'); инг. *qhulbæ* 'юг, компас' (< араб. *قبلة* 'сторона, в которую обращаются лицом при молитве'); инг. *qhubbæ* 'мавзолей (надгробный)' (< араб. *قبة*); инг. *xætæg*, 'несчастный случай, убыток, вред' (< араб. *خطر* 'опасность'); инг. *xejгæ* 'добро, благо' (< араб. *خير*); инг. *dæžyl* 'антихрист' (< араб. *دجال* 'лгун, обманщик'), и т. д.

Слова, своим существованием в ингушском языке обязанные мусульманскому вероучению, связанные непосредственно с религией, трудно, конечно, отделить от понятий, хотя и не имеющих непосредственного отношения к культу, тем не менее не отделимых от арабско-мусульманской культурной стихии.¹ Так напр., вся терминология искусства письма образует сплоченную группу, связанную с арабской письменностью, но в значительной мере трансформированную кумыцким посредничеством. Факты таковы: инг. *jaz dæg* 'писать', *joazuv* 'письмо, грамота', *joazuončæ* 'писарь' (< кумык. *jazmak* 'писать', *jazu* 'письмо', *jazučü* 'писец'); инг. *ælæp* 'буква' (< кум. *аләр*, из араб. *الف* 'первая буква алфавита'); инг. *tägæx* resp. *tärg hæ* 'число, дата; надпись надмогильная' (< араб. *تاريخ*); инг. *lughæt* 'словарь' (< араб. *لغة*); инг. *kælam* 'слово, предложение, фраза' (< араб. *كلام*); инг. *kitab* 'книга' (< араб. *كتاب*); инг. *dæгс* 'урок; чтение из Корана' (< араб. *درس*); инг. *hilmæ* 'наука' (< араб. *علم*); инг. *mæsæl* 'пример' (< араб. *مثل*); инг. *mæhæp* 'смысл, значение, суть' (< араб. *معنى*); инг. *xatthæ* 'почерк' (< араб. *خط*); инг. *xægæk* 'значек диакритический' (< араб. *حركة*); инг. *xisab* 'счет, арифметика, математика' (< араб. *حساب*; ср. инг. *xisæp* 'размышление, способ, прием, метод'); инг. *šäq hæ* 'чернила' (< кум. *šaka*); инг. *syžhæ* 'рифма' (< араб. *سجع*); инг. *surt* 'картина, изображение' (< араб. *صورة*); инг. *sovt* 'звук' (< араб. *صوت*); инг. *sarğ* 'спряжение' (< араб. *صرف*); ин. *gæfhæ* 'кавычки' (< араб. *رفع*); инг. *zarğbæ* 'печать' (< араб. *ضرب* 'биение, удар', ср. инг. *zarğbæ töxa joazuv* 'печатная книга');

¹ Самое название арабов, инг. *hağærij*, своим начальным *h* (= *ع*) указывает на книжный источник заимствования.

инг. zæth 'запятая' (< араб. ضم 'скрепа'); инг. mižælt 'перенлет' (< араб. مجل); инг. miqhædmæt 'предисловие' (< араб. مقدمة); инг. qhoalæth 'карандаш, ручка' (< араб. قلم); инг. qhætmäl 'речь, беседа' (< араб. مقال); инг. žuz 'учебник (преимущ. арабского языка)' (< араб. جزء 'часть (Корана)' тетрадь, учебник') и т. д.

Арабизмы разного рода проникают в речь в связи с изменением, под влиянием мусульманской культуры, самого способа выражения мыслей и чувств. Такие слова, как инг. ʒæthæ 'вещь, предмет, дело; что-либо, нечто неопределенное' (< араб. هن 'предмет, вещь, нечто?'), инг. æthmæ 'но (союз)' (< араб. أما), инг. ʒätæ, 'как же, потом, следовательно' (< араб. حتى 'так что, даже'), с одной стороны, инг. ædæth 'человек (вообще)' (< араб. ادم), инг. dunie 'мир, вселенная' (< араб. دنيا), инг. hädæl 'обычай, обыкновение' (< араб. عدل 'справедливость, правосудие'), инг. roal-xæth 'опыт' (< араб. فلاح, ср. арабско-перс. فلاحان 'земледелие'), инг. xur-mæt 'уважение' (< араб. حرمة); инг. xæmsægæ 'нежный' (< араб. خنثى 'гермафродит'), инг. raighæt 'спокойный, благополучный, удобный' (< араб. فراغة 'свобода, незанятость, досуг'), инг. xäqhæl 'разум, ум' (< араб. عقل), xæšt 'необходимость, нужда' (< араб. حاجة), инг. xæqæštæ 'опытный, привычный' (< араб. حق 'истина, право, должное, и т. д. '), инг. xæl 'состояние, положение, самочувствие' (< араб. حال), инг. ghalæt 'ошибка, провинность' (< араб. غلط), инг. ghejbæt 'клевета' (< араб. غيبة), инг. æthæg 'приказ, завет, заповедь' (< араб. امر), инг. balæ 'горе, забота, неудача' (< араб. بلا), инг. derijdæg 'сознание, признание' (< араб. ادراك 'познание, сознание?'), инг. dov 'вражда' (< араб. دعوا); инг. fuo 'воздух' (< араб. هوا), инг. sibæt 'лицо, внешность, образ' (< араб. صفة 'форма, признак'), инг. miqhæth 'голос (человека)' (< араб. مقام 'музыкальный тон'), инг. zabæg 'болтливость, хвастливость, изнеженность' (< араб. طرفى 'изящество в манерах, речи' и т. п.) и т. д., с другой стороны — примеры этого влияния. Во многих из приведенных случаев заметно (в фонетике и семантике) турецкое, (чаще всего кумыкское), посредничество. Кумыки выступали, прежде всего, как носители высшей в материальном отношении культуры. Это доказывается большим количеством относящихся сюда заимствований. Таковы, напр., инг. altæth 'навес, оконный или дверной' (< кум. aldəna 'напротив, впереди'), инг. altæz 'атлас (материя)' (< из кум., араб. اطلس), инг. æthbar 'амбар' (< кум. ambar), инг. basmæ 'ситец' (< кум. basma 'на-

бойка, набивная бязь¹). инг. čaštæq (čaštæ) 'дробь' (< кум. čaštma), инг. čaqtæ (čaqtæm) 'ружейный затвор' (< кум. čakma 'курок'), инг. čartæq 'купол, поля шляпы' (< кум. čartak, из перс.), инг. čatæg 'шагер' (< кум. čatæg), инг. čæghærg 'подъемный ворот' (ср. кум. čægarmaq 'вытаскивать'), инг. faz 'феска' (< османск. فس, не из кумыцкого, ввиду начального f), инг. feting 'пуговица' (< кум. pent, из перс. بند), инг. bejgæq 'знамя, флаг' (< кум. bajrak), инг. biel 'лопата' (< кум. bel), инг. bieš 'сад, огорд' (< кум. bašča?), инг. boambij 'вата' (< перс. پنبه), инг. buolæt 'сталь, булат' (< кум. bulat), инг. buoz 'бязь, материя' (> кум. biz 'полотно', из араб.), инг. čamij 'чашка' (< перс. جام), инг. čagx 'колесо' (< перс. چرخ), инг. čiermæ 'бочка' (< кум. čerme), инг. čuon 'чугун' (< кум. čojun), инг. čuoqij 'черкесска, женское платье' (< перс. چونا 'одежда шерстяная'), инг. gætæ 'полотенце' (< араб. كتان 'полотно'), инг. ghovtæl 'бешмет' (< кум. kartal), инг. ghudæiq 'повозка четырехколесная, линейка' (ср. кум. kozalak id.), инг. ghumægh (ghumghæ) 'рукомойник' (< кум. kumhan), инг. goalæm 'удила' (< перс. لکام), инг. hædsäq 'лук для стрельбы, смычок, инструмент для сбивания шерсти' (во второй части < кум. sadak 'стрела'), инг. uj 'доска' (ср. кум. uj 'дом?'), инг. ikk 'сапог, ботинок' (кум. etik), инг. inzæ 'позумент' (< кум. inži 'жемчуг'), инг. isxælij 'фабричное сукно' (< кум. isxarla),¹ инг. jovlæq 'платок, полотенце' (< кум. jauluk, ср. инг. šovlæq 'платок головной шелковый'), инг. juvrg hæ 'одеяло' (< кум. juburgan), инг. kăxæt 'бумага, прошение, документ, грамота, письмо' (< кум. kaçæz, из перс.), инг. kiemæ 'лодка, корабль' (< кум. geme), инг. kier 'болванка, колодка, туловище' (< кум. ker 'форма'), инг. khadæ 'материя, ткань' (< кум. kadaba 'бархат', из араб. قطنه), инг. kisæ 'карман' (< кум. kise), инг. kuzgæ 'зеркало' (< кум. güzgü), инг. læ 'подкова' (< кум. nal, из араб.), инг. čuogræ 'суп, бульон' (< кум. šogra) инг. čxaghæg 'вино' (< кум. čaçæg), инг. dărij 'шелк' (< кум. daraj, из перс.), инг. mixmæg 'парча' (< из кум., араб. معمل), инг. sovrgæ 'шагрень' (< кум. sauræg), инг. sunt 'плотина' (< из кум., араб. سد), инг. šargbæl 'шаровары' (< кум. šalbar), инг. mæxæg (mixur) 'печать' (< кум. toxur), инг. măčij 'чувяк' (< перс. مس),² инг. oattæghæl 'инструмент' (< кум. uturgu 'долото'), инг. uotuv 'передняя комната, прихожая' (< кум. otav 'комната, спец. свадебная зала'), инг. pal-

¹ Слово широко распространено, на Кавказе — осет. скæллад, груз. სკალადი, и пр.

² Слово широко распространено по Кавказу: русск. мѣчты (кубанск.), осет. мес, груз. შეხტი, лезгинск. шæз, татск. шоѝ, и т. д.

čæq ‘башлык’ (< кум. bašlək), инг. šušæ ‘бутылка, стекло ламповое’ (< кум. šiša, из перс.), инг. pašmæq ‘башмак’ (< кум. bašmak), инг. piælæ ‘стакан’ (< кум. piala, из перс.), инг. poartæl ‘приданное, домашние вещи’ (< кум. paltar resp. partal), инг. porduv ‘занавес’ (< перс. پرده), инг. qabæ ‘кувшин, горшок’ (< кум. хаба), инг. qhoanzuolg ‘жилетка’ (< араб. قميص ‘рубашка’), инг. saræ ‘мыло’ (< кум. sarəp), инг. sangæg ‘канавка’ (< кум. sinqig ‘ров, траншея, крепость’, из перс.), инг. sæxæt ‘часы, час’ (из кум. < араб. ساعة), инг. suluv dæg ‘дубить’ (< кум. sūlu ‘влажный’; ср. инг. dierbæt ‘дубленный’ < араб. دباعة), инг. tærçæ ‘пистолет, револьвер’ (< кум. taranča), инг. taxt ‘лист бумаги, железа’ (< перс. تختة), инг. tiegæ ‘шить’ (ср. кум. tikmek id.), инг. turmæl ‘бинокль, подзорная труба’ (< перс. دوربین), инг. tælbæ ‘потник под седлом’ (< перс. ترمه), инг. thormij ‘сума, сумка’ (< перс. تریوه), инг. tuor ‘ружье’ (< кум. tübek), инг. хушрhæg ‘кобура’ (< из тур. قنبر, ср. араб. قنبر ‘ножны’, и кабард. kəmbəge ‘кобура’), инг. зуртæ ‘зурна, музыка’ (из кум., < перс. سرنا), и т. д.

Определенную группу терминов, связанных с денежными отношениями и торговлей, образуют следующие слова: инг. abæz ‘20 копеек (монета)’ (< кум. abbas, ср. инг. еррæz ‘двугривенный’ (единица счета), id.), инг. alærij ‘жалованье’ (< кум. alara), инг. axçæ ‘деньги’ (< кум. akča), инг. tumæ ‘десять рублей’ (< кум. tuman), инг. bazæg ‘рынок, торговля’ (< кум. bazar), инг. bie ‘разница’ (< перс. به ‘хороший, лучший’), инг. ezæg ‘тысяча’ (< перс. هزار), инг. dast ‘5 штук, мера торговцев сафьяном’ (< перс. دسته), инг. duruz ‘ровно, в меру’ (< перс. درست), инг. егšæ ‘аршин’ (< кум. aršin), инг. gieræk ‘фунт, гиря’ (< перс. کروانکه), инг. ganz ‘сокровище, клад’ (< перс. گنج), инг. gierd ‘мера сыпучих тел’ (< кум. gerde, из перс. کرده ‘круглый предмет’), инг. misqhal ‘золотник’ (< араб. مثقال), инг. mulk ‘богатство, казна, государственное имущество’ (< араб. ملك ‘владение, собственность’), инг. рæjdæ ‘польза, выгода’ (< кум. paida, из араб.), инг. ruzqhæ ‘богатство, состояние’ (< араб. رزق), инг. sæx ‘мера сыпучих тел’ (< араб. صاع), инг. suom ‘рубель’ (< кум. som), инг. sovdiægæg ‘торговец’ (< кум. saudügerçi, из перс.), инг. sovghæt ‘дар, подарок’ (< кум. saughat), инг. šæj ‘пятак’ (< перс. شاهی), инг. tægæg ‘весы’ (< перс. ترازو), инг. tikæ ‘лавка’ (< араб. دكان), инг. tur ‘штука материи’ (< кум. tur), инг. voxçæ ‘кошелек’ (< кум. voxča ‘конверт’), инг. хæлqh ‘достояние, имущество’ (< араб. خلق ‘творение, создание?’), инг. zulæm ‘убыток, вред’ (< араб.

ظلم 'несправедливость'), инг. хæзніе 'богатство, казна' (< араб. جزينة), инг. хæсæр 'торговля мясом' (< араб. قصاب 'мясник'), и др.

Столь же обширна категория общих слов, касающихся животного и растительного мира и связанных с ним понятий. Сюда относятся: инг. алсæ 'упряжная лошадь' (< кум. alaša 'низкорослая лошадь'), инг. с̆абæқ 'рыба' (< кум. s̆abak), инг. боал 'вишневое дерево, вишня' (< из перс. آلبالو, ср. кум. b'ali, балк. balli, карач. bāli, груз. ბალო 'черешня'), инг. боалуоз 'воск' (< кум. balabuz), инг. буогсæқ 'барсуk' (< кум. borsuk), инг. бугһæ 'бугай, племенной бык' (< кум. bogha), инг. бурĉ 'перед черный' (< кум. burĉ), инг. буртиг 'зерно' (< кум. bürтік), инг. сусghuolg 'крыса' (< кум. s̆iĉkan 'мышь'), инг. дугæ 'рис, плов' (< кум. dugu), инг. гамæж 'буйвол' (< кум. gamuš), инг. гһаž 'гусь' (< кум. kaz), инг. һæјghæг 'жеребец' (< кум. aјγæг), инг. јабæқ 'тыква' (ср. кум. kabak), инг. јorghæ 'иноходец' (< кум. јоγγа), инг. јæлтæ 'хлеба', (ср. кум. xalta 'овощи?'), инг. кæг 'сечка из соломы, саман' (< кум. kaga 'сушеные фрукты?'), инг. кһуог 'уголь' (< кум. kōmür), инг. лæхæ 'запас мяса на зиму' (< араб. لحم 'мясо'), инг. лăсæ 'сокол' (< кум. laçæn), инг. маххæт 'брага' (< кум. maxsəta), инг. мејтæл 'обезьяна' (< кум. majmun, ср. карач. majmul), инг. оасив 'каменная соль' (< кум. ас̆ 'кислый, горький'), инг. оs 'ряд скошенной травы' (< кум. jəzik 'ряд, последовательность'), инг. растæ 'дыня' (< кум. pastan), инг. рил 'слон' (< кум. ril), инг. qhaqæqh 'водка' (< кум. arak, из араб. عرق), инг. qoq 'голубь', qoqæгĉ plur. (< кум. gögügĉün), инг. sangæл 'сера' (ср. перс. سنگ 'камень?'), инг. s̆āghæz 'смола' (< кум. saγəz), инг. s̆āmærsäq 'чеснок' (< кум. sarəmsak), инг. сурghæ 'молодой бугай' (< кум. səјæг 'корова', ср. азербайдж. صغیر 'бык'), инг. šiekæг 'сахар' (< перс. شکر), инг. šuræ 'молоко' (< перс. شیر?), инг. šibuz 'перец красный' (ср. карач. šəbžə), инг. тхамкæ 'габак' (< кум. tamaku), инг. хærbæz 'арбуз' (< кум. xarbus), инг. тæzæ 'пресный' (кум. taza 'свежий, новый?'), инг. топрæг 'глина' (< кум. toprak 'земля'), инг. туотæқ 'дрофа' (< кум. dudak), инг. хингæл 'галушка из курурузной муки' (< кум. hiŋkal), инг. хæјbæ 'животное, скотина' (< кум. haјban, из араб.), инг. хæјbæ 'персик' (< кум. haјwa 'айва'), инг. ховлæ 'халва' (< кум. halwa, из араб. حلوی), инг. зузæ 'цветок' (< кум. s̆eĉek?), и пр.

Дальнейшую группу связанных в одно целое терминов образуют слова, относящиеся к гражданскому и политическому правопорядку. Таковы, напр., инг. бăс̆сæ 'вождь, предводитель, вожак' (< перс. پادشاه, ср. инг.

pædčæx, др. форма того же слова?), инг. bieğæg 'подводная повинность' (< ср. тур. азербайджанск. *بیار* 'повинность, заключающаяся в даровой поставке лошадей и ароб' и т. д., по формулировке С. П. Зелинского),¹ инг. eskig 'войско, армия' (< кум. asker), инг. ærghæ 'очередь, черед' (< кум. jerge), инг. ærij 'пустынный, необработанный' (< кум. aɣəw 'чистый'), bælxij 'помочь общественная' (ср. кум. bulka id.), инг. bjur 'приказ' (из чеченск. < кум. bujruk), инг. eχ 'стыд, совесть' (< кум. jah 'совесть, сострадание', ср. инг. jæχ 'самолюбие, зависть'), инг. iel 'совокупность многих однородных предметов, аул' (< кум. el 'село'), инг. erij 'сборище' (< кум. ergemek 'собираться'), инг. gharæbaš 'рабыня' (< кум. kaɣabaš),² инг. ghuluq 'дело, служба, услуга', ghuluqčæ 'служащий' (< кум. kulluk, kullukçi), инг. jasæq 'дань подать' (< кум. jasad), инг. jiesæg 'военнопленный, раб' (< кум. jesir), инг. jovlæ 'бездомный' (< кум. aulija 'глупый'), инг. jovsæg 'босьяк' (< кум. joksul), инг. kur 'квартал; фамилия, род' (< араб. *كورة* 'область, район'), инг. næbaxtie 'тюрьма' (< араб. *محبوس* 'арестант?'), uotæg 'сарай' (< кум. otar), инг. ovlæ 'аул' (ср. тур. aul), инг. özdij 'уздень, дворянин' (< кум. özden), инг. rигæm 'разрешение, разрешение' (< перс. *فرمان*), инг. qačæ 'пища, харчи' (< кум. xarž 'расход', из араб.), инг. qæxрæ 'распутная женщина' (< араб. *قحبه*), инг. qhæm 'народ, племя' (< араб. *قوم*), инг. sij 'совесть, честь, уважение', sijzæ 'бессовестный, нечестный' (< кум. sij 'уважение, любовь'), šæxæg 'город, большое село' (< перс. *شهر*), инг. ghuod 'штраф, пеня, наказание' (< араб. *قود* 'месть'), инг. tæjрæ 'род, фамилия, тип, форма' (< араб. *طائفة* 'класс, сословие'), инг. toabæ 'группа, партия, толпа' (< кум. tabən), инг. toj 'свадьба, пир, веселие' (< кум. toj), инг. turuq 'помощник должностного лица' (< кум. turγak 'десятник'), инг. tutmæq 'арестант' (< кум. tutmak 'арестовать'), инг. tχamghæ 'тамга, тавро, герб' (< кум. tamga), инг. ujlæ 'мысль, намерение' (< кум. oj, ojla-), инг. ugmæ 'улица' (< кум. ogam), инг. xan 'хан' (< кум. xan), инг. xuonkæg 'турецкий султан' (< тур., *خونکار*), инг. xækim 'начальник' (< кум. hakim, из араб.), инг. žæmhiet 'общество' (< араб. *جمعية*), и пр.

¹ См. Словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1889, стр. 12—13. Слово bieğæg могло быть заимствовано из грузинского языка, где *ბიგაგა* 'повинности в пользу помещика, барщина', и т. п.

² Это же слово имеет значение русской Бабы-Яги; ср. замечания Ахриева в статье: Из чеченских сказаний, стр. 39, прим. (Сборн. свед. о кавказских горах, вып. V).

Слова кумыкского (геср. общемусульманского) происхождения проникают во все сферы жизни, исчерпывающее перечисление их потребовало бы значительного места. Отметим, что к перечисленным уже категориям слов можно без труда добавить множество примеров. Инг. *turǰæl* 'богатырь'¹ (ср. балкарск. *tulfar* 'большой, сильный', карач. *tułraǰ* 'храбрый, герой, великан', и ср. киргиз. *تولپار* 'боевой конь', джагат. *تول* 'боевой конь'), инг. *tur* 'меч, пашка' (слово распространено по всему восточн. Кавказу, вплоть до армянск. *Թուր*), инг. *saǰmæk* 'дракон' (< перс. *سیرغ* 'феникс', ср. балкар. *saǰūwek* 'дракон', карач. *saǰubek* 'дракон, крокодил'), инг. *ubur* 'вампир' (< кум. *öbūr* 'злой, фальшивый', ср. каз. *اوبر* 'обжора, ведьма, злой дух', русск. 'упырь'),² инг. *roal* 'горошина для гадания, гадание' (< араб. *فال* 'предсказание, гадание, ср. кум. *raļi* 'гадатель', *raļ salmak* 'гадать'), инг. *fiē* 'бдительный' (< араб. *فاحل* 'деятельный'), инг. *ɟillaē* 'притворство, лукавство' (< араб. *حل* 'освобождение от клятвы, дозволение', ср. кум. *hilla* 'коварство'), инг. *ɟælæk* 'погибель, разорение' (< араб. *هلاک*, ср. кум. *halek etmek* 'возмущать'), инг. *eip* 'вред, убыток, порок' (< араб. *عیب*), инг. *bæxæp* 'причина' (< кум. *baɟana*), инг. *iǰæz* 'счастье' (< кум. *iǰazē* 'довольный', ср. инг. *ǰæzē* 'согласный, довольный', из араб. *راض*), инг. *kiçæ* 'пословица, поговорка, анекдот, басня, притча' (< араб. *قصة*), инг. *kiŋæz* 'церковь' (< араб. *كنيسة*), инг. *læ* 'спор, парп' (< араб. *رهن* 'заклад'), инг. *mākæǰ* 'сообразительный, хитрый' (< араб. *ماکر* 'обманывающий'), инг. *molxæ* 'порошок, порох, лекарство' (< араб.-перс. *ملوم* 'мазь, лекарство'), инг. *oamæł* 'нрав, привычка, характер' (< араб. *عمل* 'деяние, поступок'), инг. *pełxæ* 'акробат' (< араб. *بلهوانی*), инг. *ǰhæd* 'сложение, структура' (< араб. *قد* 'стан, талия'), инг. *sabæǰ* 'сдержанность, терпение, кротость' (< араб. *صبر*), инг. *tamæš* 'удивление' (< араб. *تأشى* 'расхаживал', через тур.), инг. *xæbæǰ* 'известие, новость, сведение' (< араб. *خبر*), инг. *hozæ* 'красивый' (< араб. *حسن*), инг. *ǰuor* 'ответ' (< араб. *جواب*), инг. *ǰhovxæǰ* 'драгоценный камень' (< араб. *جوهر*), инг. *hovdæl* 'глупый, неразумный' (< араб. *ابدال* 'отшельник') инг. *laghæ* 'ступень' (ср. араб.

¹ Слово *turǰæl* воспринимается иногда в литературе о чеченцах неправильно, как собств. имя (почин сделал Берже, о. с., стр. 129), ср. замеч. Услара, Чеченский язык, стр. 148.

² К ингушскому представлению об *ubur* ср. Далгат. Первобытная религия чеченцев, стр. 117; к чеченскому понятию — Лаудаев, о. с., стр. 53. В балкар. *obur* 'волшебник', в карач. 'ведьма'.

راق 'восходящий' и مراق 'ступени, лестница'), инг. vas 'неприятность, огорчение' (ср. араб. ياس 'горе, отчаяние), инг. piš 'ненадежный' (ср. тур. پس 'дурной, злой, плохой'), инг. zie 'вред, убыток' (< перс. زیان), инг. xīnæg 'энергия, бодрость' (< перс. هنر 'искусство, доблесть'), инг. xurdij valæg 'опуститься, обосаячиться' (< перс. خرده 'мелкий, незначительный'), инг. xægħ 'ненависть' (ср. тур. باغی 'враг, неприятель?'), инг. ġunæx 'участие, роль, отношение' (< перс. گناه 'грех, вина'), инг. arqħæl 'навзничь, на спине' (< кум. арка 'спина'), инг. ærghæ 'скирда' (< кум. arak), инг. bielġæl 'определенно, наверное' (< кум. belgili 'известный, заметный'), инг. ġhum 'песок' (< кум. xum), инг. astæghæ 'хромой' (< кум. axsak, ср. axsaklamak 'хромать'), инг. bašxæ 'отличный, особенный' (< кум. bašxa), инг. bæт 'лицо' (ср. кум. bet 'щека, лицо'), инг. čuš 'кал, помет' (< кум. čičmak 'alvum exonerare'), инг. čægærg 'плешина' (ср. карач. čəγəg, балк. čəkəg 'лысый', осет. цæгæр 'плешина'), инг. čæq 'через, насквозь' (< кум. ček 'граница'), инг. čoar 'припадок, иступление' (ср. кум. čarтак 'бросаться, нападать' и т. п.), инг. čoabuol 'рысь, аллюр' (< кум. čabul), инг. juort 'малая рысь' (< кум. jort), инг. darbæ 'лекарство' (< перс. درمان), инг. doazuv 'граница, рубеж' (< кум. dazuv), инг. ġiečuv 'брод' (< кум. geču), инг. ġhejghæ 'скорбь, горе' (< кум. kajγə), инг. ġhovghæ 'шум' (< кум. kauγa), инг. ġagæ 'каждый, всякий' (< кум. haγ, из перс.), инг. ijġčæ 'некрасивый, уродливый' (< кум. eγši), инг. ilij 'песня' (< кум. jīg), инг. jalæng 'верхом на неоседланной лошади' (< кум. jalan 'пустой, оголенный'), инг. jurt 'аул, селение' (< кум. jurt), инг. kir 'груз, кладь, обоз' (< кум. kire 'наем', из араб.), инг. kult 'связка, охапка, кипа' (< кум. külte 'сноп, вязанка'), инг. mieq 'ус' (< кум. mijik), инг. nægæx 'изредка, по временам; если' (< кум. naγa 'хотя, если'), инг. oaghuv 'сторона, бок, стена' (ср. кум. jaγa 'край, берег'), инг. oaz 'звук, нота' (< перс. اواز), инг. sāq 'зоркий, внимательный, чуткий' (< кум. sak), инг. tölghij resp. tælghij 'волна' (< кум. talkun), инг. tælmač 'переводчик' (< кум. tilmač), инг. tātmæ 'повод, предлог' (< кум. taman 'достаточно'), инг. tersæ 'грубый, простой, наивный' (< кум. ters), инг. tierkæl dær 'обращать внимание' (< кум. tergeü 'внимание'), и т. д.

Факты ингушского словаря говорят, таким образом, о всестороннем проникновении мусульманской культуры в жизнь Ингушии: за ними стоят те реальные, экономические и идеологические, взаимодействия, благодаря которым они и проникли в язык, придав ему специфический, некогда, без

сомнения, совершенно отсутствовавший, отпечаток. Мусульманство является и до наших дней той главной культурной стихией, которая питает немногочисленную пока ингушскую интеллигенцию. Перелом, начавшийся уже в XX в. — сдвиг в сторону европейской, идущей по русскому руслу, культурной ориентации, намечается впрочем все больше и больше. Регистрация фактов и явлений языковых встречает здесь немаловажное затруднение: каждый новый день приносит изменения. Если ограничиться материалом, зарегистрированным в единственном пока ингушско-русском словаре Мальсагова (которым, главным образом, и пользовались мы в предшествующем изложении), можно отметить следующие «русицизмы»: *bankæ* < ‘банка’, *banij* < ‘баня’, *böškæ* < ‘бочка’, *čaj* < ‘чай’, *čuoč* < ‘счет’, *epsær* < ‘офицер’, *istuoł* < ‘стол’, (через кумыков), *iškuolie* < ‘школа’ (через кумыков), *kæbus* < ‘капуста’, *kæpig* < ‘копейка’, *kilovzæl* < ‘кляуза’, *kinišk* < ‘книжка’, *kirpišk* < ‘кирпич’,¹ *koluošk* < ‘галоши’, *kortuoł* < ‘картофель’, *mæšin* < ‘машина’, *mejdælg* < ‘медаль’, *partij* < ‘партия’, *raškæ* < ‘пачка’, *piešk* < ‘печка’, *poltuv* < ‘пальто’, *piskæ* < ‘список’, *roatron* < ‘патрон’, *poštæ* < ‘почта’, *saltie* < ‘солдат’, *sæmvar* < ‘самовар’, *sijnæ* < ‘синий?’² *sigæ* < ‘серый?’, *sud* < ‘суд’. Подбор вполне случаен, количество руссицизмов может быть увеличено во много раз; но для нашей цели достаточно лишь отметить этот новейший этап ингушской культуры, которому суждено, как можно надеяться, внести в ингушский культурный обиход те элементы общечеловеческой культуры, которых ему недоставало до сих пор по вине прошлого.

А. Генко.

Лето 1929 г.

¹ Может быть от кумыков.

² Вероятно, случайное созвучие. Ср. скорее, иранск. а-хšāēna ‘dunckelfarbig’.